
ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Третий Всесоюзный съезд колхозников. Товарищи Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий среди делегатов съезда.

Фото А. Гостева.

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 49 (2214)

6 ДЕКАБРЯ 1969

Третий Всесоюзный съезд колхозников. Товарищи А. П. Кириленко и Г. И. Воронов беседуют с делегатами съезда.

В кулуарах съезда. Председатель колхоза имени Ленина, Краснодарского края, А. Звягин, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Красная нива», Кабардино-Балкарской АССР, Н. Евтушенко, гость съезда писатель В. Закруткин, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г. Золотухин, председатель колхоза «Россия», Краснодарского края, И. Гармаш.

Делегаты съезда: свинарка колхоза имени Кирова, Татарской АССР, Д. Идиатуллина, Герои Социалистического Труда комбайнер колхоза «Рассвет», Оренбургской области, В. Чердинцев, председатель колхоза «Москва», Таджикской ССР, И. Байматова, бригадир колхоза «Сопка Героев», Краснодарского края, Ф. Лазутко, звеньевая колхоза «Украина», Винницкой области, О. Десяк.

Делегаты съезда голосуют за принятие Примерного Устава колхоза.

Фото С. Раскина.

Когда читатели получат этот номер журнала, делегаты III Всесоюзного съезда колхозников будут уже дома, и снова в рассветный час их позовут дела — на поля, на фермы, в мастерские, на сельские стройки, в зимние сады. Но те три московских дня они вряд ли когда забудут! Съезд вылился в рапорт стране, в праздник мастеров организации колхозного производства, мастеров высоких урожаев и надоев. Всех их, все колхозное крестьянство в ответном порыве приветствовали сыны рабочего класса, а потом — юные пионеры, а несколько позже — представители творческих союзов. Да и кто в нашей стране не захотел бы еще и еще раз поклониться труженикам полей и ферм!

Разговор на всесоюзном сходе колхозного крестьянства закончился принятием важных решений.

Третий Всесоюзный съезд колхозников принял Примерный Устав колхоза, рекомендовал колхозам на его основе выработать устав своего колхоза и утвердить его на общем собрании колхозников.

Съезд постановил образовать союзный Совет колхозов и утвердил его состав. Председателем Совета избран В. В. Мацкевич, министр сельского хозяйства СССР, заместителями — В. М. Кавун, председатель колхоза имени XXII съезда КПСС, Винницкой области, и И. М. Семенов, председатель колхоза «Новая жизнь», Тульской области.

Съезд колхозников единогласно принял решение ввести с 1 января 1970 года единую систему социального страхования колхозников.

Делегаты съезда обратились с письмом к Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР постановили:

«УТВЕРДИТЬ ПРИНЯТЫЙ ТРЕТЬИМ ВСЕСОЮЗНЫМ СЪЕЗДОМ КОЛХОЗНИКОВ ПРИМЕРНЫЙ УСТАВ КОЛХОЗА».

Корреспондент «Огонька» Н. БЫКОВ попросил председателя колхоза «Красный Октябрь» Федора Павловича Максимова поделиться впечатлениями о работе съезда.

ЗЕЛЕНЫЙ МАНДАТ

Ф. МАКСИМОВ, председатель колхоза «Красный Октябрь», Курской области, дважды Герой Социалистического Труда

Фото А. Гостева.

Наш съезд — огромное событие в жизни страны, он явился демонстрацией торжества ленинской идеи кооперирования крестьян. Об этом ярко и убедительно сказали Леонид Ильич Брежнев в своей речи и Дмитрий Степанович Полянский в докладе «О новом Примерном Уставе колхоза».

Важной темой разговора я считаю вопрос о земле, об отношении к ней как к главнейшему источнику нашей силы и нашего благосостояния. Именно об этом говорили в своих выступлениях и мой коллега с Украины Василий Михайлович Кавун, и человек, ставший совестью хлебопашцев, наш крестьянский ученый Терентий Семенович Мальцев, и мудрая — иного слова тут не подберешь — обаятельная Эльмина Отсман, комбайнер из Эстонии. А смысл сказанного ими прост: земля—главное, о чем всем нам сейчас надо подумать. Ее, земли, как было подсчитано на съезде, у нас меньше гектара пашни на душу населения! А ведь городское население, число потребителей хлеба, мяса, молока, растет и, естественно, будет расти неуклонно. Задача наша — хозяйствовать так, чтобы с того же гектара получить значительно больше дешевой продукции, чем получаем сегодня. А это не так-то просто.

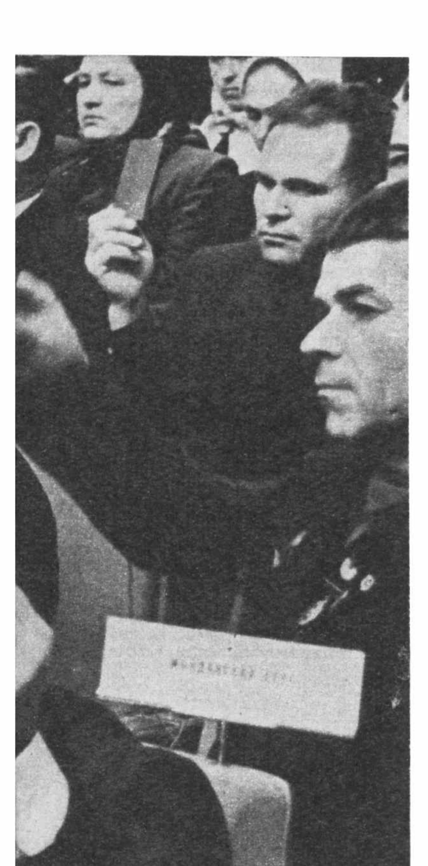
Я сидел в зале Дворца съездов, а думал о своей Сухой. Да, Сухая — так неспроста издавна называется наша деревня, где ныне центральная усадьба колхоза. Овраги, балки, склоны — вот лицо наших полей. Картина отнюдь не величественная, но ведь это земля дедов и отцов наших, и для нас она единственная! Вот почему колхоз наш старается любовно, иного слова опять-таки не подберу, ухаживать за полями. Мы обсадили все балки деревьями и кустарниками и приостановили процесс эрозии, уноса и без того небогатого слоя почвы. В 1968 году завершили землеустройство, теперь конфигурация полей у нас такова, что пашем мы лишь поперек склонов. Результаты? Нынче намолотили в среднем по 28 центнеров зерна с гектара. У нас много скота, поэтому и заботы о кормах у нас на первом месте. Мы сеем клевер, овсяницу луговую, эспарцет, райграс. Выгнать скот некуда, по существу, он круглый год на стойловом содержании, поэтому вся надежда на грамотное, культурное земледелие. К сожалению, дать норму минеральных удобрений под каждую культуру мы пока не можем: мало их, удобрений. Полностью удобряем лишь сахарную свеклу. Под зерно минералку почти не вносим, а надо бы селитры дать ему не менее одного-полутора центнеров...

Видите, заботы нынче совсем иные, чем десяток лет назад. А ведь я помню и 1929 год в нашей деревне! Я тогда был комсомольцем и стоял буквально у колыбели нашего колхоза. Велика власть земли!.. Помню, только я демобилизовался в 1946 году, а погулял не больше недели, уже на восьмой день меня избрали председателем. И вот считайте, двадцать три года... Что и говорить, сделанное людьми моего поколения грандиозно и в социальном и в экономическом плане!.. Потому и о земле такой страстный, принципиальный разговор. При нынешнем уровне техники, мелиорации и химизации нельзя снижать урожаев, а с другой стороны, нельзя и землю насиловать, нельзя допускать ее оскудения!

От кого зависит, чтобы наши отношения с землей оставались и впредь, я бы сказал, человеческими? От человека, на ней работающего. От каждого тракториста, агронома, бригадира. Вот почему обязательно запишите имена тех, кто в нашем колхозе показывает пример такого человеческого отношения к земле, без которого мы не разовьем круга деревенских проблем. Андрей Андреевич Медведкин, начальник одного из производственных участков, не имеет агрономического образования, но его умение работать на земле поучительно. Совсем недавно у нас работает агрономом Михаил Бондарев, хороший специалист, я многого от него жду, так вот и он, уже получив диплом, учится у Андрея Андреевича. Назову еще таких мастеров урожая, как звеньевые Мария Николаевна Иванова и Анна Тимофеевна Коноводченко, бригадир Михаил Дмитриевич Савельев, трактористы Николай Бабенко и Павел Васюков...

Почему я перечисляю их имена? Да потому что, повторяю, сейчас все зависит от того, как наши колхозники будут относиться к земле. Но, само собой разумеется,— и от того, как будут относиться к ним, к колхозникам. На съезде не зря говорили о недостаточном пенсионном обеспечении в колхозах, о разнобое в этом смысле в разных хозяйствах. А взять вопрос о профсоюзах. И я, и наши специалисты, и механизаторы — мы все профессионально объединены, организованы, а полеводы, свекловичницы, животноводы? Нет! А разве ферма да и поле свеклы не самые горячие цеха?..

Ну, вот все пока, если коротко. Уезжаю с отличным настроением. Силенок еще хватает, поработаем не хуже, чем раньше, когда колхозы жили наперекор многим объективным и субъективным трудностям. Большинство из них позади. А это значит, что с нас, колхозников, которым отныне многое дано, многое и спросится. Вы заметили, как поднимались при голосовании во Дворце съездов зеленые мандаты делегатов? Как зеленя по весне! Зеленый мандат — это решающий голос наших земледелов! Зеленый мандат полей дает нам высокое право самим решать дальнейшую судьбу колхозной деревни. В полном соответствии с принятым законом колхозной жизни.

Генерал-лейтенант инженерных войск В. АВСЕЕНКО, начальник Военно-инженерной ордена Ленина Краснознаменной академии имени В. В. Куйбышева.

ДВАЖДЫ ОРДЕНОНОСНАЯ

Все необходимые военному инженеру расчеты мгновенно и безошибочно сделает электронно-вычислительная машина. На снимке (слева направо): доктор технических наук инженер-майор Б. Н. Юрков со слушателями — старшим лейтенантом И. С. Нуруллиным и капитаном А. В. Алехна.

Фото Л. Бородулина.

Полуторавековой юбилей отмечает Военно-инженерная ордена Ленина Краснознаменная академия имени В. В. Куйбышева.

Вскоре после Отечественной войны 1812 года, 6 декабря 1819 года, создается Главное инженерное училище. С этого дня и ведет свое летосчисление прославленная кузница военно-инженерных кадров. С честью и достоинством развивала она военно-инженерное искусство, выдвигала из своей среды видных представителей науки и техники. Вспомним имена блестящих ученых-фортификаторов, принесших славу России: А. З. Теляковского, Ф. Ф. Ласковского, Э. И. Тотлебена, признанного авторитета в строительной механике Г. Е. Паукера, специалиста по военным сообщениям М. Н. Герсеванова.

Отдадим должное и другим выдающимся и талантливым военным инженерам более позднего поколения: К. И. Величко, Н. А. Буйницкому, Р. И. Кондратенко — прославленному защитнику Порт-Артура. В нашей академии получил образование и Герой Советского Союза генерал Д. М. Карбышев. Мемориальная доска с его именем ныне укреплена на фасаде главного корпуса. Академия гордится тем, что в ее стенах в разное время учились и воспитывались Ф. М. Достоевский и Д. В. Григорович, И. М. Сеченов и известный художник К. А. Трутовский, композитор Ц. А. Кюи, ставший профессором фортификации, и изобретатель «электрического света» П. Н. Яблочков.

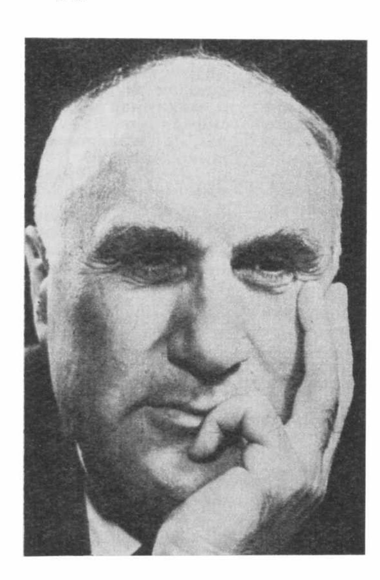
В нашей академии преподавали крупные ученые. Бессмертный Д. И. Менделеев, математик М. В. Остроградский, физик К. Д. Краевич, механик Н. Л. Кирпичев, военный теоретик Г. А. Леер — вот далеко не полный перечень ее профессоров, передававших передовые идеи своим благодарным питомцам. А их было немало: с начальных дней своего существования до Великой Октябрьской социалистической революции из стен академии вышло более трех тысяч военных инженеров.

Закрытая недальновидным царским правительством в начале первой мировой войны, академия по-настоящему возродилась в первые же недели Советской власти. Уже 27 ноября 1917 года она распахнула свои двери для истинных представителей освобожденного народа — рабочих и крестьян. Для них открылись подготовительные курсы. Суровые и тревожные годы интервенции и гражданской войны часто вынуждали слушателей менять перо и книгу на винтовку. Слушатели уходили оборонять революционный Петроград, когда наступали кайзеровские войска. Многих воспитанников академии можно было встретить на фронтах борьбы против Юденича и Колчака в 1919 году. Мужественно сражался коммунистический отряд слушателей против кронштадтских мятежников. Знания, энергия и преданность ее питомцев использовались при создании Самарского укрепленного района и Каховского плацдарма, на которых молодая Красная Армия сражалась против белых орд Колчака и Врангеля. Всюду — в учебе и в боях — еще немногочисленные тогда ячейки коммунистов академии были той притягательной силой, которая цементировала и воодушевляла красных командиров-инженеров на учебу и ратные подвиги.

Завершена гражданская война. Приступает к перестройке героическая Красная Армия. И Военно-инженерная академия совершенствует и развивает свою педагогическую и научную деятельность.

Успехи академии отмечаются присвоением ей в марте 1935 года имени Валериана Владимировича Куйбышева.

ДАР ВДОХНОВЕНИЯ

Этот удивительный человек с внешностью Маяковского, характером Кола Брюньона и душой руставелиевского Автандила однажды здорово ошибся. В ту пору на страницах грузинской печати появилось его стихотворение «Вдохновенье», в котором не без страха поэт говорит:

Но, быть может, когда
Перейду за порог полувека,
Для грядущей строки
Мне дыханья не хватит в груди,
Слово звучность утратит,
И станет хромать, как калека,
Мой стареющий стих...
Что ему суждено впереди?

Это строки Ираклия Абашидзе, которому на днях исполнилось шестьдесят лет. А в 1957 году, когда он написал эти строки, ему было всего лишь сорок восемь!

Он ошибся: главное свое произведение он написал почти через десяток лет.

Первые стихи поэта были рождены новой жизнью, в них отразился ее размах и пафос. Они покоряли своей искренностью и той «высокой простотой», которая свойственна большому, настоящему искусству.

В жизни каждого творца наступает момент восхождения на вершину. Правда, не каждому удается ее достигнуть, но Ираклию Абашидзе посчастливилось, ему удалось, он, как говорят в народе, видимо, родился в рубашке.

Долго мучила поэта судьба Руставели, его загадочная жизнь, его не менее загадочное исчезновение. И вот Ираклий Абашидзе пустился в далекий путь в поисках могилы своего великого соотечественника. Он поехал в Иерусалим, где в древнем Крестном монастыре, по преданию, похоронен Шота Руставели.

Так родилось главное произведение Ираклия Абашидзе «Палестина, Палестина...». Он нашел то, что искал всю свою жизнь. Родились знаменитые стихи из цикла «По следам Руставели».

Если веровал в солнце
и солнце в блаженнейший миг
Жгло,
сжигало
меня,
То превыше блаженства и зноя
только ты, мой язык,
Выразитель стремлений моих,
первородство мое...
О язык мой —
бессмертье земное.
Проникающий в недра,
в подземные глуби,
в моря,
Созерцающий небо,
ты звездным причастен чертогам.
Ты — сладчайшая скорбь,
ты — горчайшая радость моя,
Обо всем говорящий,
умалчивающий о многом.

Лучше не скажешь о языке, это именно вершина, и вся книга «Палестина, Палестина...» — это высокое достижение поэзии Ираклия Абашидзе.

Ираклий Абашидзе родился в маленьком местечке Хони, ныне город Цулукидзе. Он с детских лет слышал революционные марши, зажигательные речи пламенных большевиков, он с детства носил на груди красную ленту — символ братства и единства, символ освобождения пролетариата. Здесь же, в этом городке, родился Саша Цулукидзе — революционер, большевик, соратник Ленина. Он погиб рано. И вот стихотворение молодого поэта Абашидзе «Про-

Верная своим боевым традициям, академия посылает своих питомцев и преподавателей на защиту Родины в сражения у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Помогает она и революционной Испании.

Великая Отечественная война... Вводится ускоренная подготовка, создаются курсы по обучению военно-инженерному делу призванных в армию гражданских специалистов и студентов старших курсов. Из стен академии в армию ушло за военные годы свыше пяти тысяч военных инженеров. Не было такого фронта, такого участка борьбы в Великой Отечественной войне, где нельзя было бы встретить храбро сражающихся воспитанников академии. Без них не мыслились инженерная служба войск, творческое руководство инженерными частями. Всем известны имена маршалов инженерных войск — бывших слушателей академии М. П. Воробьева и А. И. Прошлякова. Не раз упоминались в Приказах Верховного Главнокомандующего генерал-полковники инженерных войск Ю. В. Бордзиловский, Л. З. Котляр, К. С. Назаров, А. Ф. Хренов, А. Д. Цирлин, словом, не будет преувеличением сказать, что генералы и офицеры — выпускники академии прославили на полях сражений военно-инженерное оружие.

Недаром 44 воспитанника академии удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Еще бушевала война, когда академия, отмечая свое 125-летие, прикрепила к боевому знамени орден Красного Знамени. И это было еще одним признанием ее заслуг в почетном и благодарном деле обучения и воспитания столь нужных Советской Армии военных инженеров.

Победоносно закончена Великая Отечественная война. Стремительное развитие науки и техники в стране, богатый военный опыт академии позволили ей еще интенсивнее и глубже развивать учебный процесс. Учебные планы, программы, методика, лабораторная база все полнее и полнее согласуются с тем, что повелевает проходящая в военном деле революция. Теперь ее выпускники ничем не напоминают тех, кого прежде кратко именовали саперами.

Академия никогда не могла представить себе полнокровного существования в отрыве от потребностей народного хозяйства. Ученые, работающие у нас, постоянно и с великой готовностью откликались на решение сложных, насущных технических проблем, встававших перед промышленностью, строительством, проектными учреждениями. Здесь было все: теоретические исследования, расчеты, эксперименты, экспертизы, консультации и приемки важных для страны народнохозяйственных объектов. Учебники и пособия, изданные в академии, широко используются в других учебных заведениях.

Немало известных ученых академии стали лауреатами Государственных премий и заслуженными деятелями науки и техники, награждены орденами и медалями.

Ни слушатели, ни работники академии не забудут памятный день 22 февраля 1968 года. В этот день накануне 50-летия Советских Вооруженных Сил академия была удостоена высшей награды — ордена Ленина.

Впереди знаменательная дата — 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Близка 25-летняя годовщина победы советского народа, Советской Армии в минувшей войне. И академия приложит все силы, чтобы достойно встретить эти события.

щание с Цулукидзе». Оно прекрасно, это стихотворение, прославляющее прошлое во имя настоящего. Я слышу его Марсельезу у гроба Цулукидзе:

> На какой наковальне ковали
> И в каком закаляли огне
> Эту песню высокой печали,
> С колыбели знакомую мне?

Я помню суровые дни войны. Я слышал голос капитана Бухаидзе:

> Я грузин Бухаидзе. Повержен
> Вражьей пулей в Кавказских горах.
> Если б мог я воскреснуть из мертвых,
> Если б ожил внезапно мой прах,—
> Я бы отдал опять свое сердце
> Милой родине в грозном бою,
> Вновь бы умер за землю родную —
> Ту, что грудь покрывает мою.

Каждый раз при чтении этих строк дрожь пробегает по телу и суровые слезы набегают на глаза. Хочется встать и минутным молчанием почтить память героя. Такова сила воздействия этого произведения; такова сила поэзии Ираклия Абашидзе.

Поэт, академик, общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР, энциклопедист — таков наш юбиляр. И он принадлежит не только Грузии — всему советскому народу. Он сам об этом заявил давно в своих стихах:

> Какому же краю страны дорогой
> Могу я сказать: «Поступаюсь тобой!»
> Какому?
> Когда мне родного родней
> Все земли счастливой Отчизны моей.

Николай ГАВРИЛОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПО ОДНОЙ ДОРОЖКЕ

Викентий МАТВЕЕВ

Почти пять лет назад появившиеся в небе над Демократической Республикой Вьетнам американские бомбардировщики возвестили разрывами бомб, пламенем напалма об открытии Вашингтоном фронта наглой агрессии против вьетнамского народа.

Более двух лет тому назад бомбы и ракеты, сброшенные с израильских бомбардировщиков на арабскую землю, взорвали мир на Ближнем Востоке.

Инициаторы эскалации войны в Юго-Восточной Азии рассчитывали в короткие сроки «навести порядок» в Южном Вьетнаме. Вьетнамский народ не встал на колени. Даже те деятели за океаном, которые близки к американской внешней политике, вынуждены признавать, что желанная «победа» в Южном Вьетнаме недостижима. Проблемой номер один для властей в США становится «водворение порядка» среди американцев. Когда репортеры, наблюдавшие за антивоенной манифестацией в Вашингтоне в середине ноября, сравнивали ее с морем, подступавшим вплотную к «островку» — Белому дому, то гиперболы, преувеличения в этом не было.

Вспомним, с какими «пророчествами» выступала израильская пресса, когда над Синаем, Голанскими высотами, долинами Иордании поднялись дымы пожарищ: «Судьба режима Насера под вопросом»... «Дамаск — на пороге потрясений»... Желаемое выдавалось за действительность, но реальная жизнь распорядилась совсем по-иному. Сегодня знамя антиимпериалистической борьбы развевается над еще большим количеством арабских государств, чем это было в июне 1967 года. Страны Арабского Востока добиваются все новых и новых успехов в экономике и укреплении своей обороноспособности. И даже военный комментатор тель-авивского радио Герцог вынужден констатировать: «...В проведении египтянами их операций наблюдается прогресс».

Американцы по горло сыты вьетнамской авантюрой. Бывший руководитель американской делегации в Париже Гарриман рекомендует правительству подумать о том, как скорее вывести войска США из Южного Вьетнама. А в период между волной американских антивоенных выступлений в середине октября и еще более грандиозных манифестаций в середине ноября президент Никсон взывает к своему народу быть «терпеливым», «послушным» и... согласиться с продолжением войны во Вьетнаме.

Что же касается правителей Тель-Авива, то и у них сдают нервы. Не имея под ногами твердой почвы, они ищут опору за океаном. Так появляется на свет личная телеграмма Голды Меир в адрес Белого дома по горячим следам выступления президента Никсона от 3 ноября. В телеграмме говорится, что эта речь «вдохновляет» Тель-Авив. Рука руку моет... но не отмоет.

Еще не стих за океаном резонанс от извержения антивоенного вулкана, потрясшего страну в середине ноября, как новые толчки прокатились по Соединенным Штатам Америки при известии о зверствах американской военщины в Южном Вьетнаме.

Есть ли разница между пулеметными очередями по мирным жителям южновьетнамских деревень и стрельбой на улицах оккупированной израильскими войсками Газы 25 ноября, в результате чего погибли мирные жители? Есть ли разница между террором интервентов в Южном Вьетнаме и репрессиями израильских властей против гражданского арабского населения?

Даже лондонская газета «Санди таймс» недавно была вынуждена сообщить о пытках, мучениях, каким подвергаются в тюрьмах Израиля содержащиеся там арестованные, среди них — арабские женщины, дети, старики. Что говорят на сей счет в Тель-Авиве? Речь идет, цедят они сквозь зубы, об «отдельных случаях»... Но миру-то уже давно известно, что это ничто иное, как систематические преступления.

Так в унисон выступают те, кто сеет смерть и разрушения на вьетнамской земле и на землях Арабского Востока. В обоих случаях утверждается, будто речь идет о каких-то «частностях», «отдельных случаях». Официальные представители США добавляют к этим заявлениям ссылки на то, что, дескать, выявившиеся случаи зверств в отношении гражданского населения в Южном Вьетнаме имели место при предыдущем правительстве (кивок в сторону Л. Джонсона). Секретарь Белого дома по вопросам печати Р. Зиглер даже выразил чувство «отвращения» по поводу того, что он деликатно назвал «допущенными инцидентами».

Вот как! Но надо быть последовательным, г-н Зиглер. Вся политика США во Вьетнаме аморальна и преступна!

То же самое, разумеется, относится к действиям правящих кругов Тель-Авива. Нет и не может быть никакого оправдания тому, что творят израильские агрессоры, срывая политическое урегулирование ближневосточного конфликта, цепляясь за захваченные арабские территории, проводя тактику террора и репрессий на этих территориях.

Сейчас ни для кого не является секретом тот факт, что Соединенные Штаты своей преступной политикой поставили себя в положение морально-политической изоляции. В кольцо той же изоляции все больше попадают и израильские аннексионисты.

Летом этого года в свет вышла объемистая книга, принадлежащая перу М. Менухина, отца знаменитого скрипача. В ней клеймится политика правящих кругов Израиля, которых автор характеризует в качестве «шовинистической, милитаристской хунты». Первый экземпляр книги был направлен автором президенту Никсону. Для сведения.

Да, жизнь убедительно свидетельствует, что агрессоры идут по одной дорожке, весьма опасной как для них, так и для дела всеобщего мира.

5 декабря вся страна торжественно отметила День Конституции СССР. В этот день на собраниях, митингах с особой силой прозвучали ленинские слова:

«Мы хотим добровольного союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства на вполне добровольном согласии».

Коммунистическая партия Советского Союза, верная ленинским заветам, успешно решает задачу, выдвинутую Программой КПСС:

«Продолжать всестороннее развитие экономики и культуры всех советских наций и народностей, обеспечивая их все более тесное братское сотрудничество и взаимопомощь, сплочение и сближение во всех областях жизни и достигая всемерного укрепления Союза ССР, полностью использовать и совершенствовать формы национальной государственности народов СССР».

В этом номере журнала мы рассказываем о торжестве ленинских идей нерушимой дружбы советских народов.

●

Фазу АЛИЕВА, аварская поэтесса

Я родилась и выросла в горном ауле. Мой аул, словно ягненок, попавший в пасть волка, висит между громадными скалами и отвесными камнями. Здесь день просыпается рано и затухает поздно, потому что заря и закат любят вышину. Если посмотреть из ущелья, то кажется, что стоит подняться в мой аул и привстать на цыпочки на крыше сакли, и можно рукою потрогать небо и достать сияющую звезду... Еще будучи несмышленой девчонкой, я думала: кто же впервые построил здесь себе саклю? Высота или эти ясные, как «козьи глаза», родники манили сюда человека? И вот однажды мой дедушка Омардада, чья борода напоминала кипучую морскую волну, рассказал легенду о рождении моего аула.

Говорят, тогда здесь была теснина, дикая и глухая, лишь орлы свободные нарушали покой каменных скал и только птицы-певуньи вили гнезда среди трав, да неустанно бежали ручьи. Всюду — красота и благодать. Но на прекрасном облике этого края лежала печать скуки и тоски.

Травы и цветы не знали, для чего они рождаются и умирают, ручьи не знали, для чего прозрачная вода их пробивает себе дорогу сквозь толщи земные, ибо здесь, в теснине, не было человека тогда. Мне неведомо, сколько пришлось тосковать этому прекрасному уголку природы, как невесте, ждавшей жениха, но однажды пришел сюда тяжело больной бедняк с маленькой арбой, запряженной одним быком. Он шел, влюбленный в красоту природы. Шел много дней, оставил позади много стран,— хотел перед смертью насмотреться на красоту земную, и здесь, очарованный горным простором и величием, остановился на ночлег. И заснул путник среди трав луговых, и недуг не беспокоил его до утра. А утром был разбужен пением родников, чья вода была нежнее ранних облаков и светлее жемчужин, и девять родников, будто девять подруг, пели:

«Ни к чему тоска, скука, болезнь и страданье.
Нашей водой утоли жажду».

Он выпил по пригоршне воды из каждого родника и почувствовал прилив сил. День, другой провел он здесь, и недуг как рукою сняло.

Голыми руками ломал он скалы и построил себе саклю. И пробудился простор от забвенья, зазвучал веселый голос человека, и ровный удар камня о камень раздавался с утра до вечера. Родники забыли все печали, они сделались нужными человеку. И песни птиц нежнее зазвучали: их слушал человек. Нежнее стали запахи цветов: они несли свой аромат человеку. И четче стал размах орлиных крыльев: они вселили мужество свое в человека. И первый дым первого очага синим облаком обозначил жизнь в этих девственных краях.

Но очень скоро и человеку стало здесь скучно без друзей — каждый день поднимался он на самую вершину горы и, поворачиваясь на четыре стороны, звал людей. Но никто не отвечал на его зов. Может быть, многие не слышали, а те, кто слышал, не понимали его языка. Тогда он зарезал своего единственного быка, натянул его шкуру на деревянный обруч и, ударив пальцами о бубен, начал петь печальную песню об одиночестве. И ветер на своих беспокойных крыльях унес песню к людям. Она отворяла в сердцах людей самые потаенные дверцы, и они по зову песни пришли сюда, к одинокой сакле. Они не понимали языка друг друга, но каждый, передавая бубен из рук в руки, пел песню: песня не требовала перевода. Пели они о могуществе дружбы, о красоте мирного труда... И выросли здесь сомкнутые ряды саклей, одна стена служила двум саклям. И жили люди здесь по неписаным законам.

Если в очаге лишь одного горца хранится искорка огня, она из рук в руки, из ночи в ночь, из одного очага в другой передается. Если в ларе лишь одного горца еще сохранилась пригоршня муки, ее из рук в руки передают соседи, и над каждым очагом кипит кастрюля. Если один аульчанин отправляется в путь, выходит провожать его весь аул. А если один в ауле заболел, покоя не находит весь аул. Никогда здесь не справляют свадьбу в одном конце аула, когда в другом конце оплакивают умершего. Если в ауле свадьба, то только в этом доме из трубы идет дым: весь аул собрался на веселье. И если кто-то в ауле совершил поступок, недостойный горца, то весь аул становится ему судьей. А если геройством прославился аульчанин,— праздник в каждом доме, в каждом сердце.

Душа горцев — меч, если придет незваный гость нарушить мирный труд и покой. Душа горцев — расстеленный ковер, если приходят друзья. Эти неписаные законы передавались из поколения в поколение...

Не знаю, сколько лет было моему аулу, когда родилась я, только кладбище перед аулом уже было очень большое, и намогильных камней там было гораздо больше, чем саклей в ауле.

Играя с девчонками на улице, я слышала, как разговаривали старики на годекане — так называлась сходка всех мужчин аула. Верность дружбе они ставили выше всего. «Пока есть дрова — огонь не погаснет в очаге; пока есть друзья — огонь не погаснет в сердце». «Вода, столкнувшись с водой, набирает силу, человек, подружившись с человеком, становится сильным»,— часто повторял Омардада. Он все мог простить, но только не измену другу.

БОГАТСТВО НАШЕ — ДРУЗЬЯ НАШИ

Это было перед самой войной. Я еще даже не ходила в школу. Играя в куклы, мы поссорились с подругой Симисхан из-за маленького медного кувшина, который не хотели уступить друг другу. Разгорелся такой горячий бой, что на крик прибежал Омардада. Он отнял у меня кувшин, вытер слезы Симисхан и передал кувшин ей. А меня, взяв за руку, повел к лужайке за аулом. Посадив к себе на колени и гладя меня по волосам, дедушка говорил:

— Не забывай, доченька, что дружба — лучшая крепость, лучшая защита от всех забот. Дружбе всегда надо уступать!..

— А кувшин, Омардада, мне очень нужен был,— отвечала я, всхлипывая.

— Вот именно, доченька, надо быть такой доброй к друзьям, чтобы уступать им нужную тебе вещь. Рассказывают, что некий путник встретил нищего. В одной руке тот держал кусок мяса, а в другой—щепотку соли. Они разговорились. «Я встретил сегодня большого человека,— сказал нищий путнику,—человека, отдавшего мне эту соль». «Ты говоришь о человеке, который отдал тебе соль, а не о том, кто дал тебе мясо?» — удивился путник. «Да,— ответил нищий.— Я в неоплатном долгу перед этим человеком, который дал мне соль. У человека, который уступил мне кусок мяса, была целая туша быка. Я слышал, как другой, дав мне соль, сказал своей жене: «Будем сегодня есть суп без соли, ведь этот человек беднее нас». Он отказал себе ради меня, вот почему я преклоняю голову перед ним». Так бывает, доченька, в нашем человеческом мире.— Говоря это, Омардада стал вытирать мне слезы. Но они уже высохли,— забыв об обиде, я слушала дедушку.

Омардада продолжал:

— Говорят, доченька, что это было давным-давно, когда на земле свирепствовал голод. Одному старику в руки попала связка пшеничных колосьев. Каждое зернышко ценилось наравне с бриллиантом, но старик не спешил есть, он подумал: «Я старый, лучше я не поем, а пошлю их своему другу, он моложе и больше может сделать для народа, чем я». Тот горец, получив колосья, тоже не поспешил есть, а подумал о своем друге и послал ему, и таким образом колосья прошли через многие руки, пока опять не попали к старику — первому владельцу. И все сорок человек в тот день чувствовали себя так, будто они поели досыта, потому что сердца их были наполнены дружбой и преданностью друг другу.

Я слушала Омардаду затаив дыхание, но не могла понять, почему голодный старик послал драгоценные зерна своему другу, а не съел сам. Впервые я это поняла, когда грянула война. Женщины даже постели не убрали в тот день, а мужчины взяли в руки не молотки и лопаты, а отцовское оружие. И табуны коней покинули горы в тот день, и тысячи юношей прощались со своими родными в тот день, когда где-то далеко от Дагестана, на границе необъятной Родины, началась война. И Омардада провожал двух сыновей своих. «Помните, мои дорогие, что слава длиннее жизни, герой умирает однажды, а трус тысячу раз»,— говорил он им.

Потом каждый день на рассвете видела я Омардаду: прижав к уху репродуктор, он слушал известия с Большой земли. По его лицу я понимала, что трудно приходится нашим. Война с каждым годом давала знать о себе. Мы, сироты, каждый день встречали маму-санитарку с куском хлеба, и восемь глаз смотрели с надеждою на ее руки, и в восьми глазах отражалось по тоненькому ломтику хлеба. А вечером, когда мама доила корову, четыре кружки тянулись к ней. В один из таких вечеров в воротах появилась женщина в черном мужском пальто, закутанная до бровей, к груди она прижимала что-то завернутое в лохмотья. Она говорила на непонятном языке. Но мама поняла ее и, взяв за руку, повела к очагу. На руках у нее оказалась опухшая, больная девочка. Это была украинка, бежавшая со своей земли от немцев. Очаг в тот вечер горел ярче, чем когда-либо, молока в наших кружках было гораздо меньше обычного. Но никто из нас этого не заметил, все были поглощены горем пришедшей женщины.

Вскоре в нашем доме собрались все соседи. Каждая приносила то кусок сахара, то ложку меда, то сливочное масло, то платье, то платок. А Омардада ночью отправился в район за врачом, и началась борьба за жизнь девочки. Спасти ее не удалось. Ее хоронили всем аулом на нашем кладбище, а украинская женщина стала равноправным членом нашей семьи. Из пяти кусков теперь мы делали шесть. Долго болела тетя Надя, мы все ухаживали за ней. А когда она выздоровела, работала наравне с мамой. Сколько раз она причесывала мне косы, сколько раз она купала меня! Этих рук я не забуду никогда. Я тогда впервые по-настоящему поняла, что могу уступить свои колосья во имя спасения жизни друзей.

Случилось несчастье, тяжело заболела мама. Мы прибежали в больницу и, склонившись над мамой, плакали. Вошла врач Раиса Петровна Сенткевич, высокая, строгая. Она посмотрела на нас, и в глазах у нее дрожали слезы. Через час мы уже сидели у нее в комнате за столом. Угощая нас киселем, она рассказывала нам сказки. А через пять дней она прислала нам елку и много игрушек. Я до этого даже не знала, что такое Новый год. В тот вечер я опять вспомнила рассказ Омардады о колосе. Как я хотела доказать этой женщине, что я, не моргнув глазом, тоже смогу уступить ей колос. Но доказать ей свою преданность я уже не могла, как бы ни хотела. Она уехала на фронт, оставив нам все, что ей принадлежало, и больше от нее не было вестей.

Кончилась война, многие не вернулись с фронта. Погибли и оба сына Омардады. Могила одного из них, старшего, Сайгида, находится в Ленинграде.

Когда мы с Омардадой приехали туда, могила Сайгида утопала в цветах, за нею ухаживала ленинградка. Омардада, прижав своими сухими дрожащими руками ее руку к груди, заплакал. Это были слезы благодарности и признательности доброй женщине.

Потом Омардада с гордо поднятой головой ходил по городу, носящему имя великого Ленина, и говорил: «Ишь чего захотели немцы— разрушить этот город! Нет, не для того мы мужчины, чтобы отдавать им свою гордость. Отстояли наши! Каплю в это море мужества влил и мой сын».

Могилу другого его сына мы так и не нашли, он стал неизвестным солдатом. Уезжая из Ленинграда, я опять вспомнила о колосе. Если будет нужно, я и мои сыновья готовы встать здесь рядом, как в те дни Сайгид и сотни наших братьев.

Недавно, составляя книгу поэтов, погибших на фронте, я нашла письмо известного аварского поэта Мухтара Абакарова:

«Весна на берегу Днепра, никогда я не видел такой красивой весны, и никогда мне так не хотелось жить! Я понял, что я раньше не дорожил своей жизнью. Но нужна ли она мне, эта жизнь, если по этой прекрасной земле пройдет враг, если эта синяя влага легендарного Днепра будет принадлежать не мне, а моему врагу, если я буду не гордым горцем, а униженным рабом?! Нет! Еще раз нет!».

Не вернулся Мухтар, но его гордые песни живут, их знают и любят, они вселяют в молодые сердца любовь и преданность дружбе.

Только что я возвратилась из Польши. Я стала богаче верными, преданными друзьями. Никогда не забуду встречи с ними на их многострадальной, мужественной земле. Руки полек и поляков, которые без конца протягивали нам красные гвоздики. Мы, советские поэты, читали стихи, их понимали без перевода. Я видела, как калмыцкий поэт Давид Кугультинов своими прекрасными стихами покорял эту страну, как женщины, целуя его, со слезами на глазах говорили: «Спасибо за стихи». Не могу здесь не упомянуть об одном случае.

В тот день мы были в старинном городе Кракове. Огромная площадь, и на площади цветочный базар. Тут же установлен памятник Мицкевичу. Мы возложили венок к его подножию. Не успела я отойти от памятника, как в моих руках оказались фиалки, их протянула мне женщина, торговавшая ими. До слез растроганная, я не знала, что делать, и вытащила деньги. Женщина обиженно замахала руками: «Нет! Нет, пани, это так».

В обед нас принимал мэр Кракова доктор Ян Гарлицкий. Он протянул мне такой же букет фиалок и рассказал, что он ходил на площадь и попросил у продавщицы: «Мне нужен очень свежий букет цветов для советской поэтессы». Женщины спросили: «Это для той пани, которая возложила венок к памятнику Мицкевичу?» «Да»,— ответил он. «Тогда деньги не нужны». И тут я невольно снова вспомнила о колосе, об Омардаде, которого уже нет. Я увидела, сколько у нас преданных друзей, и поняла, что не только я им готова уступить свой колос в нужный момент, но и они готовы сделать то же самое.

Моя мама, когда я возвращаюсь домой, с чуть затаенной завистью говорит: «Вот какое время настало, я-то, когда была маленькой, думала, что мир начинается с той горы, которая перед нашим аулом, и кончается тем холмиком, что за аулом».

Мы живем в такое время, когда о многом хочется подумать! Я видела, как старухи горянки с тревогой в глазах, забыв обо всем, переживали за судьбу космонавтов, спрашивая без конца своих внуков: «Не вернулись ли они?»

Посмотрев картину «Отец солдата», моя мама ночами не спала, а я, на свою голову, рассказала ей, что артист Закариадзе представлен на соискание Ленинской премии. Она каждый день спрашивала меня: «Неужели ему не дадут премию?» А утром, в день рождения В. И. Ленина, она с радостным криком разбудила меня: «Иди, слушай, говорят о премии Закариадзе».

Любимым пожеланием Омардады было: «Желаю вам, чтобы вся ваша жизнь была богата верными друзьями и добрыми вестями!» Да, сейчас можно сказать, что жизнь наша богата верными друзьями и нет богатства ценнее, чем друзья. «Дружба — лучшая крепость, лучшая защита от всех бед». И как радостно ощущать это именно сейчас, в преддверии столетия со дня рождения великого Ленина. Дружба советских народов — в ней великое торжество идей Ильича. И мой Дагестан многоязычный — самый яркий пример тому.

И мы говорим друзьям: не давайте зарасти травою тропинке, ведущей к друзьям. В горах никогда не запирают двери. Приезжайте, заходите без стука, как в свой родной дом, ибо выше Родины и дружбы богатства для нас нет!

О простом и сильном чувстве

И. МЕСХИ,

А. СТАСЬ

Более тридцати лет назад в газете «Правда» было опубликовано письмо из Грузии колхозников сельхозартели села Шрома, Махарадзевского района. Они обращались к украинским колхозникам с призывом вступить в социалистическое соревнование перед первыми выборами в Верховный Совет нашей страны. На письмо откликнулись из Херсонской области, из села Ровного, Генического района.

Осенью 1938 года в Шрома был заключен договор на социалистическое соревнование. Узы дружбы украинских и грузинских колхозников крепли год от года. Шромовцы помогали своим друзьям восстанавливать их хозяйство, разоренное войной. Дружба двух колхозов постепенно переросла в дружбу двух районов — Генического на Херсонщине и Махарадзевского в Грузии. И соревнование стало более масштабным — колхоз с колхозом, район с районом.

Два наших корреспондента: украинский — Анатолий Стась и грузинский — Ия Месхи — побывали в соревнующихся колхозах. Месхи поехала в Геническ, Стась — в Махарадзе. А после поездки они встретились и обменялись впечатлениями.

Вот их диалог.

«Огонек» в Геническе. В Геническ за мной прислали колхозную «Волгу». И только тронулись в путь — сразу возникло какое-то беспокойное чувство: будто в машине что-то знакомое, а что — не могу понять. И вдруг нахожу: чехол! Ну, конечно, чехол из красного плюша, которым обтянуты сиденья! Это грузинская мода, поветрие, охватившее у нас в одно время чуть ли не все районы. Что это, случайное совпадение? «Нет,— говорит шофер Толик.— Этот чехол нашему Пантелеичу грузинский председатель Михако прислал...»

«Огонек» в Махарадзе. Грузинские берега я видел до сих пор только с моря. И то давненько. Правда, есть у меня в городе Рустави друг Вахтанг. Мы расстались с ним еще в 1943 году, одной тревожной ночью. Сейчас его старшему сыну уже больше лет, чем было нам в ту пору... Короче говоря, в Грузии я впервые.

О том, что слово «шрома» означает «труд», я узнал в автобусе, по пути из Батуми в Махарадзе. О том, что село с таким названием лежит в гурийских горах, услышал в Махарадзе от секретаря райкома партии Александра Николаевича Тоидзе. Знаете, с чего началась наша беседа? Он меня засыпал вопросами: «Какие новости на Украине? Как там наш уважаемый Олесь Гончар? Что пишет Олекса Новицкий?» Но тут зазвонил телефон, и секретарь повел с кем-то темпераментный разговор, а я подошел к окну и залюбовался открывшейся панорамой: голубые вершины гор и красивый город, светлый, словно солнцем пронизанный.

Махарадзе — своеобразная столица грузинских чаеводов. В этом районе собирают пятую часть всего отечественного чая. У махарадзевцев в ту пору были горячие дни, жатва, сдача чайного листа. В райкоме атмосфера «штабная», напряженная. И вдруг такой неожиданный разговор об украинской литературе. А когда речь зашла о людях Геническа, Тоидзе говорил о них так, будто всю жизнь прожил там. Знает всех...

«ОГОНЕК» В ГЕНИЧЕСКЕ. А я почувствовала, что Тоидзе хорошо знают в Геническе. В райкоме партии мне рассказали: этой весной вода в Азовском море сильно поднялась, хлынула на Арабатскую стрелку возле Геническа и натворила там всяких бед. Из Махарадзе, от Тоидзе, геническому секретарю Ивану Степановичу Юдину тотчас пришла телеграмма: «Сообщите, чем можем помочь?»

«ОГОНЕК» В МАХАРАДЗЕ. Так вот, не успели мы с товарищем из райкома Гурамом Колиадзе пройтись по городу, поравнялся с нами какой-то человек, улыбнулся, руку мне положил на плечо, запросто, по-приятельски: «С Украины?» Я удивился. Откуда ему знать? А он все улыбается: «По выговору угадал... Украинца узнаю везде. В Лубнах бывал, в Миргороде бывал, в Кременчуге. Друзей у меня там полно. Служил в армии, был летчиком, над всей Украиной летал. Будем знакомы. Гиви. Эй, Гурам, что же не позвонил, не сказал про гостя? Вместе обедать будем!»

«ОГОНЕК» В ГЕНИЧЕСКЕ. А я в Геническом райкоме познакомилась с местной журналисткой Тамарой Карпенко. И хотя говорила она по-украински, мне показалось, что она похожа на грузинку. А глаза, ну, совсем грузинские! Большие, миндалевидные, как со старинной фрески. И имя: Тамара!.. «Один мой прадед — грузин,— не дожидаясь моих расспросов, сообщила Тамара.— Только не у кого узнать подробнее, родичей погубил фашист...» И — в слезы... Немного успокоилась и говорит: «К нам недавно грузины приезжали! Я на улице Махарадзе живу, а приезжали с улицы Генической, что в Махарадзе. Мы улица с улицей дружим». И Тамара повела нас на свою улицу. Самая зеленая в зеленом Геническе. Узнаю наши платаны, ели, кедры, тую.

— Их ваши грузины тут посадили,— сияет Тамара.— А мы у них, на Генической улице,— тополя...

А на развилке с улицей Ленина стоит на постаменте бронзовый украинец, подпоясанный кушаком, и пожимает руку гурийцу с традиционным башлыком. Работа скульптора Д. Урушадзе.

«Огонек» в Махарадзе. Если о монументах пошла речь, то не могу не вспомнить... Представьте себе горную дорогу, чайные плантации, заросли бамбука, двухэтажные домики. И вдруг высоко, на фоне зеленого склона, возникает монумент. В лучах солнца он кажется огромным. Две фигуры, стоящие рядом: женщина в одежде грузинской крестьянки и раненый солдат. Женщина словно приглашает его войти в этот сказочно живописный мир. И вот какую историю мне рассказали.

Жил в Шрома парень по имени Герман Мжаванадзе. Вместе со всеми встречал первых гостей из Херсонщины и провожал своих односельчан в гости на Украину. Как все, был рад, что где-то в степи, под Геническом, зреют гроздья грузинского винограда и прижились саженцы, выращенные в его селе. Сам ездил на станцию Натанеби, чтоб принять присланных от друзей из Таврии породистых коров, и впервые отведал пышную паляницу из пшеницы, что уродилась на Украине.

Когда началась война, простился Мжаванадзе со своей матерью Мелиникой, с молодой женой и малюткой сыном. Говорили, что уже через несколько дней видели Германа в бою. Прошло еще какое-то время, и до Шрома донеслись вести, что в Сухуми, Батуми и Сочи прибывают санитарные поезда с ранеными. Мелиника объездила все госпитали на побережье, всюду расспрашивала о сыне: она почему-то решила, что сына ее ранили и привезли сюда, на побережье. Но не нашла его. А тут соседи рассказали ей, что в село привезли из госпиталя совсем молоденького раненого паренька и что сам он из тех мест, откуда когда-то приезжали гости. Мелиника пришла в колхозное правление и сказала: «Он будет жить в моем доме». Многие хотели забрать раненого к себе, но председатель Михако порешил так: «Пусть будет у Мелиники». И Василий Лаврентьев, парень из Ровного, стал жить в доме Мелиники. Она вылечила его, выходила, и Василий снова уехал на фронт.

Закончилась война, стали возвращаться домой солдаты, но Германа Мжаванадзе все не было. Так Мелиника и не дождалась сына. А Василий Лаврентьев вернулся домой и при первой возможности свиделся со своей второй матерью.

Я слушал эту историю и думал: как хорошо, что памятник поставили живым — ей, матери-грузинке, и этому парню с Украины. И еще думалось, глядя на памятник: в нашей стране братство между людьми, где бы ни жили они, на каком бы языке ни разговаривали, сильнее смерти.

Автор монумента — молодой скульптор Васо Мжаванадзе. Он родился и вырос в Шрома. Это его дипломная работа в Тбилисской Академии художеств.

«Огонек» в Геническе. Я в Ровном познакомилась с Василием Ивановичем Лаврентьевым. Работает зоотехником. Тихий, скромный человек. Он рассказал мне, как этим летом ездил вместе с женой в Шрома, к семье Мелиники Федоровны. Под конец протянул мне бумагу. В той бумаге отмечались заслуги Василия Ивановича в укреплении содружества двух сел и было написано: «Товарищу Лаврентьеву дается право пользоваться приусадебным участком в 0,52 га и жилым домом из

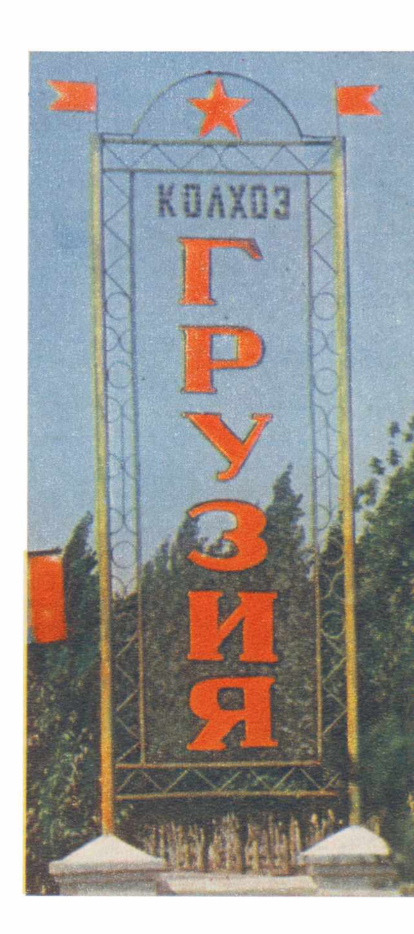
Председатель колхоза Иван Пантелеевич Мазунов.

Чай Грузии.

Украинский колхоз «Грузия». Здесь готовят к отправке телок знаменитой красностепной породы в грузинский колхоз «Украина».

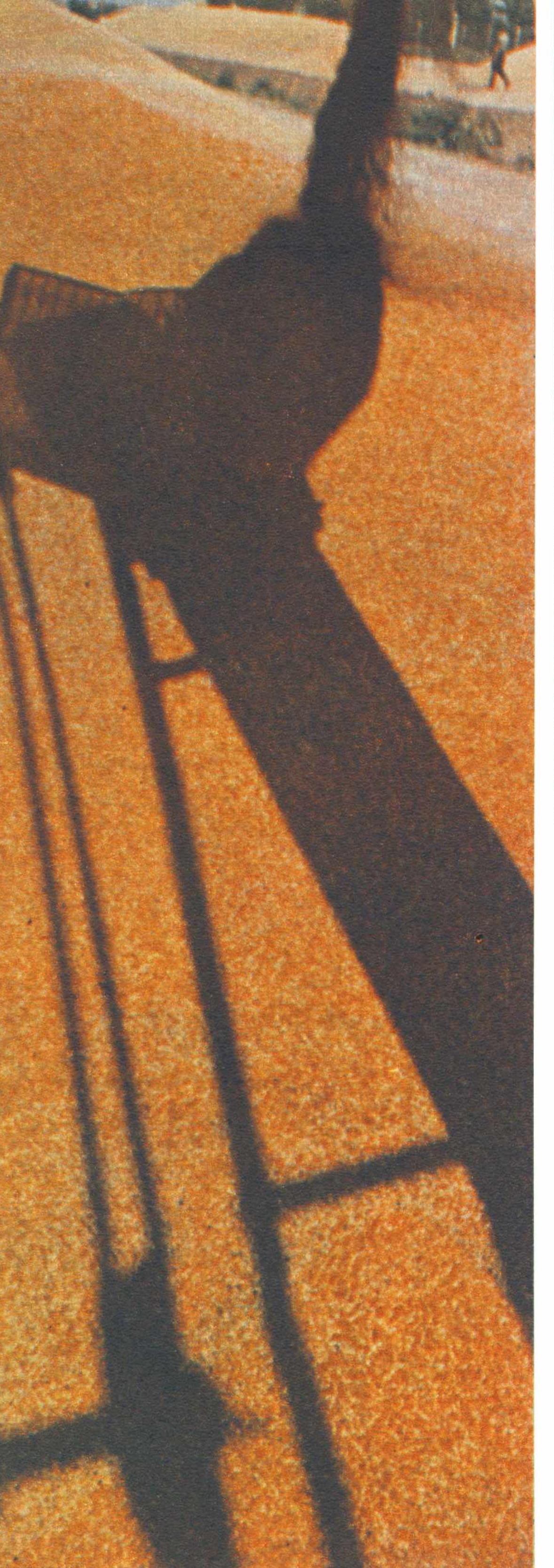

Этот памятник работы грузинского скульптора Д. Урушадзе стоит в Геническе.

Председатель колхоза Михако Орагвелидзе.

Фото И. ТУНКЕЛЯ и Г. ХАМАШУРИДЗЕ.

Хлеб Украины.

Е. П. Мжаванадзе — ветеран колхоза, он встречал в 1938 году первую делегацию с Украины.

А. В. Муращенко — директор школы, сельский летописец.

Тепло в грузинской бурке.

На земле Грузии и на земле Украины.

трех комнат». Таково постановление собрания крестьян села Шрома. Вот так! Что же, спрашиваю, вы будете делать с этим домом и участком?.. Пока, говорит, не знаю. Мне просто приятно, что есть такое решение грузинских колхозников.

Потом я увидела его отца, Ивана Лаврентьева. Правда, всего лишь на фотографии. Но сперва надо рассказать о музее в Ровненской средней школе и представить себе крупную женщину, украинку, директора этой школы Адель Васильевну Муращенко.

— Гамарджоба, рогора харт? Это значит: «Здравствуйте, как поживаете?» Так она поздоровалась со мной. Заметив мое удивление, объяснила, что даже ребята, школьники, знают кое-какие грузинские слова и поют погрузински «Цицинателу» и «Тбилисо». Именно Адель Васильевна создала здесь скромный, маленький, но очень интересный музей, который рассказывает и об истории села и об истории большой дружбы сынов и дочерей двух народов.

Листок к листку, реликвия к реликвии. Здесь я увидела старый иллюстрированный журнал без обложек и первых страниц, видимо, «СССР на стройке», весь посвященный ровненскому колхозу. Со страниц журнала смотрели довоенные ровничане. И среди них — ровненский техник связи Иван Лаврентьев. Стоит человек перед фотообъективом, улыбается и не ведает о том, что вскоре грянет война, что будет он разыскивать своего раненого сына и найдет его с помощью шромовских друзей. А спустя много лет в грузинском селе появится тот самый монумент, где стоят рядом грузинка и украинец, его, Ивана Лаврентьева, сын...

Хочу сказать еще несколько слов об Адели Васильевне. Она коренная ровничанка. Когда наши войска выгнали из села оккупантов, ей было 14 лет. В колхозном сарае был создан на скорую руку госпиталь для раненых. Девочке поручили уход за тяжелораненым офицером — «капитан-грузин». Документов при нем не было. Никто не знал, откуда он родом, как его звать. Девочка не отходила от него день и ночь. Но он все же скончался буквально на ее руках. Она выбежала из сарая и весь день бродила в поле. Эта смерть потрясла ее. И только в нынешнем году не без помощи «следопытов» из ее маленького школьного музея удалось установить имя «капитана-грузина». Его звали Цицкишвили Юсуп.

— Но разве у нас музей? — несколько раз повторяла Адель Васильевна.— Вот в Шрома — там действительно музей!

«ОГОНЕК» В МАХАРАДЗЕ. Да, музей тут отличный. Он устроен в большом и красивом здании правления колхоза. Над входом вывеска: «Музей Дружбы и Героев». Масса фотографий и документов. Большая, пухлая папка, в которой собраны сотни писем. Я стал читать их. Многие написаны наспех, карандашом, полно солдатских треугольников. На одной открытке увидел знакомую фамилию Лаврентьева: «Дорогой Михако! Прослышал я, что мой сын жил и лечился в вашем селении...»

В то время здесь образовалось своеобразное «бюро розыска», с помощью которого ровненские женщины узнавали полевую почту своих сыновей и мужей, дети находили родителей. Всем отвечал, всем помогал Михаил Филиппович Орагвелидзе. И не только письма отправлялись из Шрома. Десятки подписей стоят под письмом, которое начинается так: «Рідний брате Міхако! Дякуємо тобі, всьому вашому селу, усім добрим людям...» В письме — благодарность за присланный «подарунок» — тонну кукурузы, гороха и прочей снеди. А в конце: «Ще раз спасибі від нас, від наших дітей, ніколи ми цього не забудемо».

И еще письмо: «Здравствуйте, товарищ Михако! Я пишу Вам с фронта. Я никогда не жил в Геническом районе, родом сам из Москвы. Мои фронтовые товарищи украинцы рассказали, какой Вы человек. Когда узнаешь о таких людях, как Вы, еще больше крепнет уверенность в том, что нас победить невозможно. Кланяется Вам рядовой Петров, пулеметчик».

В Шрома жили во время войны эвакуированные хлеборобы Таврии, тут приняли раненого секретаря Генического райкома партии Якова Галагана.

— А эти фотографии ты видел? — спросил меня Роман Цецхладзе, редактор колхозной многотиражки.

Фото, что слева, на стене,— сноп ракет, Москва салютует в честь очередной победы на фронте. Правее — увеличенная любительская фотография: распахнутое настежь окно, из окна с дробовиком в руках высунулся сияющий Михако Орагвелидзе. Подпись: «Салют в честь освобождения Геническа». И другой снимок того же памятного дня: молодая грузинка снимает с головы шелковый платок. Она посылает его своей подруге на Украину. В тот день в селе собрали более ста одеял, много одежды, обуви, домашней утвари. Все это послали в освобожденное Ровное.

Одна из комнат музея устлана коврами — это галерея Героев Социалистического Труда. Они здесь вместе — генические и махарадзевские: Максим Очередько, Георгий Сехниашвили, Татьяна Зубченно, Татьяна Чхаидзе, Зина Баджелидзе... И есть такая традиция — где бы ни жил человек, но если его портрет в музее, он посылает сюда что-нибудь на память. Лежат под стеклом золотые кольца и сережки, купленные когда-то на первую премию за выращенный чай, полевая сумка, с которой колхозный бригадир не расставался десятки лет, просто алые розы... А один поднес подкову.

...Линия фронта не проходила через село Шрома, но более четырехсот парней из этого села погибли далеко отсюда, и многие лежат неизвестно в какой земле. Они воевали плечом к плечу с русскими, украинцами, белорусами, узбеками. Воевали за Родину, за Советскую землю.

«Огонек» в Геническе. Ровненское кладбище... Братская могила с памятником. И еще столбики с красноармейскими звездами. Горестный список погибших. Среди других вижу в списке и фамилии своих соотечественников. Где-то их не дождались. Но были же и такие, которых дождались,— и в Шрома и в Ровном?

...Иван Пантелеевич Мазунов ушел из Ровного служить в морскую пехоту, когда ему было 20 лет. Всю войну — разведчиком. Участвовал в освобождении Праги, в Параде Победы на Красной площади в Москве. Для многих на этом война закончилась, а он еще воевал на западе Украины с бандами предателя Бандеры. А когда вернулся в Ровное — шесть орденов, восемь медалей на груди,— почти не застал в селе мужчин. Ушли в города. Иван Мазунов с тяжелым сердцем осматривал родные места: «Ну и разруха тут, ну и пустыня!..» Но отчему дому не изменил. Впрягся в плуг, сеял из лукошка, косил, чабанил, как когда-то в детские годы. Стал колхозным партийным секретарем. Теперь — председатель колхоза. Под его началом полторы тысячи людей.

«Огонек» в Махарадзе. Много раз я слышал от шромовцев: «Это было тогда, когда Мазунов приезжал...», «Когда Мазунов смотрел...» Чувствуется, здесь, в Шрома, гордятся им. Будто это их председатель. А ведь он, наверно, еще пионерский галстук носил, когда Михаил Филиппович объезжал на коне колхозные угодья и вместе со своими односельчанами закладывал чайные плантации, выводил село из вековой нищеты. Теперь это зажиточный колхоз. Председатель — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета республики. Почет ему и уважение. Что еще человеку надо? А надо! Пишет книги председатель. Недавно вышли «Мосты дружбы» на грузинском языке. Подарил он эту книгу мне, но я прочесть не смог. А первую его книгу «Дружба», изданную в Москве, прочел, и еще радостнее стало мне за ту великую силу, что таит в себе дружба советских народов.

«Огонек» в Геническе. В Ровном эта книга есть в каждой домашней библиотечке. Так же, как и много других сувениров, которые свидетельствуют о сердечных отношениях между людьми. Но мне показалось, что особо нежно дружат два человека — Михаил Филиппович Орагвелидзе и Яков Лукич Гурбик, секретарь колхозной парторганизации.

Приметила я, что Лукич носит какие-то старомодные часы. Когда я обратила на это внимание, он сказал: «Так то ж подарок от Михако, еще в те годы, когда я комсомольским вожаком был...»

Михако назвал Гурбика на грузинский лад — Гурбикадзе. И это сразу же привилось, как в Шрома, так и в Ровном. Кстати, вернувшись из Ровного к себе домой, я нашла в своем журналистском архиве два давным-давно похищенных у Орагвелидзе письма. Оба написаны Лукичом в 1956 году, адресованы Орагвелидзе и подписаны «Гурбикадзе».

Вместе с письмами Якова Гурбика сохранился у меня отпечатанный типографским способом на двух языках (грузинском и украинском) пригласительный билет. Он извещал, что-де тогда-то «збудется одруження нашого сина Анатолія Олексієвича Саміська, який бере собі в жінки Маргариту Григоровну Квачантірадзе». Помню, что вручил мне его отец жениха, пасечник шромовского колхоза Олекса Самисько. На свадьбу я не смогла остаться и вообще больше в Шрома не ездила. А интересно: как живут молодые Самиськи?

«Огонек» в Махарадзе. Могу удовлетворить ваше любопытство. Познакомился я с ними в Шрома. Анатолий Самисько — голубоглазый, украинский «грузин». Он колхозный шофер, а жена Маргарита работает в детском саду. Построили себе новый хороший дом. У них две дочери растут. Старшая уже ходит в школу.

«Огонек» в Геническе. А знаете, какой прекрасный детский лагерь построили себе ровничане на берегу Азовского моря? Иван Пантелеевич повез нас туда. Триста ребят плескались в воде, грелись на мелком арабатском песочке. С ними были гости из Уфы, дети башкирских нефтехимиков. Шромовских ребят я там не видела. Да и зачем им путешествовать так далеко? У них у самих берег Черного моря, и шромовцы построили там свой колхозный курорт. Об этом мне рассказал Мазунов. «Три комнаты,— сказал он,— в этом доме наши. А для того, чтоб мы чувствовали себя полными хозяевами этих комнат, Михако отдал мне от них ключи».

«Огонек» в Махарадзе. Курорт действительно прекрасный. Прямо из комнат ступени ведут к пляжу.

«Огонек» в Геническе. Я рассказывала о водителе председательской машины — о Толике. Молчаливый парень все дни сидел за рулем, не вмешиваясь ни в какие разговоры. И вдруг перед самым моим отъездом его как прорвало.

— Отдыхал,— говорит,— я в этом году, в январе, в Сочи. Путевка заканчивается, а я все мучаюсь: завернуть или не завернуть в Шрома? С одной стороны, неловко как-то. Здрасте, мол, вот и я... С другой — узнают, что был рядом и не простят. В общем, не досидел в санатории, поехал, заявился к Аполлону, он шофер у Михако. Что тут началось! Михако отпустил Аполлона на три дня, и махнули мы по всему району. У Аполлона всюду друзья — шоферы. Увидел я много интересного, подарками меня завалили и проводили до самого аэродрома в Батуми. Да, скажу я вам, живут люди богато, но и работают много. Круглый год на поле. У них ведь не бывает снега, как у нас.

* * *

И вот мы уезжаем, один — из Геническа в Тбилиси, другой — из Махарадзе в Киев. И оба разъезжаемся по домам с одинаковым чувством. Оно большое, всеобъемлющее, это чувство. И очень сильное. Как назвать его? Имя простое — Дружба. Да, Дружба с большой буквы. Такое может быть только в социалистической стране.

Кузнецкий мост, 18...

Постоянный представитель Василий Гаврилович Буга.

Постпредство — родной дом для молодежи, приехавшей из Молдавии в Москву на учебу. На снимке, сделанном в доме на Кузнецком мосту, студенты консерватории.

МОЛДАВИЯ

К. БАРЫКИН
Фото Г. КОПОСОВА.

ПРЕДСТАВЛЯЯ РЕСПУБЛ

Первые страницы московского телефонного справочника отданы разделу «Правительственные учреждения СССР». И среди них — «Постоянные Представительства Советов Министров Союзных республик при Совете Министров СССР». Таких представительств в Москве четырнадцать.

Сегодня мы ведем репортаж с Кузнецкого моста, 18, из Постпредства Совета Министров Молдавской ССР.

Высокая дверь открылась легко и бесшумно. Тридцать четыре ступени беломраморной лестницы. Справа — просторный, застланный ковром холл. Отсюда можно пройти в кабинет постпреда. Василий Гаврилович Буга — человек общительный, интересный. Он знает Молдавию, ее хозяйство, людей. Но не меньше, пожалуй, осведомлен и о делах московских. У Василия Гавриловича в Москве много друзей и знакомых. Пока мы беседовали, может, час с небольшим,— к нему заглядывали люди из разных министерств. Пришли коллеги из Белорусского постпредства. Молдаване уже провели в Москве ленинские дни науки, а белорусам эти дни предстоят... «Молдавский штаб» в столице — это еще и центр, где тщательно собирается и изучается все то доброе, что есть в других республиках и московских организациях — как лучше использовать это у себя, в Молдавии? Это и место, где можно почерпнуть молдавский опыт.

В. Г. Буга и сотрудники постпредства представляют в центральных правительственных учреждениях солнечную, трудолюбивую, красивую делами и людьми республику. Постпредство и создано прежде всего для такой постоянной, деловой, конкретной связи Совета Министров Молдавской ССР с Советом Министров СССР.

Молдавия многое производит, много строит, много приобретает. В Кишиневе, Тирасполе, Бельцах, Страшенах, в других городах и районах сооружаются новые промышленные предприятия, сооружаются не без помощи специалистов Москвы, Киева, Ленинграда... И постпредство в гуще всех дел — участвует в переговорах, вместе со специалистами из Кишинева рассматривает

ЭСТОНИЯ

«НА МОЕМ СТАРОМ ОСТРОВЕ ВСЕ ПО-НОВОМУ»

В Америку с родного моего эстонского островка Муху не от хорошей жизни я уехал в 1913 году. Потом снова возвращался домой в надежде, что на Муху хоть что-либо улучшилось, и снова уехал. Работал я в Америке маляром, и были в моей жизни как хорошие, так и очень трудные годы.

Сейчас мои дети самостоятельны, и я позволил себе поездку в родные края. Вот теперь на моем старом острове все по-новому, все иное.. Неузнаваемы поля. А я-то помню несчастные клочки каменистой земли, на которых мухуские крестьяне, как и брат мой Иван, теряли здоровье. Теперь на Муху просторные поля и хорошие урожаи. А вот как мухуским крестьянам удалось очистить поля от камня, этого я не могу себе представить. Это ведь работа гигантов, а не обыкновенных людей. Такую работу можно сделать только объединенными усилиями, или, как говорят в Советском Союзе, колхозами. Очень красивые поля нынче на Муху!

И рыбаки тоже живут красиво. Допустим, и раньше в Балтийском море неплохо ловилась рыба. А вот продать ее было очень трудно. Мне в моих скитаниях приходилось встречать мухуских рыбаков на разных рынках мира. А теперь они сдают рыбу прямо в своей гавани — лучше не придумаешь. Гора забот с плеч долой, и заработок хороший.

Вижу я с радостью, что людям на нашем трудном острове стало намного легче жить, и вижу в этом большую заслугу государства.

Андрей ПЕРЕМЕЕС,
США

проекты, делает экономические расчеты, вникая во все до мелочей. Круг забот работников постпредства — от крупных государственных проблем до небольших, вроде бы частных. Тут и смотр творчества молдавских изобретателей, и забота о московском магазине молдавских вин и фруктов — как сделать его более привлекательным, приятным. И тут постпредство предъявляет весьма суровые требования министру торговли Молдавии: «Магазин этот — визитная карточка нашей республики».

Пищевая промышленность — ведущая в республике. И не случайно в постпредстве часто встречаются работники союзного и республиканского министерств пищевой индустрии — уточняют планы, координируют их. А главное — всячески помогают выполнять эти планы.

Республика посылает разнообразные свои изделия и за границу. Внешнеторговые объединения, прежде всего «Союзплодоимпорт», тесно и повседневно связаны с постпредством, дают заказы, изучают возможности хозяйства республики. Вина, коньяки, фрукты, консервы Молдавии ныне известны во многих странах. Японская фирма «ЧОРИ» закупила через внешнеторговую контору «Новоэкспорт» молдавские сувениры.

Немногим менее 30 лет назад в Бессарабии восемьдесят пять процентов населения были неграмотными. Сейчас в республике почти две тысячи общеобразовательных школ, около десяти высших и 47 средних специальных учебных заведений. В 70 научно-исследовательских организациях и вузах работают 90 докторов и 1 450 кандидатов наук. Но Молдавии и этого мало! Бурно развивается экономика республики. Ей нужны знающие люди. 65 аспирантов и почти 200 студентов из Молдавии учатся в московских вузах, и все они так или иначе связаны с домом на Кузнецком. МГУ, ГИТИС, Сельхозакадемия, МВТУ, консерватория... Иван Грыля готовит диссертацию (он специалист по испанскому языку) в Институте имени Мориса Тореза. Иван Думбрэвяну изучает испанский и французский. Василий Грозав учится на факультете градостроительства МИСИ имени Куйбышева... Прошлогодний «молдавский» выпуск ГИТИСа — около двадцати человек. Целая труппа. Сейчас они работают в театрах Кишинева. Но уж если бывают в Москве, то обязательно заглядывают в постпредство; дружба эта давняя, со студенческих времен.

...Пришел пакет из Консерватории имени Чайковского. Референт постпредства по науке и культуре Михаил Иванович Процик явно огорчен: деканат сообщает, что один из молдавских студентов получил «неуд» по профилирующей дисциплине. «М-да... Неприятно... Надо поговорить с ним по душам». Но из деканата пришли и приятные вести: Евгений Бырлиба — «отличный студент, полностью успевает. Скромен, дисциплинирован». Светлана Бодюл «сделала очень большие успехи, часто и успешно выступает на вечерах, концертах. Общественно очень активна и авторитетна у товарищей». Это уже хорошо! Постпредство по-отечески опекает молдавских юношей и девушек, приехавших учиться в Москву. В утвержденном Советом Министров МССР положении о постпредстве так и говорится — оказывать необходимую помощь обучающейся в Москве молодежи из Молдавии.

Боки РАХИМ-ЗАДЕ

С ТОБОЙ, МОСКВА!

Когда я вижу гребни гор,
Когда шумит листва,
Мне ясно: полон мой простор
Твоей душой, Москва.

Твои разливы площадей,
Твои сады весны
Я вижу в золоте полей
Таджикской стороны.

И говор наших быстрых рек
И наших дней поток
Хранят в себе Москвы разбег,
Московский огонек.

И вот, наверно, потому
Сейчас в Москве родной
На память сердцу моему
Весь край приходит мой.

Дыханье каждого цветка
И весь родной народ...
Таджикский край в тебе, Москва,
Сияет и цветет.

Так здравствуй вечно и живи
В делах, в сердцах людей,
Столица счастья и любви
Всей Родины моей!

Перевела с таджикского
Марианна Фофанова.

Халимат БАЙРАМУКОВА

РУКИ

Люблю я разных дел
Добрососедство.
Рука моя сметлива и крепка.
Досталась мне
От прадедов в наследство
Крестьянская двужильная рука.
У предков руки
Вечно были в деле.
...Вот сено накосив,
В поту, в пыли,
Передохнуть на сено люди сели,
Но тут же дело
Руки их нашли:
Кто миску мастерит,
Кто сеть для лова,
Кто трость себе стругает по душе,
Но встали —
Косарями стали снова,
А дома —
Они шорники уже.
Охотники —
С рассветными лучами,
А чуть повыше солнце —
Пастухи.
А в полдень
Они ездят за дровами,
А вечером —
И пляски и стихи.
А ночью руки,
Легкие, как крылья,
Нет-нет, да прикасаются ко лбу...
А землю,
Землю как они открыли?
Труднее,
Чем Америку Колумб!
Ее из поколенья в поколенье
Пришлось здесь извлекать
Из-под камней.
И вот она цветет —
Вся изумленье,
Вся откровенье
Незабвенных дней.
Ее лелеет поколенье наше,
Не знают руки наши про покой,
И Карачай
Становится все краше
И воздает нам
Щедрою рукой.
И я горда
Рукой своей двужильной,
В ней
Все мое наследье и добро.
Вот только что
Я сено в стог сложила,
И вот уже
Взялась я за перо.

Перевела с карачаевского
Инна Лиснянская.

КАЗАХСТАН

ШЕЛ СОЛДАТ С ФРОНТА...

В начале осени это было. Встретил Кемжахим Кайралапов управляющего Сарадырским отделением совхоза «Победа Ильича» Шингиза Билялова. Поговорили. И в разговоре управляющий назвал цифру, которая ошеломила аксакала: в погожие дни на сарадырский ток поступает две тысячи пудов зерна за час. Всего одна цифра, но как она разволновала старика! Нет, сам-то он теперь уж не работает, пенсионером стал, ведь ему уже семьдесят два года. И все же, как хотите, а к достижениям совхоза Кемжахим Кайралапов имеет самое прямое отношение. Ведь он один из тех людей, которые в казахском ауле Сарадыр начинали строить новую жизнь по заветам Ленина. А с чего все пошло? О, это никогда не изгладится из памяти Кемжахима! Он во всех подробностях помнит тот день, когда ему открылась новая действительность России и когда он приобрел настоящего друга. Как это произошло? Шел 1918 год. Кемжахим, как и обычно, пас овец своего хозяина, бая. Отара подошла близко к дороге. И тут чабан увидел: по дороге идет человек в солдатской шинели и папахе. Не часто встретишь русского солдата в этих местах. Поздоровались, стали беседовать, и солдат Андрей Божко рассказал байскому батраку, что в России теперь нет хозяев — помещиков и капиталистов, их прогнали еще в прошлом году. А правительство там возглавляет Ленин, который всю свою жизнь отдал борьбе за счастье рабочих и крестьян... Пастух и солдат увлеклись беседой и не заметили, что к ним скачет во весь опор разъяренный хозяин Кемжахима. Увидели его уж в тот момент, когда он занес плеть над головой батрака. Но тут солдат быстрым движением перехватил руку бая и поднес к его глазам здоровенный кулачище: «Попробуй только тронуть Кемжахима!»

Так вот и подружились казахский чабан и русский солдат.

В конце 20-х годов в Сарадыре был создан колхоз. Первым его председателем земляки назвали коммуниста Кемжахима Кайралапова. И надо ж быть совпадению: в те же дни организовали колхоз в соседней Чернобаевке, а председателем там выбрали Андрея Божко.

И снова, в который уж раз, Андрей пришел на помощь другу: убедил своих колхозников выделить соседям несколько волов, сеялки, плуги, культиваторы.

Так все это было... И еще вспомнил Кемжахим зимний вечер того самого года, когда был создан их колхоз. Счетовод и кладовщик, закончив сложные подсчеты, сказали председателю:

— Наш колхоз намолотил 1 232 пуда зерна.

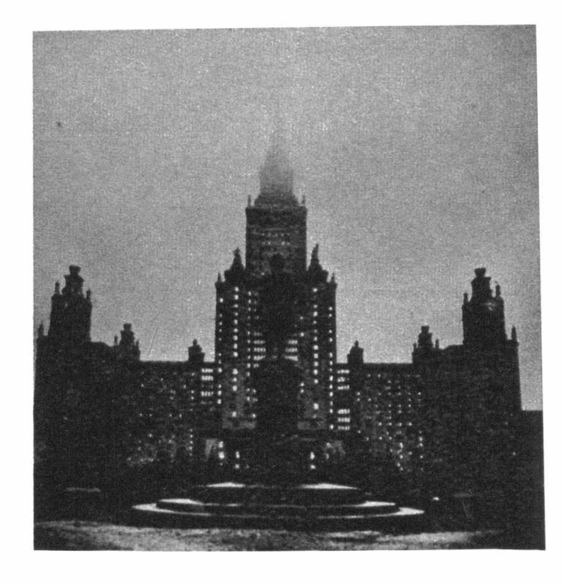
Сколько же радости было тогда в ауле! Вчерашние пастухи, скотоводы, не знавшие даже, что такое плуг, теперь сами, своими руками вырастили столько хлеба. И, конечно же, вместе с Кемжахимом радовался тогда его друг Андрей Божко.

Вот какие воспоминания пробудила у старого коммуниста только одна цифра.

Н. ЧЕТВЕРГОВ,
корреспондент
«Казахстанской правды»

Рузаевский район,
Кокчетавская область.

ПРОРЕКТОР МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР Е. М. СЕРГЕЕВ рассказывает корреспонденту «Огонька».

Вечером здание Московского университета на Ленинских горах особенно величественно. Оно сверкает огнями бесчисленных окон и представляется светочем науки, обладающим неизъяснимой притягательной силой для всех этих юных разноязыких, веселых и серьезных молодых людей, что идут и идут к массивным дверям подъезда.

Мы вслед за ними поднимаемся по широким ступеням. Конечно, мы знаем, что в стенах старейшего русского высшего учебного заведения учится молодежь множества национальностей, входящих в великое советское братство. Но, когда оказываешься вот так близко, рядом с этой говорливой и возбужденной студенческой семьей, всегда испытываешь хорошее, горделивое чувство из-за того, что есть такой чудесный гостеприимный дом знаний в нашей Москве, свет которого достигает Памира и Закарпатья, Заполярья и берегов Каспия...

— Да, одна из традиций нашего МГУ — помощь высшей школе и науке в братских союзных и автономных республиках,— говорит Евгений Михайлович Сергеев.— Взгляните: не говоря уж о студентах, которые ежегодно к нам прибывают из самых разных уголков страны, у нас в аспирантуре сейчас занимаются, готовясь к научной работе, более четырехсот будущих молодых ученых союзных и автономных республик: математиков, физиков, географов, геологов, химиков, биологов, историков, филологов, экономистов и философов...

Евгений Михайлович показывает нам сводку. В ней впечатляющая статистика: отсюда, с Ленинских гор, пойдут в науку столько-то адыгейцев, башкиров, грузин, киргизов, казахов, марийцев, молдаван, таджиков, узбеков, эстонцев, якутов... И сегодня это никого удивить не может. Так было все советские годы, так есть и будет.

— В последнее время наши ученые, преподаватели университета выезжали для чтения лекций по актуальным проблемам современной науки в разные концы страны,— говорит проректор.— Эта форма практической помощи тоже традиционна. Академик А. Ю. Ишлинский, член-корреспондент Академии наук СССР В. Е. Хаин, профессор В. А. Ковда выступили, например, с лекциями в Ташкентском государственном университете; академик Ю. Н. Работнов, члены-корреспонденты Г. Г. Черный, А. В. Новоселова, профессор Х. А. Рахматулин, Б. В. Гнеденко, И. Я. Щипанов, К. В. Топчиева читали лекции в Азербайджане...

СВЕТ С ЛЕНИНСКИХ ГОР

Физический факультет. Доктор наук, профессор Сергей Николаевич Ржевкин ведет занятия с аспирантами Арапбаем Мариповым из Киргизии, узбеком Эркином Хасановым и студентом VI курса Вилнисом Палатписом из Латвии.

Фото Л. Бородулина.

Кстати, профессор Халил Ахмедович Рахматулин, узбек по национальности, воспитанник Московского университета, заведует у нас кафедрой газовой и волновой динамики. Его труд «О распространении нелинейных волн в задачах теории упругости и пластичности» удостоен еще в 1945 году Ломоносовской премии, а его работы в области теории волн спустя четыре года — Государственной премии... Как видите, профессорско-преподавательский состав МГУ не только помогает высшей школе союзных и автономных республик, но, в свою очередь, сам пополняется — и это тоже теперь традиционно — за счет воспитанных им национальных кадров. Явление, как мне представляется, весьма знаменательное и многообещающее. Истоки его, безусловно, следует искать в ленинских декретах первых лет Советской власти о широчайшей демократизации высшей школы, в частности, о создании рабфаков. Характерно, что уже к 1927 году студенчество Московского университета представляло сорок две национальности страны! Учились в те годы на одном из факультетов татарин Мустафа Мустафович Залилов (Муса Джалиль), таджик З. Ш. Раджабов, впоследствии академик, первый ректор Таджикского университета, профессор Г. Г. Жордания, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Тбилисского университета, и многие-многие другие воспитанники МГУ, ныне видные деятели советской науки.

К нам в университет часто приезжают коллеги из многих стран. Они не скрывают, что во многом завидуют нашему университету, той заботе, которую мы постоянно ощущаем со стороны партии и правительства. Не так давно создан у нас, например, беспримерный в истории высшей школы вообще специальный факультет повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений страны. Два с половиной года существует этот факультет. Крупнейшие ученые читают здесь лекции. Слушатели — заведующие кафедрами, доценты, преподаватели — возвращаются домой, обогащенные большими знаниями в самых различных областях современной науки. В сущности, это факультет, слушатели которого занимаются на всех факультетах! Очень интересное и перспективное начинание, ставшее уже весьма популярным. У нас в числе слушателей этого факультета более трехсот пятидесяти преподавателей Украины, более полутораста преподавателей различных дисциплин из вузов Казахстана, столько же из Узбекистана, большие группы работников высшей школы Белоруссии, Азербайджана, Армении, Грузии, Киргизии, Молдавии, Латвии, Литвы, Таджикистана, Туркмении, Эстонии... Так получается, что, в сущности, три поколения высшей школы из национальных республик занимаются сегодня одновременно в стенах нашего университета: студенты, аспиранты, преподаватели. Не сомневаюсь в том, что и это тоже станет нашей традицией.

...Недавно в газете «Правда» выступил с рассказом о Ташкентском государственном университете имени В. И. Ленина, об истории его создания и сегодняшних днях ректор первого среднеазиатского вуза С. Сираждинов. «Поезд шел в Ташкент» — так назвал ученый свое выступление.

«На рассвете 19 февраля 1920 года из Москвы, с путей Казанского вокзала, отошел не совсем обычный поезд. Девять пассажирских вагонов с эмблемой «Красного Креста», остальные двадцать — товарные.

Но это был не санитарный поезд. Он вез рыцарей науки, направляющихся в далекий Ташкент, чтобы основать там первый в Туркестане университет. Прежде чем этот поезд тронулся в путь, была осуществлена огромная организаторская работа. Человек, который возглавлял ее, был Владимир Ильич Ленин».

В этом поезде ехали русские ученые из Петроградского технологического института, Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, из других вузов и, конечно, из Московского университета.

Таким было начало. И показался нам еще теплее, еще ярче свет бесчисленных окон громадного здания на Ленинских горах, когда мы представили себе мысленно, сколько же людей добрым словом вспоминают в необъятной нашей стране Московский государственный университет имени русского ученого Михайлы Ломоносова.

К широкому подъезду все так же шла молодежь, разноязыкая, веселая и серьезная, чем-то похожая друг на друга, как похожи бывают дети одной семьи.

РОССИЯ — АЗЕРБАЙДЖАН

Старые друзья — Виктор Лагутин и Фарман Салманов.
Фото автора.

Юрий ЛУШИН

СИБИРЯК ИЗ ШАМХОРА

«Салманову Фарману Курбан оглы присвоено звание Героя Социалистического Труда». Эту телеграмму ему вручили в советском посольстве в Лондоне, куда он приехал по туристической путевке.

За окнами посольства шумел чужой город, а он вспоминал совсем другие места...

* * *

Единственную бутылку шампанского берегли как зеницу ока, укрывая под полушубком от 50-градусного январского мороза. Даже устояли перед искушением распить ее в честь нового, 1959 года. Люди знали, что совсем скоро, всего через несколько дней, к ним придет праздник поважнее этого. Праздник, которого они ждали не один год... Напрасно Салманов беспокоился, что на митинг, посвященный торжественной забурке первой глубокой скважины в приобской деревеньке Сургут, никто не придет. К буровой тогда собралась вся деревня, приехал и секретарь Сургутского райкома партии Виктор Гаврилович Бахмат. Было торжественно и празднично. Салманов посмотрел на бурового мастера Виктора Лагутина и почему-то подумал: а сколько же лет он знает Лагутина? Пожалуй, около десяти. С той еще поры, когда он, Фарман Салманов, студент Бакинского индустриального института, приезжал в Покур, неподалеку от Сургута, на практику.

Скважина в Покуре оказалась пустой. Крупные авторитеты утверждали, что в этих местах нефть искать вообще не стоит: не должно ее тут быть. И Лагутин подался в Кузбасс. Там тоже шли поиски. А вскоре трест «Запсибнефтегеология» направил туда же молодого специалиста Салманова. Друзья встретились вновь. Шесть долгих лет прошли в напрасных поисках: удачи все не было. Многие уже твердо знали — по всем признакам нефти в Кузбассе и быть не может. Салманов сказал об этом прямо. Его обозвали «партизаном», пытались удержать здесь, но он настоял на своем и уехал в Сургут. Лагутин остался. А потом вдруг от него телеграмма: «Выезжаю семьей и 7 человек бурильщиков».

И вот теперь здесь, в Сургуте, этот большой и сильный человек, прошедший все трудности войны, еще мальчишкой вступивший в отряд крымских партизан, бежавший из гитлеровского плена и участвовавший в боях за Вену, этот человек, у которого Салманов учился в свое время буровому делу, тоже волновался не на шутку. А он-то думал, что знает своего друга до конца... Фарман подмигнул ему ободряюще, вышел на импровизированную трибуну и сказал:

— Мы не романтики и не волшебники. Мы рабочий класс. Мы не можем без нефти, как нефть не может без нас. Мы найдем ее. Здесь, в Приобье, мы откроем третье Баку...

Лагутин начал забурку. Загудели дизели, заработали насосы, начал вращаться квадрат. Салманов вытащил бутылку шампанского, которую берегли как зеницу ока, и по старинному азербайджанскому обычаю хлопнул ею о стальное долото на счастье.

...И еще воспоминания. Ну почему они так щедро приходят на ум сегодня, здесь, в Лондоне?..

Воспоминания детства. Дед Сулейман, прозванный в родном Шамхоре мятежником, перебирает четки. Еще у него есть другое прозвище — фантазер, которое потом перейдет по наследству к его внуку Фарману. Дед почти 20 лет отбывал царскую ссылку в Сибири и на Дальнем Востоке за нарушение законов религии, за сопротивление мулле. Из ссылки он вернулся — неслыханное дело — с русской женой Ольгой Ивановой. А когда у Фармана появилась маленькая сестренка, дед Сулейман решительно потребовал, чтобы ее назвали именем великой реки Амур. Так и пришлось девочку назвать Амурой...

Рассказы деда Сулеймана о Сибири были занимательнее сказок. Дед говорил, что в той далекой стороне бывает время, когда река делается твердой, словно дорога, и по ней можно идти, что в сильный мороз сибиряки выбегают из бани и обтираются снегом. Фарман слушал, и казалось ему, что Сибирь и другие дальние страны ждут, когда он вырастет и придет туда, узнает странных людей и станет для них другом и они тоже будут его друзьями...

— Почему у вас такие большие глубины? — сухо спросил Салманова представитель главка.— Сколько стоит метр проходки?

— В два раза выше, чем в Шаиме,— подсказал кто-то.

— Безобразие! Не умеете распоряжаться государственными средствами. Еще неизвестно, найдете ли вы здесь нефть, обещаете уже несколько лет. Скорее всего, Салманов, она существует только в вашем воображении. Придется ставить вопрос о сворачивании работ в Сургуте... Вам это ясно?

Салманов промолчал. Спорить было бесполезно. Конечно, здорово, что их соседи и коллеги в Шаиме открыли промышленную нефть, но ведь это вовсе не означает, что в Сургутском Приобье надо сворачивать работы! Район площадью в 350 тысяч квадратных километров совершенно не исследован. Нет, разведку сворачивать нельзя. Напротив, надо организовать ее в еще более широких масштабах. Вот это ему абсолютно ясно. Нефть здесь есть, много нефти. В этом он уверен. Просто до сих пор скважины в Сургуте закладывались вслепую, без достаточного научного обоснования. Зато эти скважины прояснили геологическое строение района и на многое открыли глаза. Многочисленные геофизические исследования подтверждали — тут стоит искать нефть. А приезжий представитель ничего этого не знает... Но

шло время, а нефти не было, хоть ты лопни. Длинными бессонными ночами Салманов спрашивал себя: «Неужели я ошибаюсь? Да что я... Неужели ошибался академик Губкин, призывавший еще в 30-х годах искать нефть в Сибири? Ошибался профессор Абрамович, который ежегодно отправлял меня из института на практику в Сибирь?..»

* * *

Уже пятые сутки идет испытание скважины в Мегионе. Салманову приходилось оставаться на базе: у него одновременно испытывались три скважины... И самым нужным человеком на базе стал радист Володя Жданов. Салманов дневал и ночевал на радиостанции, ежечасно связываясь с буровой. Все жили предчувствием: Мегион даст нефть. Промыслово-геофизические данные свидетельствовали об этом.

И вот пулеметом строчит морзянка: «Салманову. Произвели перфорацию подготавливаем спуску. Высочинский, Тепляков». Наступил самый ответственный момент, и главный инженер Александровский приказал следить в оба за безопасностью работ. И опять томительное ожидание. Час за часом... Вот-вот все решится. Снова пулемет морзянки. Прочли как во сне: «Салманову. Скважина фонтанирует чистой нефтью дебитом 200 тонн. Высочинский, Тепляков».

Салманов вышел на крыльцо. Странную легкость ощутил он в себе. И радость от сознания впервые одержанной победы. Тут только подумал: а какой сегодня день? 1 марта 1961 года. Вот ведь совпадение: сегодня во всем Азербайджане и в его родном Шамхоре отмечают новруз байрам — праздник весны.

И солнце видит сейчас праздник в Азербайджане и их праздник здешний тоже видит. На буровой в эту минуту мощно гудит фонтан. Сотрясая все вокруг, бегает, растеряв свою солидность, буровой мастер Григорий Иванович Норкин и мажет нефтью своих друзей и сам пропитан ею насквозь. Бурильщик Арулла Доминов кричит: «Вторую Татарию открыли». Все это видит солнце.

Салманов постоял на крыльце. «Интересно, а что бы сейчас сказал представитель главка? Нет, не зря мы тратим государственные деньги»,— и отправил короткую телеграмму: «Мегионе получен фонтан нефти дебитом 200 тонн. Вам это ясно? Приветом. Салманов».

Его всегда считали фантазером. Должно быть, и правда, по наследству. Фарман окончил школу с серебряной медалью, но поступил, по мнению отца, ужасающе нелогично: вдруг пошел работать коллектором в гидрогеологическую экспедицию, проводившую изыскательские работы по выбору трассы Ширванского канала. Геологом он решил стать давно. Но еще не знал, годен ли для этого. Экспедиция — проверка, экзамен. Через два года Фарман понял, что в выборе не ошибся, и поступил в Бакинский индустриальный институт. В том же самом году он впервые отправился в Сибирь и убедился: дедовы сказки — вовсе не сказки. С этого времени Фарман ежегодно уезжал из института на практику в край, о котором так много слышал от деда. Когда шло распределение на работу и Фарману предложили остаться в Баку, в «Азнефти», он попросту возмутился.

* * *

Жара. Кажется, еще немного, и вода в болотце, рядом с буровой Р-62, закипит. Жара и комары. В мареве плавает селеньице Усть-Балык. Комаров столько, что берет сомнение, сумеет ли вертолет своим винтом разогнать их. Сумел. Сели благополучно.

Салманов задумчиво смотрит на буровую. Что будет в этих местах лет через двадцать? — спрашивает он себя. Дороги? Нефтепроводы? Города? Недавно в одной из бакинских газет он наткнулся на интересную подборку — на одной полосе газеты рассказывалось о буднях азербайджанских нефтепромыслов, а на другой — об их будущем. И тогда он подумал, что перспективы развития нефтедобычи в Сибири куда более заманчивы и неплохо бы тоже помечтать об этом. Редактор сургутской районной газеты Николай Иосифович Голипад загорелся этой идеей, но поставил Салманову условие: будешь общественным редактором...

Этот номер газеты был нарасхват. Газета рисовала картины будущего. К октябрю 1980 года Сургут станет крупным городом нефтяников — с многоэтажными домами, с телецентром, театром и кинозалами. Будет построена железная дорога до Тюмени. Нефть Приобья пойдет по трубопроводу из Усть-Балыка в Омск. А сын ханта Паши Кочаева вернется к тому времени из космоса и будет принимать поздравления друзей... Так они писали в той газете, и она была нарасхват.

В общем-то эта фантазия сбылась всего через пять лет. Жизнь кое в чем даже обогнала их мечты. И кто знает, может, сын какого-нибудь ханта сейчас примеряет шлем космонавта... Что же касается буровиков, то они свое слово тоже сдержали. На Р-62 ударил такой фонтан нефти, какого Салманов еще в жизни не видел. В восторге он радировал в Тюмень одному из организаторов поисков нефти в Тюменской области Ю. Г. Эрвье: «Скважина лупит по всем правилам». «Конкретно, дебит?» — хладнокровно запросили из Тюмени. «Более 400 тонн в сутки», — ответил Салманов.

Весть о новом открытии облетела всю страну. Делегат XXII съезда партии председатель Сургутского райисполкома Антонина Георгиевна Григорьева дала из Москвы телеграмму: «Горжусь вами, счастлива, что, когда сегодня в Москве проходит XXII съезд нашей партии, в моем родном крае сделано крупное открытие, которое преобразует его и сделает еще более цветущей жизнь моего хантыйского народа».

Мечты сбывались...

* * *

Сенсацией марта стал настоящий зеленый огурец. Ему удивлялись, как пришельцу с другой планеты. Это сейчас, когда в Горноправдинске 2 400 квадратных метров теплиц, люди тут привыкли и к красным помидорам зимой, и к зеленому луку, и к огурцам. А тогда удивлялись. Но некоторые, правда, высказывали недовольство: «Странный этот Салманов. Снова разводит фантазии. Ему бурить надо, а он сельским хозяйством занялся. Теплицы развел, яблони задумал высаживать». Сенсацией марта стал еще и выговор, объявленный начальнику Горноправдинской экспедиции Салманову за самовольное строительство теплиц.

— Город строить — это даже потруднее, чем нефть искать,— так пошутил он тогда.

И скрывалась за этой шуткой мечта о городе в сибирской тайге, таком же красивом и большом, как Баку, о городе, в котором бы хорошо жилось и весело отдыхалось. Разве в таком городе можно работать плохо? Так размышлял Салманов и вместе с прорабом Володей Потапенко просиживал вечера над планом поселка, сам рисовал форму стоек для уличных светильников, которые изготовлялись из отработанных бурильных труб.

Как он сумел выкроить время написать и защитить в Новосибирском университете кандидатскую диссертацию, даже для друзей остается загадкой. Салманов твердо знал одно: создай человеку условия, и он отплатит за это сторицей. И рабочие экспедиции понимали своего начальника. Только они сами знают, сколько вечеров — безвозмездно и без всяких уговоров — отдали строительству школы, электростанции, стадиона, клуба... Они понимали, что строят для себя, для своих детей. И поднимались на пустом месте двухэтажные дома с газом и центральным отоплением.

А на буровой молодой мастер Василий Петелин обгонял ветерана Лагутина, и часто от этого огневого соревнования рвались из-под земли черные фонтаны нефти на Салымских болотах, в которых, по преданию, утонуло солнце. И хотелось Фарману как-то приободрить Лагутина в такие минуты, но, опасаясь задеть его гордость, только спрашивал лукаво при встрече:

— Никак стареешь, дружище? Вроде бы рановато нам еще...

Странный этот Салманов. Попросил убрать из поселка милицию, и старший лейтенант Каргаев вздохнул с облегчением: для милиции тут действительно нет никаких дел. Странный Салманов. Ему могут позвонить в два ночи спортсмены и сказать, что не работает насос и они не могут залить каток. Начальник встанет, оденется и будет вместе с ними добиваться, чтобы насос исправили и чтобы к утру каток был залит. Или, скажем, зайдет Салманов в столовую, увидит, что там недостаточно чисто, и уйдет не пообедав.

* * *

...А теперь он в туристской поездке в Англии. И никаких особых забот. Отдыхай. Ходи по музеям. Еще несколько дней в твоем распоряжении. Почти неделя. Но он идет на почту и дает телеграмму: «Вылетаю!» Такая тоска одолела по дому, по Сибири... Там семья, друзья — главный геолог Горноправдинской экспедиции кореец Аркадий Тян, русский Виктор Лагутин, немец Генрих Кизнер, которого, несмотря на молодость, уважительно величают Генрихом Эдуардовичем. Азербайджанцы, армяне, татары, башкиры, ханты, украинцы... Люди 25 национальностей трудятся в Горноправдинской экспедиции. Салманова будут шумно встречать, весело. Он знает. И тогда начальник скажет, по привычке пряча растроганность:

— Что это вас так много, друзья?

Николай **РОДИЧЕВ**

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Поскольку миф о загадочности русской души, рожденный не очень внимательными иноземцами, живуч поныне и на миф этот нередко ссылаются с целями недобрыми, я задался мыслью совершить и свое путешествие в эту самую не всеми и не до конца познанную душу русского человека, сделать это путем жизнеописания наиболее примечательных своих знакомых, встреченных в разное время, на различных росстанях: заводских мастеровых, умельцев-самоучек, изобретателей и просто одержимых людей с чудинкой в характере.

Из живых мифов о таких «чудаках, украшающих землю», складывалась моя новая книга «Вешка у родника», то есть моя писательская примета у неиссякаемых родников народной сметки, мудрости, отваги. Смею думать, что именно таких людей, а вместе с ними именно такую их Родину славил поэт, одновременно предостерегая:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Рассказ «Конопляный бог» — откровение об одной давней встрече с человеком, который в малом ремесле своем остался непознанным даже для односельчан. Он был самым простым и, пожалуй, самым обыкновенным человеком.

КОН

В предвечерье, когда утомленные страдой и жарынью люди сошлись в избу сумерничать, с улицы донеслись резкие звуки трещотки и глухие удары о днище дырявого таза. Поддерживая на бегу штанишки и вопя, мимо окон метнулась стайка ребят:

— Скворцы на коноплянище!

Мы с братиком первыми побросали в застолье ложки и вымелись за порог. Где-то в конце огородов мы обогнали длинного седого старика: он тяжело дышал и часто спотыкался, путаясь босыми ногами в подсохшей ботве картофеля. Иногда он падал, но и лежа вздымал над грядками ребристую деревяшку, вокруг которой с бесовским треском вращалась крыльчатка, похожая на игрушечную лесенку. Слезящиеся, но не потерявшие угольного цвета глаза старика были устремлены на темный косяк посевов, поднявшийся в рост всадника сразу за притоптанным копытами лошадей проселком.

В тихую пору предвечерья, когда не вздрогнет на деревьях сомлевший от духоты лист, коноплянище шевелилось, шуршало, потрескивало сломанными стеблями растений, переживая налет оматеревших за первые месяцы лета, лоснящихся от жира скворцов. Крылатые разбойники с азартным криком шелушили метелки конопли.

Ребятня обрушила на прожорливых налетчиков груды комьев, швыряла в ближних птиц картузами; свистели, били железными прутья-

ОПЛЯНЫЙ БОГ

ми в худые ведра... От крайней избы, где жил охотник Ефим, грохнул выстрел берданки. Обнаглевшие птицы нехотя оторвались от пиршества. Трепещущие крылья их образовали тучу. Эта туча за несколько минут притушила зарево заходящего солнца и скрылась за лесом.

Дед Евдоким с трещоткой ушел от своей полоски земли последним. Он долго еще ходил по заросшей бурьяном меже, разделяющей его надел от соседнего, вздымал вслед скворцам руки и что-то выкрикивал — как всегда, неразборчивое, сердитое.

Мы, мальчишки, в такие минуты боялись приблизиться к старику, боялись его непонятных ругательств, седых, насупленных бровей, похожих на колючие кусты, когда дед Евдоким наклоняет голову. А не наклоняться при разговоре ему нельзя, потому что во всей деревне он самый рослый, высокий, хотя в последние годы, говорят старшие, он заметно убавился, стал присыхать.

На узкой своей полосе, сходящейся под бугор клином, дед Евдоким никогда не сеет ничего, кроме этой длинной, подобно себе, и косматой сверху конопли. За непонятные слова и странную приверженность к одному виду растений, за неизменное счастье урожая на клиновидной полоске в любой год деревенские женщины зовут его колдуном.

Колдуны и колдуньи жили и в других избах. Широкой кудрявой бородой и ясным взглядом черных очей дед Евдоким больше смахивал на образ святого. Поэтому ребятня звала его по-своему—Конопляный бог или просто дедушка Конопля...

Дед Евдоким рад помощи. Ребята первыми заметили навалу птичьей орды. Одарив юных помощников кого глиняной свистулькой, кого горстью поджаренного на сковородке пахучего семени, старик мелкими, усталыми шагами бредет к своей избе. Сегодня ему нездоровится, а то он днюет и ночует поблизости поспевающего урожая...

...Деревенька наша, не потерявшаяся меж зеленых и белых горок Дмитровщины, не набрала бы и трех десятков строений. Сеяли рожь и картошку, лен и гречу, драли лыко в окрестных лесах. Помимо этих непременных, извечных забот, для обитателей каждой избы имелось свое, родовое занятие, в котором они не уступали перед другими первенства, пришедшего к ним от веку. В одной избе жили отменные бондари, в другой кузнецы, в третьей отличались изготовлением валенок или разведением овец.

Одевались все примерно одинаково: мужчины ходили в зипунах, женщины предпочитали шубы яркой раскраски; бревна возили на стройки из одних и тех же лесов. Однако любой взрослый и малый житель так же, как и всякая изба, отличались друг от друга целым рядом примет, тоже идущих от фамильного занятия.

В ту пору все женщины сучили пряжу, ткали на всех едоков полотно, заготавливали кадки с огурцами, мочили в зиму яблоки, сушили грибы. И это споконвечное дело давалось людям по-разному. У одной молодайки бежит из-под пальцев нить ровная и тонкая, что струна. Другая гонит нитку в детский палец толщиной... Иная достает из погреба огурец полный, хрустящий на зубах, пряный, а соседка ее, глядишь, потчует гостей и домашних кормит овощем пустотелым и осклизлым, пахнущим немытой кадушкой вдобавок...

Хлебы пекли в каждой избе. По вкусу, цвету и внешнему виду каравая можно было сразу узнать, на что горазда хозяйка и какое у нее было настроение, когда она готовила тесто.

Всяк себя сам снабжал обувкой, сызмальства. И в этом мудреном деле имелся в деревне настоящий глава и знаток дотошный. Не помню имени главного лапотника, но в лицо узнал бы. Это был не старый еще человек, вяловатый и тусклый в иных занятиях, однако плетеную обувь его можно было отличить от изделий других мастеров издали, на ноге идущего человека. У признанного главы лыкотреста обувь получалась глубокой и легкой, расписанной по головке тонкой вязью из лозы краснотала, за которым он хаживал по весне в какие-то другие, известные лишь ему места. Однажды этот заядлый «лаптежник» сработал на спор настоящие мокроступы: так подогнал лыко к лыку в ровной строчке, что к ноге не проступила вода!

Имелись свои лошадники, способные обуздать взбесившуюся конягу, свои мастера крыть крыши под глину, свои колесники и картежники.

Ружей на всю деревню не набралось бы и двух путящих, но охотниками считали себя многие, особенно ребятня. Из орехового прута дети совсем без посторонней помощи умели выгнуть лук, из конопляной тресты средней толщины готовили стрелы, снабдив это примитивное оружие гвоздем вместо наконечника, и... сбивали на лету птицу, охотились на зайцев, плодившихся в окрестности бессчетно.

Все эти общие слова о разновидности занятий деревенских людей моих лет и неравной степени проникновения в тайны ремесла понадобились, чтобы приблизиться к основной теме разговора. А вспомнить захотелось о старике Евдокиме — коноплянике, человеке мудром и чудаковатом, преуспевшем в небольшой этой малости, но заставившем вот помнить о себе долгие годы.

Перебивался Евдоким в одиночку, старуха его давно жить приказала, и этот ее наказ он исполнял строго — тянул до полной сотни. Дети их выросли и разбрелись по своим стежкам, редко навещали родительскую оселю. Был Евдоким молчалив в обычном своем расположении духа, но не злой. Тихий такой, застенчивый человек. От долгого одиночества привык разговаривать сам с собой. За эту его причуду да за умение во всякий год выгнать в рост коноплю себе под стать, за нежелание поделиться секретом с остальными конопляниками деревенские и окрестили Евдокима злым словом. С годами борода деда побелела, затем взялась прозеленью, и он еще больше стал похож на Конопляного бога.

Чтобы поберечь свой секрет, а может, подзадорить завистников, старик работал на своей делянке ночью, успевал все сделать незаметно. Другие лишь собираются, бывало, на пашню, а у деда Конопли растение поперло из земли густым полушубком. Удавались посевы и другим землепашцам. В иной год стоят стебли на конопляницах что твой бамбук! А все равно у деда или метелка гуще или пенька тоньше, крепче, как пух, легка.

— Молитву знает! — шептались старухи.— С нечистой силой спознался!

В плотницком нашем роду не часто удавались посевы. Наслушавшись зимними вечерами всяких толков в избе, я взял себе за правило отираться с теплых дней вблизи дедова подворья: авось, удастся перенять его молитву?!

Поступать так мне было сподручнее, чем многим иным. Дед Евдоким благоволил ко мне, ценил за спокойный, недокучливый характер: попав в его общество, я не тарахтел попусту, не донимал «глупыми» расспросами, не мешал ему думать бесконечные стариковские думы... Обходились мы редкими словами, проистекавшими из привычных занятий: вязали в пучки метелки семенных растений и собранные в залужье травы, набивали небольшие ящички землей, перемешанной с торфом. Травы он затем подвешивал к потолку, вогнав в матицу крупные, вершковые гвозди.

Иногда он сам приходил за мной. Не переступая порога, с крыльца произносил в разбитую шибку окна нечто в виде пароля:

— Чибисы прилетели!..

Я скатывался с печки, хватал что-нибудь из одежды, догонял деда на середине улицы. Чибисами он называл грубо слепленные из пресного теста и запеченные в духовке куличи. Все недостатки его кулинарных навыков бесследно исчезали под пряной хрустящей корочкой, которая получалась у него, если густую подливу из тертой конопли сдобрить медом.

Временами я заставал его за этими немудреными приготовлениями. Старик выкатывал из-под лавки темную, побравшуюся трещинами ступу, поднимал ее на попа посередине избы, засыпал в углубление горшок прокаленного в печи семени. И принимался охаживать ступу тяжелым толкачом. Изба вздрагивала от ударов, пол шатался. Тупые удары толкача слышались в то время на деревенских улицах так же часто, как теперь выплескивается из раскрытых окон музыка радиопередач... На все свое время!

Дед Конопля не терпел ни кошек, ни собак. В хозяйстве его водились куры, но они в поисках корма разбредались по чужим огородам и подворьям. Там же, где придется, неслись. И редкая потребность в яйцах для приготовления пахучей дедовой подливы удовлетворялась с моей несложной помощью: стоило лишь побегать по грядкам огорода или запустить руку между слежавшимися снопами на задворках... Однажды хохлатка привела ему четырех длинноошеих цыплят, хотя никто ее не просил об этом. Курицу хозяин считал давно погибшей в когтях ястреба.

За многолетье одинокой жизни Евдоким порастерял из домашней утвари и то скудное имущество, что припасла покойная старуха. Не было среди утвари ни рогача, ни чапельника. В горящую печь дед отправлял чугунок рукой, защитив ее большой рукавицей из овчины. Темная, обгоревшая рукавица да веник из обмолоченной травы — вот и все, что валялось в переднем избяном углу.

Полы дед протирал сам. В маленьком ведерке с веревочной дужкой я подносил ему водицы из речки, а он, опустившись на колени, гнал куском мешковины эту воду от порога к дальнему углу под божницей — там постепенно из мышиной норы образовалась воронка с подопревшими краями... Затем он маскировал эту промоину ветхой дерюжкой. Однажды я оступился в дыру босой ногой и сдернул с лодыжки кожу. Дознавшись об опасном месте моих гулянок, наш дедушка Данила без спроса явился в избу Конопли, расширил ножовкой опасное отверстие и под божницей припечатал гвоздями деревянную латку. Заодно он сдвинул и остальные щелястые, громыхавшие под ногами доски. От куска свежего, выструганного дерева в избе словно повеселело. По этому случаю старики выпили бражки и закусили окаменевшими со вчерашнего дня «чибисами».

Гордясь работой дружка, дед Конопля не застилал обновленное место. Белое пятно в полу выделялось очень долго: закрасить его («затереть» — говорил дед) было нечем. Из тех немногих вещей, которые надобились деревенскому человеку в обиходе, сам он не мог вырабатывать разве краску для пола, хотя другие изделия чем-то расцвечивали, возможно, отваром из корья.

Деревянная латка в избе деда Конопли напомнила мне о других прорехах сельского житья.

Не обязательно по причине бедности, скорее, от споконвечной крестьянской расчетливости в хозяйстве сельчан полагалось экономить во всем. На ребячьих портках рачительность старших проявлялась наиболее зримо: мы, огольцы, пестрели от этих искусных поправок к скудной одежде, как куропатки. Когда в дом выбирали невестку, наравне с ее сноровкой, способностью вышивать, стряпать, ходить за скотом и угождать старшим и немалым числом иных навыков обговаривалось умение будущей хозяйки семьи чинить одежду. В латках тоже сохранялся некий стиль, отличающий одну семью от другой. Мне до сих пор думается, что цветом и характером заплат родители как бы метили «своих» детей, чтобы их можно было с одного взгляда отличить в гурте таких же непричесанных, русых, босоногих и конопатых от «чужих»... Латками детвора выставлялась друг перед другом: у кого красивее. К сожалению, ими нельзя было поменяться, а чужая ведь всегда кажется соблазнительнее... Никишова ребятня «клеймилась» синими кусками из холста нового утока; Богачевы израсходовали на поправку обтрепанных сорочек и штанов невесть как попавшую в их сундук поповскую рясу; стайка Шиловых одно лето выделялась ярко-кумачовыми полосками: этим сокровищем наделила их бабка Ефименья, порезав на куски свадебный подарок деда, принесшего еще в былые времена своей невесте алую кофту из дальних отхожих промыслов. Завещать кофту внучке не было смысла: воротник поточила моль.

Без латок обходились разве те, кто совсем не имел штанов, бегал до школьных лет нагишом или в одной рубашке. Но у таких хватало синяков и ссадин, да и следы родительского воспитания на собственной коже проступали резче, чем у владельцев грубых заплат. Все равно выходило так на так...

На коленках и сзади латки ставили даже впрок, сновá. Почему спереди — легко объяснить. Наколенники до недавней поры пришивали и солдатам. А какая опасность, кроме отцовского ремня, подстерегала непоседливое племя мальчишек сзади — до сих пор не могу осмыслить. Тешу себя убеждением, что слишком практичный деревенский люд ничего не предпринимал попусту или для форсу.

Отличались латки не только цветом, но формой, размером: квадратные, косячком, в полоску. Встречались и фигурные, наподобие скачущих коней или похожие на облака, разбросанные ветром по небу... Иная подносившаяся одежда начинала свою жизнь заново тоже с латки, удачно пристегнутой суровыми нитками во всю спину или сбоку: к ней затем приторачивали другую, затем целый рукав. Если от рубахи оставался воротник, а от портов пояс, они не считались выбывшими из игры.

Видел я на каком-то сверстнике совсем диво: на месте прохваченного огнем переда рубашки во весь живот, от подбородка до подола, сияла желтая тулья от офицерской фуражки, будто на неосторожного забияку снизошло само солнце. Так иногда содеянное родителями в сердцах идет не в ущерб ребенку и не в наказание, а оборачивается для сорванца в настоящую выгоду. Мы сгорали под этим солнцем от зависти и готовы были уступить счастливцу за его латку любое сокровище из тайных ребячьих кладов. Я давал ему за днище от казачьего головного убора складной ножик — по тому времени целое состояние...

Наверное, уже давала себя знать, пробивала дорогу к сердцам модников абстракция в живописи, асимметрия в одеждах... Не без грусти приходится наблюдать ныне за отчаянными усилиями городских модниц, делающих разноцветные врезки, вставки в платье, уродующих обновку линиями косыми, прямыми, поперечными... Старо! Наши рукодельные бабушки умели и не такое!.. До прежних мастериц по этой части нынешним далеко, как до облаков!

...Как-то в теплую, майскую ночь мужики засиделись у нас на завалинке, и дед Евдоким, сославшись на колотье в хребтине, заторопился на покой. Звякнула во тьме щеколда, скрипнула дверь, вспыхнул и вскоре погас желтый огонек в его окне. Стали расходиться по домам и другие участники ежедневных полуночных бесед. Я схватил бабкин рваный полушубок, служивший мне постелью, и прокрался на межу, разделявшую поле Конопляного бога с соседним наделом земли. Ночь была тихая и теплая, небо весело ярилось звездами, где-то на краю деревни лениво тявкала собака. Все было тихо, покойно, совсем не страшно, и только лес угрюмо темнел неподалеку, вобрав в себя черноту ночи.

Мне повезло. Когда отблистала за лесом зарница и всю окрестность окутала густая предрассветная темень, на полосу пришел Евдоким с лукошком. Он опустился на колени, потрогал ладонями теплую, пахнущую прелью землю и засмеялся от счастья. Потом распрямился и крупно зашагал по пашне, раскидывая семена и бормоча какие-то слова. У меня пробежал мороз по коже: я отчетливо слышал дедову молитву! Жадная детская память, как промокашка влагу, впитывала каждое слово, и слова эти были понятны мне, пятилетнему пострелу... За какой-нибудь час старик дважды опорожнил лукошко, засеял всю полосу и, перекрестившись в сторону леса, двинулся к меже. Встреча была неминуема, нас разделяло с полсотни шагов... Понимая свое преимущество перед глубоким стариком, я дал волю озорству. Во мне взыграла внезапная, необъяснимая прыть. Подхватив полушубок и прикинув, как поскорее достичь своих огородов, я громко прокричал в ночь услышанную на коноплянище молитву:

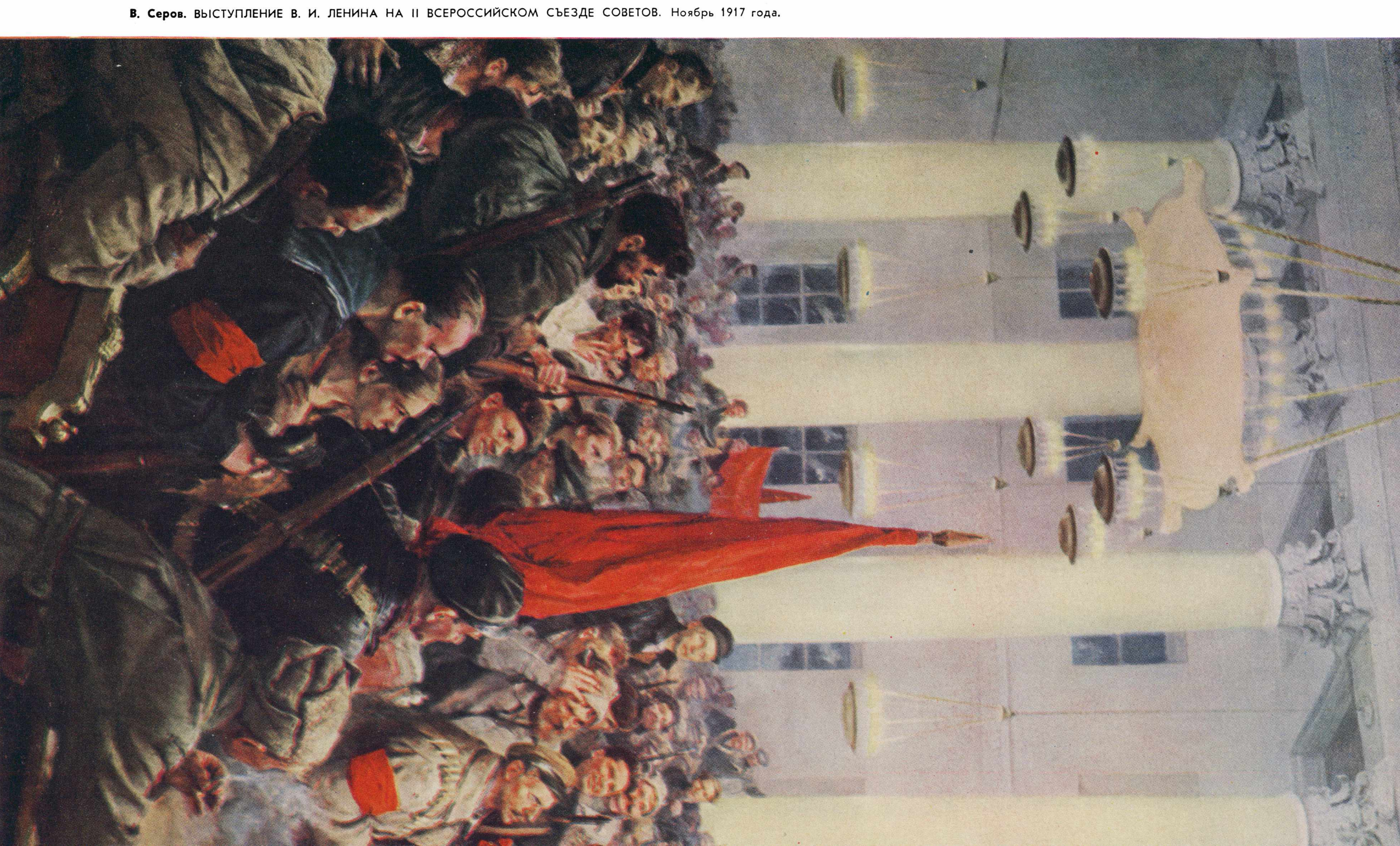
Сею, сею коноплю,
Будет с пуда по рублю!
Насбираю рубликов:
Внучикам на бублики,
Старой бабке на платок,
А себе на табачок...
Кто услышит — тот молчок!

Дед оторопел от крика, врезавшегося в тишину ночи. Молитва укатилась за лес и повторилась там стоусто. Я подпрыгнул на месте и кинулся было к дороге напрямик. Но рваный полушубок предательски обвился вокруг ноги.

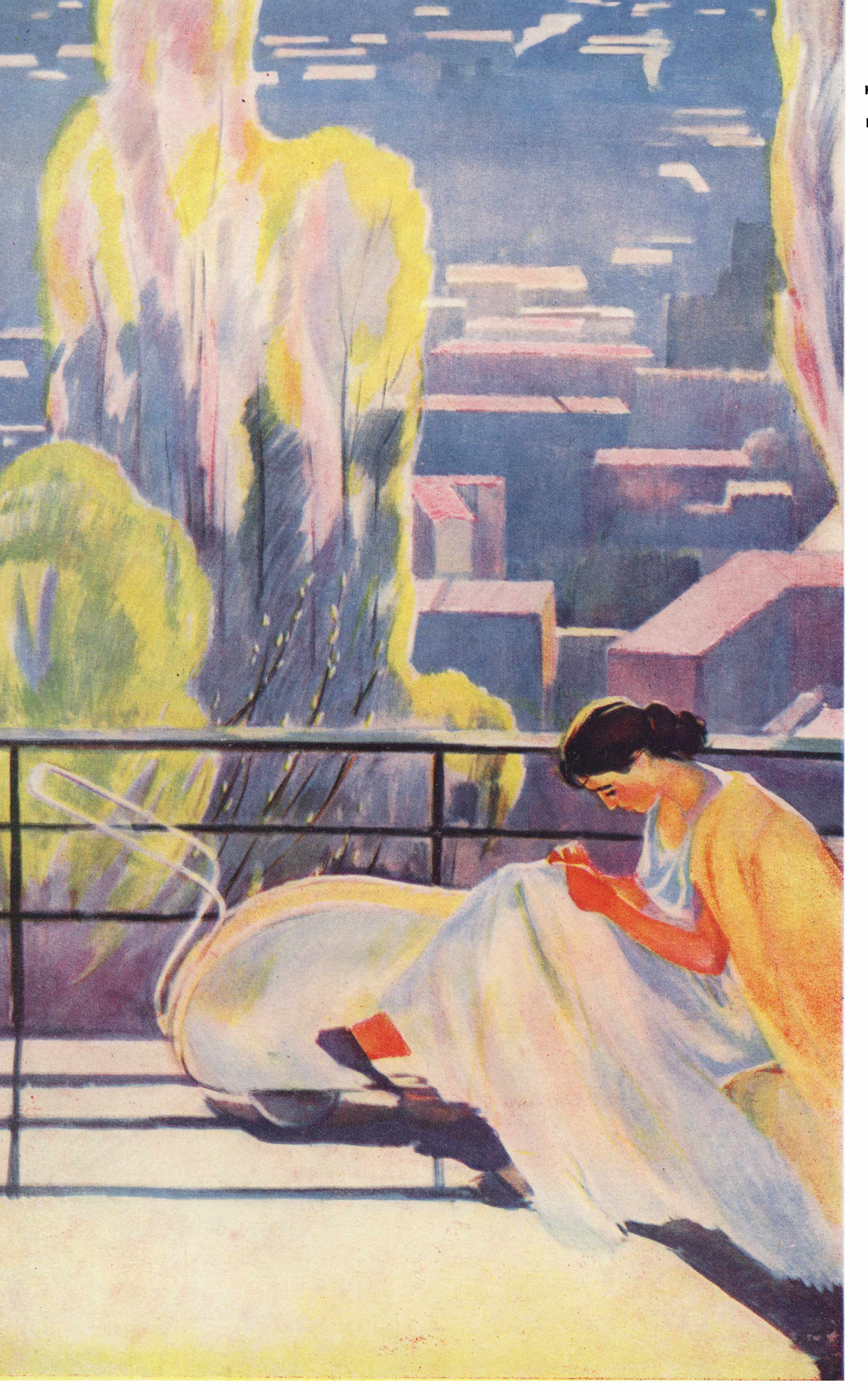
Ф. Модоров (Москва). ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА.

Э. Илтнер (Рига). ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ.

В. Серов. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ. Ноябрь 1917 года.

ВСЯ
ВЛАС

Н. Котанджян (Ереван).

ВЕСНА.

Моим же полушубком старик накрыл меня, как глупую ночную птицу. Был он крепок еще, потому что легко поднял свою добычу с земли и посадил в просторное лукошко. Опамятовался я в риге, где Евдоким хранил нехитрый инвентарь.

Кричать я боялся, потому что «колдун» в отместку за проникновение в его тайну мог оборотить меня в коноплю, в собаку или выставить на весь сезон чучелом и держать так в поле, пока не отлетят в дальние страны скворцы — самые неумолимые враги его посева.

Старик усадил меня на пук выцветших растений прошлогоднего урожая, подпер куском слеги дверь и зажег крохотную плошку. Черная тень его со всклоченной бородой металась по стенам риги.

— Ну-ка повтори, шельменок, что ты там услышал на коноплянище? — прогудел дед, хмурясь.

Не слыша своего голоса и заливаясь слезами, я повторил.

Старик засмеялся, пристукнул в ладоши.

— А вот не все, не все!.. При мне осталась главная молитва!

Я решил не сдаваться «колдуну»:

— Нет, все!.. Вот расскажу дедушке Даниле, и у нас тоже будет такая же конопля, еще выше...

Старик сел рядом на пересохший и трещавший, будто на огне, сноп и затряс бородой, роняя слова.

— Твоему деду,— сказал он доверительно, без зависти и злости,— не дается конопля. Она ему — тьфу! — без надобности. По дереву он мастак... С ним в лес хорошо ходить: постучит палкой по стволу и скажет, на что дерево годится — на балалайку или в печь. Бабка — иное дело, она у тебя тонкопряха, рукодельница... А главная молитва — вот она, ты ее все равно не поймешь, и никто не отымет ее у меня... Не побоишься, если прочитаю сейчас?..— И он пробормотал что-то невнятное, действительно жуткое.

— Ал-ел-бы-ше-ри ал-ты-ри ал-аль-чик-ма-ри ал-амой-до-ри ал-ать-спа-ри [1]!

Видя, что я напуган, забавляясь моей растерянностью, он проговорил еще несколько таких же колдовских фраз и вдруг задумался, погрустнел. Черные глаза его стали блестящими от набежавшей слезы.

— Ладно, будь по-твоему... Коль не забоялся в таком возрасте пойти к самому «колдуну» в гости, значит, любишь коноплю, сердцем прикипел к моему делу... Так и быть, тебе первому откроюсь — не в могилу же уносить секреты...

Он вздохнул, пошарил в кармане, не нашел кисета и, сев поудобнее, сказал просто:

— Так вот запомни, складуха эта делу не потатчица... Ее я для отвода глаз бормочу на загоне, чтобы в работе спорилось... Вся конопляная история — в семенах да в руках вот этих... Вы где семена сушите?

— На чердаке, у трубы! — ответил я.— А ближе к весне бабушка на печку их высыпает.

— Вот-вот, на печку! — с гневом проговорил старик.— Печка с утра горяча, к обеду студеная... Хлебы пекут — печку раскаляют, а иной день вчерашними щами пробавляются да молоком, а кирпичи холодные... Семя же постоянного сугреву требует!.. И вообще растение приспособлено само себя и в зиму беречь, пригрев семенам без надобности... Ты его только не застужай слишком!

Старик подхватился, раскидал рядок снопов ржаной соломы, стоявших вдоль стены в риге, и вызволил два пучка рослой конопли. Головки семенных пучков были обвязаны холщевыми мешочками. Он проворно растер между шершавыми ладонями один такой мешочек и высыпал крупные зерна мне в пригоршню. Я продул семя и отправил в рот. Конопля деда Евдокима была вкусной и пахучей, будто сейчас с поля.

— А зачем же ты ночью сеешь, от людей таишься? — с крестьянской недоверчивостью допытывался я.

— Земля, внучек, теплеет к ночи, подходит, будто опара в деже... И вода тоже... Небось, сам замечал: речка к ночи будто кипит, парует... Людской день, стало быть, наш с тобою, к сумеркам кончается, а день земляной до утра длится, росою на заре умывается. Ночью земле приходит час родить: она становится теплая, мягкая и пахучая, что твой каравай из печи. Тут и уследить полагается, самый мент поймать, когда семена кинуть в пашню.

Дед Евдоким заволновался, принялся пуще прежнего искать табак: добыл кисет из кармана брезентового плаща, висевшего на крюке близ двери, высек огня подрагивающими руками.

— Люди спят, как в сей мент, а я, может, совет держу с землею... Открываюсь ей со своими думками — болями, а она мне бороздой распахивается, травами шепчет... Ничего, внучек, нет роднее землицы на всем свете!.. И накормит, и от огня спасет, и на покой примет на веки вечные...

Последние слова старик проговорил совсем тихо, но я их услышал.

Дед Евдоким вскоре умер. Согласно уговору с ним, я никому не выдал его «молитв» и доверительной беседы в риге. Однако и когда пришло время рассказать односельчанам об этом случае, конопля в нашей деревне лучше родить не стала. Сеяли ее и ночью и в дни погожие, приговаривали по-всякому. В иной год она взыграет с подлесок вышиной, детской руке не надломить толстого стебля, чтобы полакомиться семенем... И все же это была не «евдокимова» конопля!

Позже я не раз ловил себя на мысли, что, может, чего-нибудь не добрал по-малолетству, упустил нечто важное из ночного разговора со стариком. Затем понял: ко всему сказанному и заказанному, ко всяким научным рецептам и даже вдобавок к опыту бывалого человека для полного торжества дела требуется тепло человеческих рук, свет влюбленных в работу глаз, огонь сердца... Нужна, наконец, способность разговаривать с землей, доверяться ей и понимать язык земли, обращенный к людям. Таким талантом в малом на вид ремесле своем обладал неграмотный деревенский старик, соединивший в себе качества и колдуна и бога и оставшийся для меня навсегда просто хорошим человеком.

[1] Шел бы ты, мальчик, домой спать (искаженное).

МИР СМОТРИТ НА НАС

Пятьдесят лет назад В. И. Ленин обратился с письмом к «Товарищам коммунистам Туркестана». Есть в этом письме такие строки: «Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысячи миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам».

Великим свершениям Советской власти на древней земле Средней Азии и Казахстана, нерушимой дружбе народов был посвящен недавно вышедший специальный номер пяти газет: «Казахстанская правда», «Коммунист Таджикистана», «Правда Востока», «Советская Киргизия» и «Туркменская искра».

«Мир смотрит на нас» — так озаглавлена подборка выступлений иностранных гостей республик Средней Азии. Вот эти выступления:

●

Если бы меня спросили, что значит строительство коммунизма, я бы, не колеблясь, ответил: «Каракумский канал». Ибо трудности, которые были преодолены при его сооружении, размеры этой необыкновенной стройки утверждают мысль о том, что на великие дела способен только тот строй, который высвобождает в человеке его лучшие силы и возможности.

М. ШЕПАНСКИЙ,
польский журналист.

●

Мы приехали в СССР, и в частности в Киргизию, чтобы познакомиться с богатым опытом строительства новой жизни во всех областях. Мы убедились в большом прогрессе замечательной Киргизии как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и культуре.

Мы находимся среди великолепного народа с открытым и добрым сердцем, среди искренних друзей.

Ахмед ХАМДИ ЭБЕЙД,
государственный министр по делам местного самоуправления ОАР.

●

Мы побывали почти во всех городах республик Средней Азии и Казахстана, в колхозах, совхозах, институтах, занимающихся сельскохозяйственными проблемами.

Не секрет, что таких замечательных успехов вы добились прежде всего благодаря проведенной в вашей стране коллективизации сельского хозяйства. Система ваших колхозов нам понравилась, и мы надеемся, что со временем мы переймем ваш опыт.

СИРАЖИДИН-ХАН,
директор Научно-исследовательского института хлопководства в Пакистане.

●

Мы видели Голодную степь, преображенную по завету Ленина. Только социализм является обществом, которому под силу покорение природы в таких масштабах.

С. УГАН,
корреспондент газеты «Акахата», Япония.

●

Я был очень поражен тем, что здесь ученые могут проводить исследования такими точными методами.

Узбекистан с его научными учреждениями может сыграть важную роль в развитии международного сотрудничества ученых-атомников.

Сигвард ЭКЛУНД,
директор Международного агентства по атомной энергии.

●

Я знал, что Советский Союз многонационален, но я понял это намного лучше, когда увидел гармоническое сосуществование ста одной национальности только в одной Казахской республике, о которой можно с уверенностью сказать, что она возродилась к жизни только с революцией, как советское и современное государство.

Жорж БУЙОН,
бельгийский поэт.

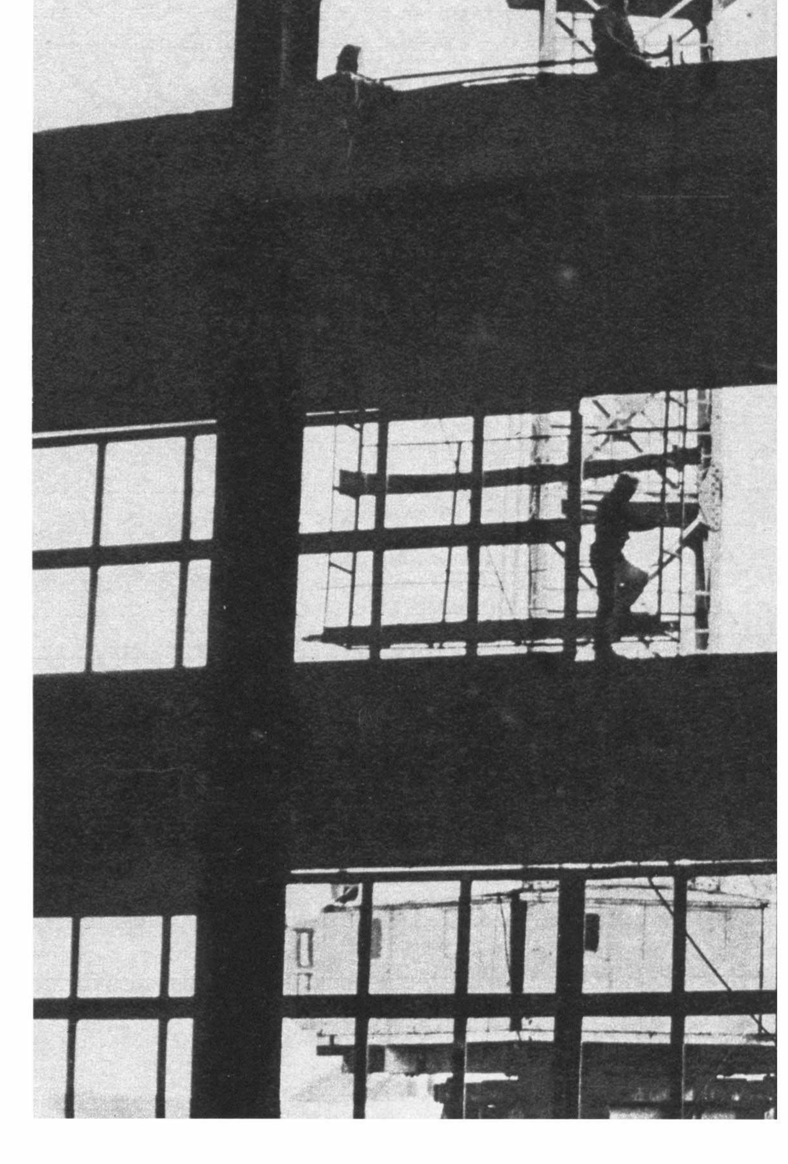
Фото ТАСС и А. Пахомова

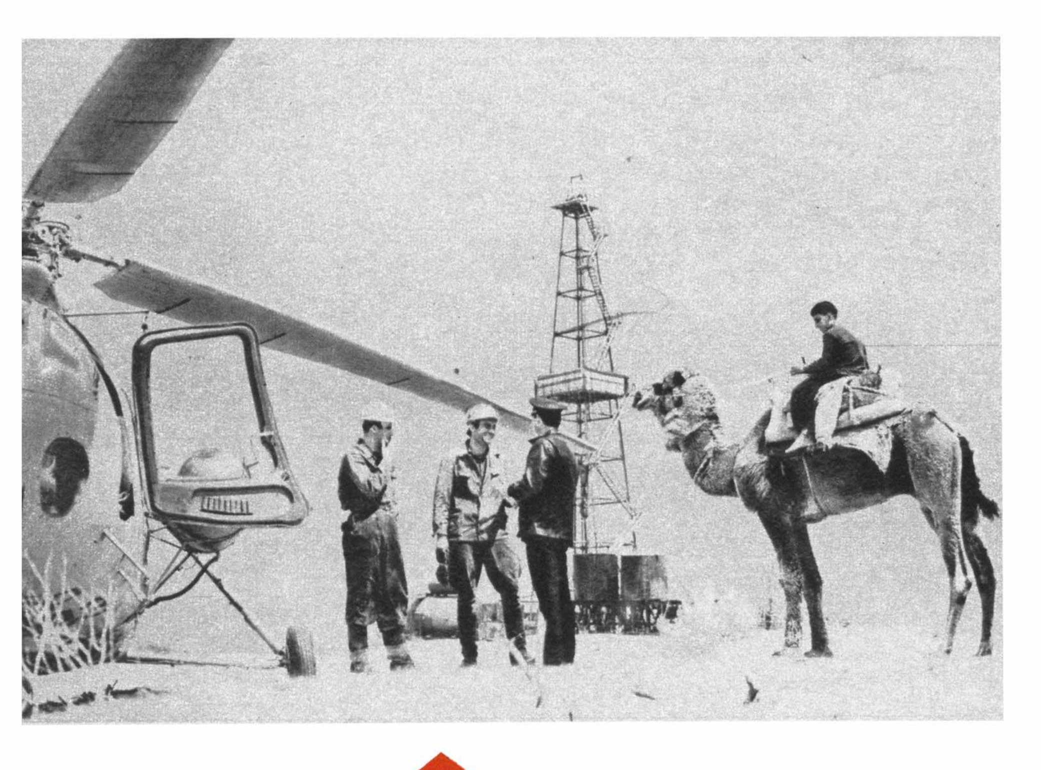
Красноречие фактов

БЕЛОРУССИЯ

Как и десятки молодых городов страны, Солигорск с полным основанием может называться городом дружбы. Среди геологов, которые вели в бывшем партизанском крае разведку полезных ископаемых и определяли запасы калийной соли в здешних подземных кладовых, были представители разных народов Советского Союза. Москва готовила проекты промышленных комплексов. Украина помогала монтировать оборудование, на стройку приехали специалисты из России и Литвы, Азербайджана и Молдавии, из Латвии, Грузии, Казахстана. Многие из них остались в Солигорске насовсем. Первый и второй комбинаты уже дают продукцию. Скоро войдет в строй третий. Сотни тонн калийных удобрений отгружает Солигорск ежедневно. Адреса разные — Эстония, РСФСР, Узбекистан... У дружбы все больше и больше маршрутов.

На снимке: один из пусковых объектов.

КАЗАХСТАН

Хорошеет Актюбинск, город металлургов, химиков и машиностроителей. Так выглядит площадь Химиков в новом районе города.

КИРГИЗИЯ

Киргизия славится и своими автосамосвалами «ГАЗ-53Б». Их выпускает Фрунзенский автосборочный завод. Отсюда, со склада готовой продукции, машины идут в колхозы и совхозы страны.

ТУРКМЕНИЯ

Вот уже несколько лет Туркмения занимает по добыче нефти третье место среди союзных республик. А геологи неустанно ищут все новые и новые подземные кладовые. Ищут в пустыне, в местах, ранее недоступных человеку.

На снимке: Мадарское месторождение в Центральных Каракумах.

ТАДЖИКИСТАН

Яван. Еще несколько лет назад этот таджикский поселок был безвестным. Теперь его знают во многих городах страны. В этом районе создается новый индустриальный центр Таджикистана. В самом Яване строится один из первенцев химической промышленности республики — электрохимический комбинат. Он будет давать и смолы, и волокно, и средства для борьбы с вредителями сельского хозяйства. Вот какой завод вырастет в долине, земли которой еще совсем недавно слыли мертвыми. Вообще-то Яван-Обикиикская долина может быть очень плодородной. С севера она защищена горами, и климат тут вполне подходит для возделывания субтропических культур. Одна беда: нет воды. Но таджики с помощью своих братьев одолели и эту трудность: в толще хребта Каратау пробит семикилометровый туннель. В Яванскую долину уже пришли воды Вахша. На больших просторах раскинулись плантации хлопчатника.

Все братские республики помогают таджикам создавать новый индустриальный центр. Трудно перечислить города и заводы, которые участвуют в этой стройке, посылают сюда специалистов или оборудование.

КРАСНОРЕЧИЕ ЦИФР

За годы Советской власти объем валовой продукции крупной промышленности увеличился:

в РСФСР — в 74 раза,
в Казахстане — в 114 раз,
в Киргизии — в 138 раз,
в Бурятии — в 119 раз,
в Якутии — в 129 раз,
в Коми АССР — в 159 раз,
в Татарии — в 258 раз,
в Башкирии — в 352 раза,
в Кабардино-Балкарии — в 1 494 раза.

Промышленные изделия, производимые в Казахской ССР, вывозятся сейчас более чем в 70 стран мира.

В 43 высших учебных заведениях Казахстана обучается свыше 176 тысяч студентов. Здесь только за последние пять лет открыто 10 вузов. На каждые 10 тысяч населения республики приходится 139 студентов высших учебных заведений, в то время как в Англии — 63, Италии — 57, Франции — 88 студентов.

Узбекские заводы выпускают сейчас больше сельскохозяйственных машин, чем все страны Ближнего и Среднего Востока вместе взятые. В Узбекской ССР вырабатывается электроэнергии в 7,1 раза больше, чем ее производилось в 1913 году во всей Российской империи.

В 1914 году в общеобразовательных школах Таджикистана обучалось 400 человек, ныне число учащихся в республике достигло 660 тысяч.

До революции промышленность Киргизии выпускала изделия не более 20 наименований, а теперь она представлена более чем 100 отраслями.

Республика производит электроэнергию, добывает нефть, цветные и редкие металлы, выпускает электрические и сельскохозяйственные машины, автомобили, металлорежущие станки, автоматические и полуавтоматические линии, физические приборы, пищевые продукты, изделия легкой промышленности. Широко развита добыча ртути. Киргизская сурьма не имеет себе равных в мире и служит образцом высшего качества на мировом рынке.

ЛИТВА

Они строят рыболовецкие суда в Клайпеде. Казис Будрис, Альфредас Василяускас, Пятрас Будрис.

Фото Х. Левинаса.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КАК ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА...

Хочу сказать несколько слов о «востоковеде» Монтее — о нем в 34-м номере «Огонька» писал академик Б. Гафуров. Меня глубоко возмутили нелепые выпады Монтея. Он пишет об утрате самобытности, но я, казах по национальности, должен заявить, что мы не собираемся отгораживаться от внешнего мира и не желаем отставать от современной культуры. Господину Монтею хотелось бы, наверно, чтобы у нас осталась старая культура и быт, а он, как современный человек, ездил бы наслаждаться нашими пейзажами и сомнительной азиатской экзотикой. Я удивляюсь, почему он не написал о том, что во Франции со времен Карла Великого не осталось ни одного парусного корабля. Ведь в них столько романтики! Он, наверное, плохо знает историю и не представляет себе, что такое «самобытная» культура Казахстана в дореволюционные времена. Это сто процентов верующих и сплошная неграмотность. Я уверен, что, не будь Октябрьской революции, жизнь казахов была бы не лучшей, чем у индейцев, но зато, к удовольствию монтеев, сохранились бы старые устои.

Что касается веры, то господин Монтей попадает попросту в неловкое положение. Чему он удивляется? Что татарин ест свинину, а верующих у нас становится меньше и меньше? Но это же естественно, хотя религия никем и не преследуется.

То, что он написал о так называемом русском империализме, по-моему, просто пустая болтовня. Разве, когда Кошкарбаев полз к рейхстагу со знаменем, он сражался за «русский империализм»? Жаль, что профессор Монтей не читал басню Крылова «Зеркало и обезьяна»!

Я могу с гордостью сказать, что моей матери помогли выйти в ряды передовых женщин русские люди. Благодаря их помощи она стала кандидатом наук.

Сейчас я учусь в военном училище вместе с русскими ребятами. Разве я могу забыть первую учительницу, русскую женщину, открывшую передо мной мир доброго и прекрасного? И пусть запомнит французский профессор: все народы СССР — это словно ветви одного могучего дерева. И как нам лучше жить, это уж мы как-нибудь разберемся сами!

Амангельды УРАЗОВ

КРИТИКА

С большим интересом я прочел в 34-м номере «Огонька» статью академика Б. Гафурова, который полемизирует с французским профессором Монтеем, напечатавшим фальсифицированный материал о среднеазиатских советских республиках.

Бурная индустриализация Советской страны вызвала сильную внутреннюю миграцию населения. Господин Монтей замечает множество русских в Ташкенте, но, кажется, совсем не замечает множества людей азиатского происхождения, скажем, в Москве или Ленинграде!

Я побывал в СССР трижды в период 1965—1967 годов, и, по-моему, в вашей стране никакой «русификации» нет! Я бы сказал даже наоборот: проявляется большая забота о СОХРАНЕНИИ национальной культуры в республиках, о

ЧИТАТЕЛИ ПРОДОЛЖАЮТ РАЗГОВОР,

начатый в № 34 «Огонька» академиком Б. Гафуровым. Его статья «Два лица господина Монтея» — ответ идеологам антикоммунизма, фальсифицирующим ленинскую национальную политику. Этой же теме посвящаются публикуемые статья секретаря ЦК КП Литвы Альгирдаса Ференсаса и письма читателей, откликнувшихся на выступление Б. Гафурова.

У ЛЖИ КОРОТКИЕ НОГИ

Альгирдас ФЕРЕНСАС,
секретарь ЦК КП Литвы

Как-то я провожал в дальнюю заграничную поездку старого друга. Собирая чемодан, он бережно уложил и каравай литовского хлеба. «Разве там хлеба мало?» — с недоумением спросил я. Товарищ мой улыбнулся и ответил: «Знаешь, может, хлеба в той стране и достаточно, но не в этом дело. Бывает, за две-три недели зарубежной поездки так соскучишься по запаху родного хлеба... Вот решил взять с собой». Хлеб Родины! Это целая гамма чувств и переживаний, связанных с родной землей, любовью к своей Советской Родине. И я понял своего друга.

А вот у составителей и издателей вышедшей в прошлом году в Нью-Йорке «Летописи литовских инженеров и архитекторов» хлеб нынешней Литвы, как говорится, комом стоит в горле. Уж больно не нравится он им, любителям «освобождать» Литву, окопавшимся за океаном и живущим на подачки американских хозяев. На всех «голосах» ругают они Советскую Литву, ее трудовой народ, Коммунистическую партию. И пишут нью-йоркские «знатоки» Советской Литвы, что, мол, ныне хлеб литовский невкусный, что «в магазинах некоторых городов республики хлеба не бывает по нескольку дней», что он плохо выпечен, деформирован и т. д. Все это, конечно, самая беспардонная ложь, которая вызывает лишь улыбку. Наши люди весело посмеются, когда узнают, что кто-то всерьез утверждает, будто жители Литвы испытывают недостаток в... хлебе. Нет и не может быть такого, ибо нет возврата к тем временам, когда нынешние буржуазные отщепенцы были хозяевами в краю Нямунаса, владели землей, фабриками, лесами, озерами, когда среди жителей Литвы были и голодающие и безработные. Издателям «Летописи» и другим клеветникам уместно напомнить: не от избытка хлеба в родной хате и не от хорошей жизни в пору господства кулаков, помещиков, фабрикантов, торговцев около ста тысяч литовцев уехало в США, Бразилию, Уругвай, Канаду. Правда, не нашли они счастья и на чужбине, да и не могли его найти там, где рабочий человек попадает в безжалостные джунгли капиталистической эксплуатации.

Среди литовских эмигрантов за рубежом немало честных, добросовестных людей, желающих Советской Литве успехов и процветания. Каждый год иные из них навещают свою родину, и они от души радуются успехам социалистического строительства в республике. Несколько месяцев в Литве гостил прогрессивный деятель литовских эмигрантов в США Стасис Иокубка. На проходившем недавно II съезде колхозников республики он попросил слова и заявил:

— Радуется честный литовец в Америке, что прошли те времена, когда нивы Литвы пахали сохой, когда серпом собирали урожай в несколько центнеров, когда многим крестьянам на обеденном столе не хватало хлеба... Честные американские литовцы хорошо знают, какими нелегкими были для хлеборобов Литвы первые шаги по выбранной дороге социализма... Социалистические республики необъятного Советского Союза, принявшие Литву в свои ряды, протянули ей руку всесторонней помощи...

На этом съезде были приведены цифры, над которыми не могут не задуматься литовские эмигранты. Земледельцы Литвы в 1969 году собрали рекордный урожай — в среднем 24 центнера зерновых с гектара: ровно в два раза больше, чем собирали литовские крестьяне до войны. Приводилось на съезде немало ярких фактов и цифр, говорящих о том, как богато, культурно живет сейчас литовский крестьянин.

Стасис Иокубка собирается написать книгу о своем путешествии по Литовской ССР. Зарубежным читателям уже знакома его предыдущая книга — впечатления от первой поездки по городам и селам Советской Литвы. Это была книга объективного наблюдателя нашей действительности, и она вызвала в свое время нападки заокеанских буржуазных националистов. Ибо наши подлинные успехи — расцвет экономики, культуры в Литве — всегда воспринимались и воспринимаются ими с озлоблением.

В издаваемой в Канаде на литовском языке газете «Науенос» («Новости») недавно было напечатано, что индустриализация Литвы идет во вред литовскому народу. Чикагская газетенка «Драугас» («Друг») «творчески» развивает ту же тему: «С ростом промышленности очень быстро исчезает богатство нашей земли. Русским более выгодно эксплуатировать для своих нужд сырье Литвы, чтобы поберечь свое».

Нет, не «исчезает» богатство земли литовской, оно растет и умножается. За годы Советской власти Литва при бескорыстной помощи всех народов-братьев и в первую очередь великого русского народа стала высокоразвитой индустриальной республикой. Ныне промышленность республики за 13 дней выпускает столько продукции, сколько ее вырабатывалось в последнем году господства буржуазии. А что касается вражеских попыток поссорить родных братьев, натравить один советский народ на другой, то здесь чикагские клеветники поют в один голос с американской разведкой. Один из ее агентов, засланный к нам,— он отбывает сейчас наказание за преступление перед Родиной,— Клеменсас Ширвис, в своих показаниях писал: «Фашистские вожаки эмиграции дали нам и специальное задание — разжигать национальную рознь, натравливать литовцев на другие народы».

Тщетные попытки! Каждый житель Советской Литвы в повседневном быту ощущает плоды великой дружбы народов: дома он пользуется газом, который приходит к нам с Украины; электричеством, которое вырабатывается в большинстве на нефти, привезенной из Башкирии; на заводе он делает новейшие станки из металла Урала, Сибири, ткет ткани из хлопка Узбекистана; на полях республики работают тракторы и комбайны из Волгограда, Харькова, Минска... А сам он, литовец, посылает народам-братьям станки, мебель, химические удобрения, счетные машины, телевизоры, рыболовецкие суда... Мы интернационалисты и гордимся тем, например, что исследования московских, ленинградских институтов, занимающихся проблемами строительства, с успехом используются в Литве. А опыт нашего объединения «Сигма», изготавливающего электронно-счетные машины, изучается и москвичами, и ленинградцами, и киевлянами. В этих год от года крепнущих экономических связях республики мы видим торжество ленинских идей интернационализма. Мы никогда не забываем ленинские слова — «думать **не** о своей только нации, **а выше** ее ставить интересы всех...»

Мы интернационалисты и гордимся тем, что видные деятели литовской науки Юозас Матулис, Зигмас Янушкявичус, Юрас Пожела, Альгирдас Жукаускас не раз представляли науку Советской державы на самых ответственных международных форумах; литовский актер Донатас Банионис достойно выступал на международных кинофестивалях, как представитель всего многонационального советского киноискусства; самодеятельный хоровой коллектив «Варпас» («Колокол») в 1969 году занял первое место на международном конкурсе в Италии. И где бы ни оказался сын литовского народа, как посланец СССР, он с гордостью говорит: «Я гражданин Советского Союза!»

Литовец сердечно, всей душой любит отчий край. Но патриотизм литовцев, как и всех советских людей, не замыкается узконациональными рамками. Недавно ЦК комсомола республики и министерство просвещения провели среди старшеклассников конкурс на лучшее сочинение о Родине. Вот строки сочинения Альгиса Саурусайтиса из Вилкавишкской средней школы имени С. Нерис:

«Моя Родина — это гудение волн Балтики, ударяющихся о дюны Ниды, и нежные напевы девушек украинской деревни, и снежные вершины Памира, русский пейзаж на полотнах Левитана... массивы пшеницы в целинном крае и гроздь молдавского винограда».

ДОЛЖНА БЫТЬ ЧЕСТНОЙ

развитии, индустриализации, урбанизации и т. д. Эти процессы влияют и на обмен культур.

Мне кажется, что советская печать (в том числе и ваш журнал) должны активней и глубже обсуждать и анализировать процессы, происходящие в западноевропейских странах, где идет сильная «американизация» культурной жизни — в самом отрицательном смысле. «Радио Свобода», «Свободная Европа» и другие радиошавки сетуют, что в социалистических странах школьники должны изучать русский язык. Такие обвинения, конечно, глупость. А почему итальянские и западногерманские школьники должны обязательно изучать в школе английский язык? Мне хорошо известно, что все больше и больше английских средних школ вводит русский язык в программу обучения. Значение советской научной литературы для современных естественных наук весьма велико, и если кто-нибудь не верит в это, пусть заглянет в любой зарубежный реферативный журнал, например, американский «Кемикл Абстрактс», где на любой странице увидит изложение советских публикаций.

Любая критика должна быть честной и базироваться на действительных явлениях и фактах. И очень некрасиво, когда такая неверная картина написана профессором, выдающим себя за знатока Средней Азии.

С приветом
Ежи ВИКЗЕЛЬ.

Польша.

Литовцы, как и весь советский народ, кровно заинтересованы в укреплении мощи и авторитета Советского государства, в деятельности которого гармонически сочетаются интересы всего общества с потребностями развития каждой нации и народности. Экономические связи с братскими республиками, подлинно ленинский интернационализм позволили нам создать в Литве мощную индустрию — основу благосостояния населения. А вот чикагский «Драугас» — «Друг», да не тот — вообще сомневается в необходимости индустриализации Литвы. Старая песенка! Глава фашистской клики А. Сметона не раз заявлял, что промышленность Литве не нужна, так как она является страной мелкого сельского хозяйства.

Не нравится нашим недругам, что Литва стала республикой развитого станкостроения, что по выпуску станков на душу населения она занимает одно из первых мест не только в СССР, но и во всем мире. Не нравится им, что 80 процентов экспорта республики составляет промышленная продукция, что литовский рабочий научился изготовлять сложнейшую вычислительную технику, телевизоры, магнитофоны, строит суда и высотные здания. С точки зрения наших недругов, вероятно, плохо и то, что нынче в литовской промышленности работает больше высококвалифицированных инженеров, чем в 1937 году было в Литве промышленных рабочих! Кстати, и это плоды дружбы народов: немало молодых людей Литвы получили дипломы в институтах Москвы, Ленинграда, Киева...

С каждым годом причин для грусти у буржуазных националистов становится все больше. Вот новый мотив их душеизлияний: «хорошо, мол, что вы там строите, растете», «кое-что делаете», да вот беда: нельзя узнать старых мест. «Литовский пейзаж портят фабричные трубы». Да, пейзаж современной Литвы меняется — в него вписываются новые города и колхозные поселки.

Во мраке и тьме находилась Литва во время господства буржуазии. Не кто иной, как сам сметоновский министр Германас в 1939 году в буржуазном сейме говорил: Литве понадобится по меньшей мере 50 лет, чтобы догнать по уровню производства электроэнергии Данию. Нужно отдать должное буржуазному министру: он не обольщался надеждами, хилая тогдашняя литовская экономика поводов для оптимизма не подавала. При Советской власти понадобилось не 50, а всего лишь 15 лет, чтобы догнать капиталистическую Данию. Энергетика Советской Литвы сейчас полностью удовлетворяет нужды республики и достигла уровня, запланированного на конец пятилетки. Намечено строительство и других электростанций и расширение действующих. В 1968 году в Литве было произведено 6 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Это в 75 раз превышает уровень 1940 года. Уже в 1965 году закончена сплошная электрификация сельского хозяйства. Сейчас оно потребляет электроэнергии почти в 6 раз больше, чем вся Литва в 1940 году.

А уж если сравнить экономику нашей небольшой советской республики с некоторыми капиталистическими странами Запада, такими, как Голландия, Бельгия, Швеция, Австрия, то темпы нашего роста в два с лишним раза выше, чем там. Литовские буржуазные деятели за рубежом не могут не признать этот факт. Но и тут они пытаются все переиначить на свой лад: подумаешь, великое дело, владели бы мы своими фабриками, быть может, Литва еще не так шагнула бы вперед. Опять лжете, скажет таким деятелям любой наш рабочий. Вы что забыли — в буржуазной Литве было почти четверть миллиона безработных, наше сырье за бесценок вывозилось на Запад? Даже лен — богатство края — не могли обрабатывать на месте и почти даром отправляли на Запад, а потом по дорогой цене закупали ткани и пряжу, часто выработанные из своего же сырья. А теперь в городе Паневежисе работает один из крупнейших в стране льнокомбинатов.

Авторы пресловутой «Летописи» вынуждены признать, что 43,3 процента капиталовложений в промышленность буржуазной Литвы принадлежало монополиям Запада. За два десятилетия буржуазного господства некоторые важные отрасли литовской промышленности так и не достигли уровня 1913 года, промышленное же производство выросло лишь вдвое. А в Советской Литве за послевоенные годы, несмотря на громадные потери во время гитлеровской оккупации, рабочий класс Литвы, ее трудовая интеллигенция своим самоотверженным трудом, с помощью других братских народов увеличили объем промышленного производства по сравнению с довоенным в 25 раз.

Рост экономики и культуры Советской Литвы вызывает бешенство горстки буржуазных националистов в Нью-Йорке, Чикаго, Риме, Сиднее... Бесятся и бога на помощь зовут. Вот что, например, нынешним летом передавало радио Ватикана на литовском языке:

«Уже во время русских царей литовский народ избрал крест своим символом борьбы, который означает не только муку Христа, но и муку литовца. Тысячи вырезанных из дерева образов бога у дорог свидетельствуют о муках литовского народа и о его тоске по свободе».

Нет, не о тех символах говорите, господа. Не крест, а красный стяг был символом борьбы литовских пролетариев еще со времен царского режима. Красный революционный флаг, дружба и солидарность с другими народами — вот истинные символы нашего народа, с которыми он завоевал власть в 1918 году и восстановил в памятном 1940 году, навсегда связав свою судьбу с народами — братьями Страны Советов. Сегодняшняя Литва имеет свои рабочие символы. Это город энергетиков Электренай, цементников — Ново-Акмяне, это сотни новых современных фабрик и заводов, продукция которых идет почти в 80 стран мира.

...На предпоследней странице «Летописи литовских инженеров и архитекторов» с прискорбием сообщается, что некий Ю. Янкаускас в 1917 году имел в Петрограде заводишко по производству сахарина. Но грянул Великий Октябрь, и сахаринному фабриканту, все оставив, пришлось бежать. Такая же участь, как известно, в 1940 году постигла всех фабрикантов Литвы. И не вернуть им никогда своих имений, банков и заводов. Ими владеет, ими правит народ.

В составе братских союзных республик — двадцать автономных. Редакция «Огонька» решила в 1969—1970 годах познакомить читателей с их жизнью. О многих мы уже рассказывали. И вот еще одна автономная республика, еще одно свидетельство торжества ленинской национальной политики: знакомьтесь, Каракалпакия, входящая в состав Узбекской ССР. Площадь — 165,6 тысячи квадратных километров. Население — 675 тысяч человек. Столица — город Нукус.

УЗБЕКИСТАН, КАРАКАЛПАКИЯ

ПЯТЬ РАССКАЗОВ О ДРУЖБЕ

К. КАМАЛОВ, первый секретарь Каракалпакского обкома КП Узбекистана

Древняя каракалпакская пословица гласит: «Жалка судьба человека, не имеющего друга, нет судьбы у народа, не имеющего друзей». История Советской Каракалпакии — это история дружбы с русским, узбекским, казахским, туркменским и всеми братскими народами. И разговор о Каракалпакии — это прежде всего разговор о дружбе.

СКОЛЬКО РАЗ ТОВАРИЩ ЛЕНИН ПРИЕЗЖАЛ В КАРАКАЛПАКИЮ!

С этим вопросом ко мне обратились однажды двое стариков. А старики, как известно, имеют привычку собственной памяти верить больше, чем самой истории. Это были два почтенных седобородых каракалпака — чабан и рыбак, участники революционных боев.

— Он приезжал к нам один раз, во время восстания,— заявил чабан.— Тогда Ленин сказал — я помню, как его слова повторял мой старший брат: «Мы, русские, большевики, требуем вместе с вами, чтобы царь со своими солдатами ушел с берегов Аму».

— Нет, он приезжал к нам еще раз,— утверждал рыбак,— на следующий год. Он тогда сказал: «Будем братьями, будем воевать вме-

Вячеслав КОСТЫРЯ

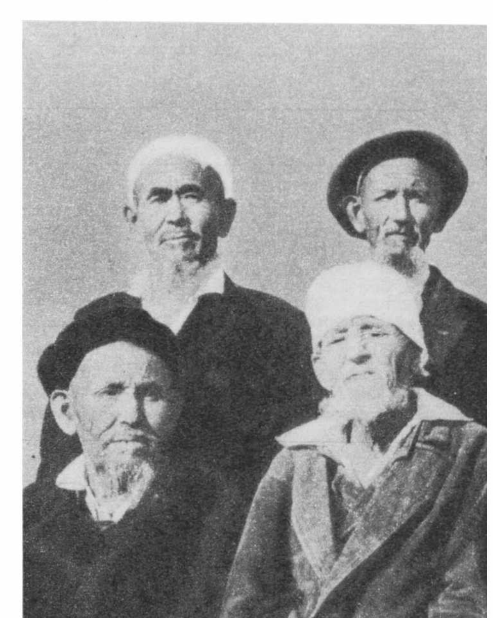
Фото Н. Ключнева.

В 1921 году, в пору небывалого голода в Поволжье и в Приуралье, Владимир Ильич Ленин обратился с письмом «К товарищам рабочим, ловцам Аральского моря»: «Вся надежда казанских, уфимских, самарских и астраханских голодающих — на великую пролетарскую солидарность (согласие) таких же, как они сами, трудовых людей с мозолистыми руками, собственным горбом добывающих свое пропитание, ни из кого не сосущих крови. У вас на Аральском море неплохой улов рыбы, и вы проживете без большой нужды. Уделите же часть вашей рыбной добычи для пухнущих с голоду стариков и старух, для 8 миллионов обессиленных тружеников, которым ведь надо с голодным животом целый почти год совершать всю тяжелую работу по обработке земли, наконец,— для 7.000.000 детей, которые прежде всех могут погибнуть.

Жертвуйте, дорогие товарищи, аральские ловцы и рабочие, щедрой рукой! Вы сделаете не только дело человеческой совести, но вы укрепите дело рабочей революции».

Это им писал Ленин.

сте, чтобы вы вышли из-под власти хивинского хана, чтобы стали свободными...»

Что я мог ответить почтенным старикам, которые знали о том, как делается история, больше, чем я, ибо сами ее творили в те далекие годы? Убеждать их, что Ленин не бывал в Каракалпакии? А как же тогда Владимир Ильич мог сказать те слова, которые сейчас знают все,— снова спросят меня старики? Таков уж был изумительный, неповторимый дар Ленина: думать обо всем и обо всех, не забывая и не упуская ничего. Судите сами. В 1916 году, в год восстания каракалпаков против царского произвола, В. И. Ленин пишет: «...Мы, великорусские рабочие, должны требовать от своего правительства, чтобы оно убралось вон... из Туркестана...» А на Апрельской конференции 1917 года Ленин заявил: «...Мы хотим братского союза всех народов... Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы...»

И вот седобородый чабан продолжает настаивать на своем: «Разве мог бы товарищ Ленин сказать именно эти слова и именно тогда, когда их нужно было сказать, если бы он находился далеко от нас? Нет, не мог. Значит, он был тут, сам все видел, все слышал! Поэтому я и спрашиваю тебя: сколько раз был здесь Ленин? Один или два?»

ЛЮДИ И ОАЗИСЫ

Когда в Каракалпакии началась гражданская война и когда ее хотели задушить белогвардейцы, банды английских наемников, ханские прихвостни, местные богатеи, на помощь моему народу пришли русские, узбеки, туркмены, казахи. Люди сорока национальностей помогали каракалпакам бороться за свою свободу и отстоять ее. С той поры состав населения нашей республики всегда был многонациональным. Сейчас на каракалпакской земле проживают люди более пятидесяти национальностей, включая эстонцев и индийцев! И все они дружно, как братья, куют свое счастье! В Верховном Совете республики представлены и русские, и туркмены, и казахи, и узбеки — всех не перечтешь!

Народы-братья помогли нам отстоять завоевания революции, они помогли нам и в строительстве новой жизни.

...Русский писатель и ученый Владимир Даль так писал о каракалпакской земле: «Кочевой ордынец ранней весной торопливо и боязливо прогоняет по этим местам тощие стада и табуны свои... в Кара-Кумы и считает сыпучие пески отрадным убежищем в сравнении с этой могилой».

Солончаки, песок, ветер, зной — вот что представляла собой каракалпакская степь. Но оказалось, что социализм и солончаковую степь может превратить в землю изобилия. С помощью всех республик СССР, прежде всего Узбекистана, на наших полях появились совершеннейшие сельхозмашины, а ученые подсказали, как нужно вести хозяйство. И вот результат: мы выращиваем самый северный хлопок в мире! В 1968 году урожай его перевалил за 300 тысяч тонн — в 19 раз больше, чем в 1913 году. Республика дает в закрома страны шерсть, каракуль, овощи, пушнину, фрукты, рис, мясо, коконы шелкопряда, семена люцерны. Лучшие в мире дыни растут на некогда «бесплодных» землях. В 1968 году средняя ежемесячная зарплата колхозника была 91 рубль. За последние три года денежные доходы населения выросли почти на 50 процентов.

Сегодняшняя Каракалпакия — гигантская строительная площадка. Мне рассказали, что как-то ученик средней школы, когда его попросили показать места строек в республике, просто ткнул наугад указкой в карту и — представьте себе — попал. Строятся заводы, гидроузлы, водохранилища, плотины, дороги. Одна из них — автомагистраль Ташкент — Аральское море. Родились новые города: Тахиаташ (первенец каракалпакской энергетики Тахиаташская ГРЭС дает энергию двум республикам), Комсомольск-на-Устюрте, Каратау. Через республику протянулись нити газопроводов «Бухара — Урал», «Средняя Азия — Центр». Геологи подготовили к сдаче в промышленную эксплуатацию большое Шахпахтинское месторождение природного газа, открыли в недрах Каракалпакии месторождения калиевых и магниевых солей, золота, бирюзы, титано-магнетитовых руд, мрамора...

Воплощается в жизнь мечта многих поколений каракалпаков — регулирование стоков реки Аму-Дарьи. Строится Тахиаташский гидроузел, скоро начнутся работы на площадке будущего Тюямуюнского водохранилища, и это будет крупнейшая стройка республики. Сейчас заканчивается прокладка железнодорожной трассы Кунград — Бейнеу, она соединит районы Туркмении, Хорезмский оазис, Каракалпакию напрямую с Москвой, Кавказом, Уралом, с центральными областями РСФСР. Это поистине дорога дружбы! Время езды из Нукуса в Москву сократится приблизительно вдвое.

На прокладке этой трассы работает мостопоезд № 22. В его дружном коллективе люди более десяти национальностей. Многие из них участвовали в Великой Отечественной войне — штурмовавшие Берлин идут сейчас на последний штурм Устюрта.

Академик Л. С. Берг, знаменитый исследователь Арала, доказал, что Аральское море — самое синее из всех морей в мире. Многие ученые считают, что сказочное Синь-море — это и есть наш Арал. В последнее время в некоторых органах печати неоднократно высказывались серьезные опасения за судьбу Арала в связи с понижением его уровня. Наши каракалпакские ученые считают, что оснований для паники нет, прежде всего потому, что в решении этой проблемы им помогают ученые России, Узбекистана, Казахстана. Принимаются все меры для того, чтобы Арал стал полноводнее, и уже в этом году его уровень значительно повысился.

Как тут не вспомнить нашу старую поговорку: «Если друзья крепко возьмутся за руки, то они и ураган остановят».

ПОБРАТИМЫ ОГНЕННОЙ БУРИ

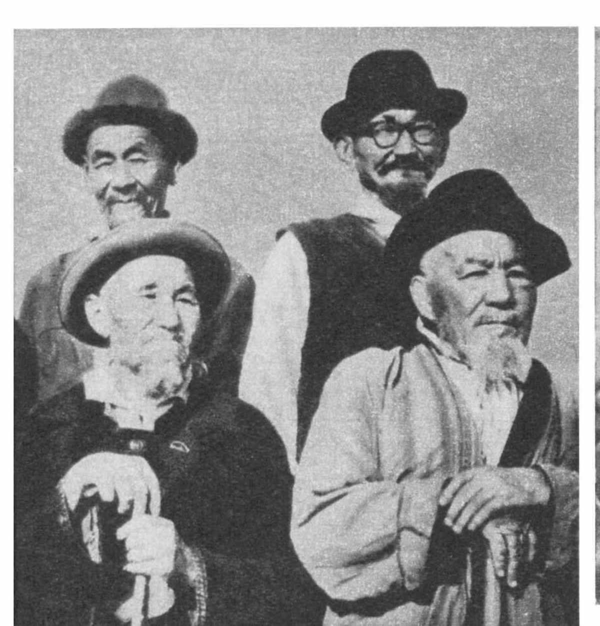
Простите, что я так часто прибегаю к пословицам, легендам. У нас, каракалпаков, очень любят их. И потому, что мы гордимся своим фольклором, знаменитыми достанами, и потому, что народная мудрость облегчает самый серьезный разговор.

Легенда утверждает, что воины, которые были опалены огненным дыханием дракона, становятся навек братьями, непобедимыми. Огонь битв Великой Отечественной войны опалил десятки тысяч каракалпаков. Многие из них были удостоены звания Героев Советского Союза.

Вот история Урунбая Абдуллаева. В 1944 году, освобождая Латвию от фашистов, вместе со своим отделением — 11 человек, солдаты 8 национальностей — он выполнил сложнейшее задание командования. Отделение погибло. Всем одиннадцати бойцам было присвоено посмертно звание Героев Советского Союза. Но Урунбай не погиб — его в бессознательном состоянии подобрали санитары, а после госпиталя он вернулся в родные края. И только в 1962 году узнал о том, что награжден орденом Ленина и Золотой Звездой! Братья-латыши пригласили его к себе в гости, и Урунбай прочел свое имя на монументе, который уже много лет назад был воздвигнут на латвийской земле в память о подвиге одиннадцати героев.

СТЕЛИНЫ АРАЛА

Властелин Арала Унайбек Аралбаев. Он капитан мотофелюги.

...Степенно, соблюдая этикет старшинства, усаживаются рыбаки-аксакалы, бережно укладывая — кто на колени, кто на палку — свои узловатые, много потрудившиеся руки. Это к ним и их сверстникам, ловцам Аральского моря, обратился с письмом вождь революции. Люди вспоминают те дни.

ЧТО ТАКОЕ «ХОШАР»?

Это слово одинаково понятно людям всех республик Средней Азии. Хошар — означает взаимопомощь, складчину. Когда, например, у бедняка не было дома, то собирались жители всех аулов и строили в складчину дом для земляка. Теперь бедняков нет, а хорошая традиция осталась. Вспомните всесоюзный хошар в Ташкенте после землетрясения!

Силу и могущество дружеского участия испытали на себе и каракалпаки. Аму-Дарья самая большая и самая своенравная река Средней Азии. В древности ее недаром называли Джейхун — бешеная, капризная. Она не только дает жизнь полям, но время от времени показывает свой нрав. Весной нынешнего года необычайно мощный разлив Аму доставил много бед республике. Так, например, в городе Бируни произошло большое наводнение. В прежние времена это означало бы гибель тысяч людей, уничтожение жизни в этом районе, во всяком случае, на долгие годы.

Но был объявлен всеузбекский хошар, и помощь пришла со всех концов республики. Сейчас уже строится новый город Бируни, краше прежнего. К наступлению холодов все, кто лишился крова, получили теплые дома.

Вот какова она, сила социалистического хошара!

ОБ ОДНОМ ПРОГНОЗЕ

Журнал «Вестник воспитания» в 1908 году писал: для того, чтобы Туркестану (где в то время насчитывалось лишь 1,8 процента грамотных.— К. К.) покончить с неграмотностью, потребуется 4 600 лет! Если бы этот прогноз делался для одного из народов, населяющих бывший Туркестанский край — каракалпаков, где грамотных было лишь 0,2 процента населения, то получилась бы еще более астрономическая цифра — 5 110 лет. Но царские статистики ошиблись. Не потому, что не умели считать, а потому, что революция ввела новую систему счета.

Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным более, чем мы, народам бескорыстную культурную помощь, писал В. И. Ленин. И эта помощь была оказана в масштабах поистине невиданных. Народ наш маленький — о нем в старой песне поется: «Нас осталось так мало, что если подует сильный ветер, то он унесет нас вместе с песком». И вот этот маленький народ могучим рывком Октября был выведен на орбиту социалистической культуры, передовой науки. Сейчас (не через 5 110 лет, а всего лишь через 61), став республикой всеобщей грамотности, Каракалпакия по числу студентов — из расчета на десять тысяч населения — вдвое обгоняет ФРГ, в восемь раз — Иран. Специалистов с высшим образованием у нас (по тому же расчету) в шесть раз больше, чем в Турции. В Каракалпакском филиале Узбекской Академии наук, в наших вузах, научно-исследовательских институтах (только что созданы комплексный институт естественных наук, филиал Узбекского института риса, вычислительный центр) трудятся около 200 кандидатов наук, докторов, членов-корреспондентов АН Узбекистана.

В республике — тринадцать техникумов, более шестисот школ — около ста семидесяти тысяч учащихся. А до революции на территории теперешней Каракалпакии было 5 школ, и в них училось... 50 человек!

До установления у нас Советской власти каракалпакский народ находился под угрозой полного вымирания, физического уничтожения. Постоянный голод, туберкулез, различные эпидемии косили людей. На всей территории теперешней республики (а она по территории равна Австрии плюс Голландия, плюс Швейцария) работало всего три врача! Сейчас у нас около 1 000 врачей, сто больниц — семь тысяч больничных коек. Ассигнования на здравоохранение в 1969 году составили 18 миллионов рублей.

У нас выходят двенадцать (не считая многотиражек) газет. Союз писателей Каракалпакии издает свой ежемесячный журнал «Аму-Дарья». Нукусский телецентр и республиканское радио ведут передачи на четырех языках — каракалпакском, узбекском, туркменском и русском.

Издательство «Каракалпакия» выпускает в год более миллиона экземпляров книг на каракалпакском языке, не считая литературы на русском языке. Каракалпакия проводила свои праздники культуры и искусства во многих союзных республиках. И, в свою очередь, делегации этих республик побывали в Каракалпакии. Произведения наших писателей переведены на десятки языков. Научные труды каракалпакских археологов, биологов, паразитологов, ихтиологов публикуются во многих странах мира. По инициативе наших ученых издан англо-каракалпакский словарь и выходит скоро в свет каракалпакско-английский. Одного из каракалпаков во время его научной командировки за рубеж спросили: «А как у вас, в вашей маленькой республике, обстоит дело с коммуникабельностью? Как вы находите общий язык с людьми других национальностей, которые живут по другим обычаям?» «Когда все общее, то и общий язык легко находится,— ответил наш ученый.— У нас столько дел, что о существовании проблемы коммуникабельности мы просто забыли».

* * *

На X съезде РКП(б) была принята резолюция по национальному вопросу. В ней были такие слова: «...Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию». На съезде отмечалось, что около 30 миллионов человек не прошли еще стадии капиталистического развития. Среди них были сотни тысяч каракалпаков.

Пролетарский интернационализм, социалистическая взаимопомощь, дружба народов — вот те направляемые Коммунистической партией могучие силы, которые вознесли наш небольшой народ к вершинам социализма, к порогам коммунистического завтра. Успехи республики в борьбе за дело Ильича отмечены высшей наградой Родины — орденом Ленина. И сердце каракалпака переполняется еще большей гордостью, когда он видит Ленина на знамени своей республики.

— Как было не уважить просьбу Ленина-ата... Море большое, а душа у человека еще больше... Собрали почти весь улов воблы и отправили на Волгу и Урал... А потом мы и не ждали — не в долг ведь посылали,— а к нам волжская пшеница пошла...

Да, в ответ на письмо В. И. Ленина аральские рыбаки сразу же послали своим голодающим друзьям в Россию первые четырнадцать вагонов рыбы. «Послали бы и больше,— вспоминают старики,— но разве на дырявой лодчонке много наловишь! Не то, что теперь...»

Что и говорить, иная теперь жизнь у аральских рыбаков. Едва забрезжит рассвет, со стороны рейда подают свои голоса сейнеры и мотофелюги. Уходят далеко в море, к расставленным загодя сетям. За кормой шлепают волны о борта лодок, вытянувшихся в связке и следующих за судном гуськом.

В дельте Аму-Дарьи расположилась рыболовецкая артель «Память Ленина». Правление артели находится в каракалпакском ауле Учсай. В некогда заброшенном ауле, где все поголовно население было неграмотным, ныне средняя школа, клуб с кинозалом, библиотека, детские сады и ясли, баня, аптека, почта, благоустроенные современные жилища. О давно минувших временах, когда на лов уходили в самодельных ветхих посудинах, напоминает ныне лишь название одного из островов — «Барса кельмес» («Пойдешь — не вернешься»)...

Конечно, и сейчас море остается морем, особенно в осенний шторм или зимнюю пургу,— аральская путина продолжается круглый год. Но, скажем, капитана сейнера «Курильск» Бектилеу Кумисбаева сегодня уже не очень-то запугаешь коварствами моря. И корабль надежен, и матросы отлично экипированы. Аральские рыбаки, когда-то пославшие голодающим русским братьям, и в частности астраханцам, вагоны рыбы, ныне получают из России, из Астрахани, добротные суда, первоклассную технику. Потому и удается им перевыполнять свои планы лова.

А рыба здесь великолепная!.. Кроме знаменитой аральской воблы, из трюмов рыболовецких судов и лодок в разделочные цеха Муйнакского комбината серебряными ручьями текут судак, сазан, лещ, осетр, шип. По добыче сазана Аральское море занимает второе место в стране, а леща — третье.

Воблу, в общем-то, по-прежнему вялят, но если вы попадете в гости к здешним ловцам, они обязательно приготовят для вас «воблу по-аральски». На ваших же глазах поставят на огонь закопченный, «обкуренный» казан, ценность которого от степени «обкуренности» возрастает так же, как и ценность табачной трубки. Затем отберут из улова особенно упитанных рыбин, «чемпионов», и, сделав на их боках надрезы, бросят в кипящее хлопковое масло. Деликатес Арала!.. Продукцию Муйнакского рыбкомбината высоко ценят и в Болгарии, поставляющей сюда пряности для консервного производства, и в ГДР, приславшей в Муйнак закаточные машины, и в Чехословакии — в Праге открыт даже специализированный рыбный магазин «Арал»!..

Есть здесь и свои проблемы. Председатель рыболовецкого хозяйства «Память Ленина» Уразмагамбет Утеулиев и его заместитель, он же секретарь парторганизации Убайджан Азиров, рассказывали о минувшей зиме, как-то улыбчиво, тепло, радуясь и обильным снегопадам, сильным наметам и неслыханному половодью Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Отодвинулась опасность обмеления этой богатейшей рыбной кладовой. Но рыбакам такая стихийность не совсем по душе. Куда лучше и им и тем более хлопкоробам, если поступление воды по руслам рек будет отрегулировано с учетом интересов и рыбоводства и хлопководства. Эта задача уже решается практически.

...Арал для многих рыбаков означает не только любимое дело, достаток, счастье, но еще и фамильную колыбель: здесь немало рыбацких династий. Еще во времена каракалпакского поэта-классика Бердаха и украинского кобзаря Тараса Шевченко, жизнь которых тесно связана с Аральским морем, на его берега пришел кочевник-каракалпак Машен. Не его ли детство изобразил на своем знаменитом рисунке сепией «Байгуши» великий Тарас? Помните, два мальчика в нищенской одежонке у открытой двери кибитки просят подаяние, а за ними сочувственным взглядом следит ссыльный солдат Шевченко?..

Всем сердцем прикипел к морю Машен. И сына своего назвал Аралбай — Властелин Арала.

Когда в 1921 году пришло письмо Ленина, Аралбай, не задумываясь, отдал выловленную им рыбу голодавшим русским братьям. Прошли годы, и вот уж Аралбай Машенов показал себя поистине властелином Арала. Он объединил пятьдесят здешних рыбаков в товарищество, а в марте 1930 года это был уже колхоз «Память Ленина».

Ныне в колхозе, кроме сотен лодок, моторных лодок, четыре сейнера, двенадцать мотофелюг, катер. И если Аралбай когда-то карабкался по волнам на утлом баркасе под штопанным-перештопанным парусом то его сыновья Унайбек и Султан выходят в море во всеоружии техники. Техники, опыта, мастерства. И народ достойно оценил их труд: на груди Унайбека орден Ленина, Султан награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Не сидит без дела и аксакал Аралбай. Не одну пленительную сказку о рыбаке и рыбке услышит от него внучонок Арынгази, пока чинится сеть. Мальчишка мечтает о большой-пребольшой сети, на все море! И о вертолетах, которые враз поднимут ее с целым ворохом рыбы, величиной, как аульский клуб, и понесут по воздуху туда, где нет вкусного-превкусного аральского судака или сазана.

Доволен старик Аралбай: есть кому передавать и власть над морем, и настрой души, окрыленной еще в молодости человечностью великого Ленина.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Хлопок убирают комбайны.

На сборе хлопка хорошо поработали студенты. Среди них и казашка Аккымбат Жакупова, студентка Нукусского медучилища.

Делегат III Всесоюзного съезда колхозников, заслуженный хлопкороб, председатель колхоза имени Ильича Камал Назаров.

После сильного наводнения весной этого года город Бируни восстанавливается.

Строительно-монтажный поезд на прокладке железнодорожной трассы Кунград — Бейнеу.

Гости студии Нукусского телевидения — член-корреспондент Академии наук Узбекистана, доктор филологических наук, профессор И. Т. Сагитов, народный поэт Узбекистана и Каракалпакии Садык Нурумбетов, председатель союза писателей Каракалпакии поэт Ибрагим Юсупов и народная артистка СССР Айимхан Шамуратова.

Уборка риса в совхозе имени Чапаева, Кунградского района.

ЛЮБВИ ЗОЛОТОЙ СОЛОВЕЙ

ЖАЛЕ

ЛЕНИН

Хвала воде,
Которая, прозрачна и чиста,
В своих объятьях держит жизнь Земли!

Просторы вод мы сравнивать привыкли:
Ручей с рекой, а реку с морем,
Безбрежность моря с океаном схожа.
Но океан...
С чем, кроме океана,
Вздымающего волны до небес?

И каждого сравнить мы можем с каждым.
На Ленина похожим быть возможно,
Но Ленин только с Лениным сравним.
И выразить пред гением его
Нельзя свою признательность иначе,
Как только повторяя в поколеньях:
Как чистая, прозрачная вода,
Нам нужен Ленин!

ГДЕ Я НАЙДУ ПОТЕРЯННОЕ МНОЙ!

Где я найду потерянное мной?
В фисташнике густом, подсказывает зренье,
В прохладной темноте лесной,
В зеленом птичьем оперенье
Иль в пенье бурных вод весной?

Где я найду потерянное мной?
В гремящей ярости природы?
В безумии ночного моря?
Или в межзвездном том просторе,
Куда лететь сквозь световые годы,
Пленяясь пустотой и тишиной?
В каком мгновении стремительной истории земной?

Где я найду потерянное мной?
В невинном детском взгляде?
В печали стариков о том, что было прежде?
Среди бойцов на баррикаде?
Средь пленников, чьи сны лишь гнев тревожит?
В стремленье тех, кто каравану путь проложит?
В святой всепобеждающей надежде?
Иль средь тревог бессонницы ночной?

Где я найду потерянное мной?
О, кто с потерянным своим не ждет свиданья?
Кто не живет, как я, дрожа от ожиданья?

ПЛАМЯ

Пламя разгорелось,
Пламя расплясалось,
Пламя, как прелестный мальчуган,
Как весенний полевой тюльпан,
Безмятежно и светло смеялось.
Пламя разгоралось,
Пламя извивалось.
Пламя жглось,
его живое тело
Ледяную душу ночи грело,
Трепеща, тянулось в вышину,
Окликало странницу-луну:
— Ты сияешь бледно и бесстрастно!
Будь моим чертог твой бирюзовый,
Стало б ночью и зимой суровой
На земле тепло, а в небе ясно...
Пламя погрузилось в море грез,
Расплескало свой напиток яркий,
К небесам в последний раз взвилось,
С ветром улетело вдаль — и стало
Новорожденного кровью жаркой...

Перевел с фарси
Анатолий НАЙМАН.

Иранская поэтесса Жале первый сборник стихов, «Дикие цветы», выпустила в Тегеране в 1943 году. Ей пришлось затем покинуть родину и переехать в Советский Союз. Здесь переводы ее стихов публикуются в периодике, выходят отдельными изданиями.

СОЛОВЕЙ

Ты чудо земное,
О маленький мой соловей!
Ты в песне со мною
И в радостном взгляде друзей,
В дыханье земли,
В голубой полевой борозде.
Летят корабли,
Словно голос твой, к синей звезде.
Все чисто, как в детстве,
Все вечно в сиянье лучей:
Поет в моем сердце
Любви золотой соловей.

* * *

Я видела зеленый берег,
Цветы, бегущие с холмов,
И свет зари, стекавший с перьев
Плывущих низко облаков.

Была речушка голубой
И золотою — посередке.
Плыл человек куда-то в лодке,
И человек тот был слепой.

В его глазах стояла тьма,
Он слушал тихое теченье,
Не видя ближнего холма
И дальних облаков свеченье...

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Перелетные птицы, куда вы, куда
В одиночку и стаями в небе бессонном?
Что хотите познать, что хотите понять,
Что найти вы хотите за горизонтом?

Что случилось? Зачем вам другие края?
Кто вам, птицы, платил за любовь нелюбовью?
От несчастий каких, от ненастий каких
Улетаете прочь, оставляя гнездовья?

Неужели надежда, бессонный вожак,
Никого в этих странствиях не покидала?
Неужели никто не ослеп от грозы?
Неужели никто не разбился о скалы?

Что ж случилось? Возможно, от стужи и тьмы
Вы отчалили солнце искать за морями,
Потому что высокому солнцу сродни
Ваших душ неподкупных мятежное пламя?

Перелетные птицы! Без вас зацвели
И каштан и миндаль... Что же вы не летите?
Вы ищите и верьте: надежны всегда
От сердец до гнездовий незримые нити.

И не сбиться с пути вам, и крыл не сложить,
И с судьбой не смириться, пока вы в разлуке
С той землей, без которой вовек не прожить.
Как понятны мне ваши сомненья и муки!

КОГДА ТЫ СМЕЕШЬСЯ...

Когда ты смеешься,
То солнце хохочет и нет облаков и тумана.
Когда ты смеешься,—
Трава луговая раздвинется тихо и вспыхнут тюльпаны.

Когда ты смеешься,
То кругом весь дом, пляшут стены и двери.
Когда ты смеешься,—
Надежда мне светит и гаснут потери.

А если мне грустно чуть-чуть,
Не печалься, мой милый, не надо.
Прячу в сердце бессонном
Я слезы свои —
В них и боль и отрада.

Дитя заболело...
Как будто бы кто-то задумал
У матери сердце отнять —
Плачет мать.

Заплачет сын от обиды,—
Ну кто так сумеет ребенка обнять?!
Плачет мать.

Вот позднею ночью впервые
Он в дом постучал, и опять
Плачет мать.

И если поделится с матерью
Новой удачей,
Как она плачет!

И плачет тогда,
Когда улетает он вместе с любимою
Прочь от гнезда
На тихую ветку цветущего белого сада.

Слезы матери — жизнь:
В них и боль и отрада.
Море — сердце ее,
Ну, а слезы — морская вода.
Но когда...

Да, когда ты смеешься,
То волны жемчужные
Ходят по этому морю...
О, как хочется жить!
Как не хочется горя!

ЧЕЛОВЕК ПОТЕРЯН

Человек потерян!.. Человек потерян!
Вот его приметы: беден и богат.
Тонут лодки глаз в слезах, когда он плачет,
А когда смеется,— блещет белый град.

Человек потерян! Тот, что был в заботах
О насущном хлебе. Дни за днями он
С ношею слоновьей, с выдержкой слоновьей
По своей дороге брел, как старый слон.

Да! Порой мечтал он об огне, как спичка
О тепле и свете бредит в коробке.
Да! Еще искал он собственное счастье,
Собственное счастье в старом медяке.

Человек потерян! Вот еще приметы:
Он слегка сгибался, чтобы облака
Не задеть случайно; и мостом казался
Шаг его огромный, и ручьем — река.

Поцелуй ребенка — вот душа какая:
Так он чист и нежен, этот человек!
Пел на баррикадах, шел навстречу смерти.
Падал... И в легенду уходил навек.

Человек потерян!.. Человек потерян!
Человек потерян на глазах у всех.
О вглядитесь, люди, в собственные души:
Может быть, найдется этот человек.

Перевел Юрий КУШАК.

О ГЕРОЯХ И ПОБЕДЕ ЮРИЯ БОНДАРЕВА

Ю. СБИТНЕВ

Лев Николаевич Толстой как-то записал в дневнике: «Нельзя заставить ум разбираться и уяснять то, чего не хочет сердце». Эта фраза пришла на память, когда я закрыл с потревоженным сердцем последнюю страницу нового романа Юрия Бондарева «Горячий снег».

И снова перелистывая роман, чтобы еще и еще раз перечитать и запомнить запавшие в душу сцены и эпизоды о трудной, удивительно яркой жизни героев, чтобы еще раз ощутить необыкновенно ритмичный строй бондаревской прозы, я вспоминал и вспоминал эти слова, как бы невзначай оброненные великим писателем.

Вот уже добрых двадцать лет сердце бывшего воина, вдумчивого, я бы сказал, до самых малых мелочей внимательного писателя, диктует и требует от него одного — разбираться и уяснять то, что названо коротким и всеобъемлющим словом «война».

Проза Юрия Бондарева, с публикации первого его произведения сразу же заняла свое заметное место в нашей советской литературе. С первых творческих шагов писателю везло и на дифирамбы и на серьезные критические замечания. О нем спорили, о нем говорили, скрещивали шпаги «критические рыцари». Много было толков о том новом, что пришло в литературу с его Новиковым, Алешиным, Овчинниковым, Колокольчиковым, Леной...

На стол читателя легли «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Тишина», «Двое»...

Писатель с какой-то удивительной настойчивостью, упорством и даже, может быть, упрямством остается верен одной ситуации, одному герою, одному взгляду на войну, на ратную работу тех, кто близок и, несомненно, дорог его сердцу. В каждом новом произведении к образу своего «постоянного героя» писатель добавлял новые и новые черты, углублял его мир, находил свежие краски и мысли, поднимаясь по трудным ступеням осознания и уяснения войны к своему идеалу, к совершенству.

Итогом этой трудной, собирательской работы над образом «человека войны», медленного, но твердого шага от частности к серьезным и честным обобщениям, к патриотическому гражданскому осмыслению событий явился роман «Горячий снег».

История нашей советской литературы знает факты, когда одни и те же писатели в разное время кидались от утверждения к отрицанию, от света дня к мраку ночи, от героического к дегероическому. Нечего греха таить, были и еще есть, к сожалению, такие книги, словно бы написанные двумя разными людьми, но принадлежащие перу одного автора. Уже подернулись мхом забвения такие писания, в которых Священная война нашего народа представлялась как повальная паника, как цепь постоянных неудач неспособных полководцев, не оправданных ничем жертв, терзаний и гибели маленького, несчастного человека, зажатого в железных тисках случая. Можно было только диву даваться, читая такие книги. Как же тогда поднят руками советского человека флаг над Берлином? Как же получилось так, что пол-Европы приняло из этих же рук свободу? Как же, наконец, было сломлено железное горло врага под Москвой и Ленинградом, на Курской дуге и в Сталинграде? Ответ на это дает история, которую не исправишь и не подправишь. Ответ на это в книгах, выдержавших трудный бой с капризной и коварной модой, и не только модой, продиктованных сердцем истинных патриотов. К таким писателям относится и Юрий Бондарев.

Весь его творческий путь — это сражение за истину, за одну-единственную правду войны, правду победителей.

От частных, ярко, талантливо выписанных эпизодов, от «пятачка» огневой в «Батальонах» и «Последних залпах», от Ермакова и Алешина писатель приходит к Бессонову и Веснину, Кузнецову и Давлатяну, Уханову и Нечаеву; к сражениям, в которых участвует не только одна батарея, которой по-прежнему остается он верен, но и армия и фронт.

Юрий Бондарев выиграл сражение за право уяснять и разбираться в том, что вписано в историю нашего государства горящими буквами Священной войны.

Победа писателя — роман «Горячий снег».

Повествование в этом новом произведении начинается с движения эшелонов к фронту, к Сталинграду. И это движение, стук колес, натруженный рев паровоза сразу же вводят читателя в мир бондаревской прозы, где каждый пейзаж, каждый внутренний монолог героя, каждая самая малая деталь служат одному — мысли. Мысли, которая, может быть, не так броска, не так эффектна, но которая составляет смысл жизни: кто ты, человек? Кто?

По времени основное действие романа укладывается в короткий отрезок — около двух суток. Но эти немногие часы так уплотнены, так насыщены событиями, что кажется, проходит перед тобою целая жизнь. И это ощущение никак не случайно, потому что на карту поставлено все.

Стремясь вырвать из громадного котла окруженную армию Паулюса, к Сталинграду рвутся бронированные танковые армады Манштейна. Где-то среди степей, скованная декабрьским льдом, лежит ничем не примечательная речка Мышкова. Она, эта речка, последний, естественный барьер на пути к Сталинграду. Дальше — 40 километров ровной, как стол, степи. Один бросок — и танки прорвут кольцо окружения, соединятся с блокированной армией, и тогда... тогда чаша весов склонится в сторону немцев. И все успехи советских войск, обеспечившие ноябрьское наступление, сойдут на нет. Армия Манштейна рвется к реке Мышкова. Туда же, преодолевая тяжкие километры безостановочного марша, спешат дивизии армии генерала Бессонова.

Читая «Горячий снег», невольно втягиваешься в эти события, в эти броски маршевых подразделений, и до волнения, до холодка под сердцем переживаешь то, что было когда-то пережито там, в сталинградских степях. И уже (зная, конечно, исход этой операции) безответно задаешь и задаешь себе вопрос: успеют ли наши занять рубеж на Мышковой? Успеют ли вгрызться в мерзлую землю, сумеют ли собой, как щитом, заслонить Сталинград? И это ощущение полной реальности происходящего не оставляет уже вплоть до последних страниц романа. До того утра, так крепко выписанного автором, когда облегченно сам себе говоришь: «Выстояли!»

С захватывающей достоверностью, с удивительным знанием военного быта и проникновением до мельчайших подробностей в этот быт ведет писатель свое повествование. В ритмически чеканной прозе нет ничего лишнего, ничего украшательского, все подчинено одной мысли — рассказать о тех, кто вышел на последний рубеж перед бронированной армадой, кто вступил с ней в бой и победил.

И если снова обратиться к великому Толстому, эта мысль, пожалуй, ляжет в его короткое: «Все дело в том, чтобы всегда помнить, кто ты». И это вечное «кто ты» одинаково относится и к лейтенанту Кузнецову, и к генералу Бессонову, и к члену Военного совета Веснину, и к сержанту Уханову, наводчику Нечаеву, санинструктору Зое...

Каждый из названных героев для Бондарева не какая-то отдельная, обособленно стоящая личность, это прежде всего разные люди, но люди одного общества, одной правды, связанные едиными, прочными, неразрывающимися нитями. Они не похожи друг на друга, эти люди. Что, казалось бы, может быть общего между Ухановым и Бессоновым, между Кузнецовым и Весниным, Рубиным и Зоей? Они разные, и все-таки объединяет их одно: обостренное чувство долга, способность к пожертвованию (не к жертве, а к пожертвованию) ради общего дела.

Бондарев удивительно естественно, ненавязчиво, почти незаметно передает читателю с рук на руки своих героев, заставляет жить рядом с ними, страдать, сражаться, подниматься над бруствером с непоборимой ненавистью к врагу, ощущать себя одним из тех, кто выступает «за насилие над злом» и в этом видит смысл добра.

Почти все бондаревские герои — это люди, прожившие свою жизнь в короткий период — от последних залпов гражданской войны до той дикой в своем стремлении к уничтожению бронированной атаки фашистов, описания которой и составляют большую часть романа.

Это молодые люди, которых воспитала, подняла и поставила на рубеж великого испытания Советская власть. **Они советские.** Они не мыслят себя в отрыве от того, что составляет сущность их государства. В повествовании нет ретроспекций в героическое время отцов. Мы даже не знаем биографий ни Кузнецова, ни Уханова, ни Нечаева. Но в каждом поступке, в каждом эпизоде, в любую, даже самую роковую минуту боя (а таких минут выпадает героям с лихвой) чувствуешь, просто ощущаешь убежденного борца, цельного человека, поколение которого волей истории поставлено на защиту того, что завоевано отцами.

Вот об этой стороне бондаревских героев как-то до обидного мало было сказано в критических разборах его произведений.

В том, что читатель постоянно, уже в течение двадцати лет общается с литературным героем, человеком высоких моральных качеств, ни на йоту не отступающим от твердых душевных принципов, с человеком, который постоянно проверяет себя требовательным «кто ты», обычным, живущим рядом с нами,— в этом еще одна творческая победа писателя.

Бондарев верен своему герою, герою молодому, всегда стоящему на линии огня, всегда утверждающему в себе высокие моральные качества — будь это долг перед Родиной или отношения к всегда трудной, военной любви. Он чист, этот герой, той чистотой, которая куется и чеканится в неимоверно трудных, подчас просто трагических ситуациях. И рядом с ним, с этим героем (Кузнецов), по-особому полно и точно раскрываются глубины душ тех, кто в одном строю с ним. Они, словно бы зараженные этой чистотой (Уханов, Нечаев), вдруг предстают перед читателем в новом свете. То, что скрывали они под нарочитой грубостью и фразерством, в единый миг становится главным в их характерах. В характерах хороших, чистых людей. Стремление к чистоте, к совершенству души — еще одна мысль, получившая свое завершение в «Горячем снеге».

При любых обстоятельствах, в любых, даже самых трагических и роковых для жизни ситуациях наш человек остается Человеком. Этой мысли тоже нельзя не заметить в романе.

А что же фашисты? Что враги? Какое место они занимают в повествовании? Враги в «Го-

Ю. Бондарев «Горячий снег». «Знамя» №№ 9, 10, 11, 1969 г.

рячем снеге» закованы в броню, как некий жестокий механизм, несущий и творящий зло. И еще — они не люди. Они — трупы. Только мертвые перед читателями. Да еще их вещи, после прикосновения к которым наш солдат брезгливо вытирает о полу шинели руки.

«Нечаев собрал карты, кинул их в угол, вытер ладони о шинель, точно очищаясь от чего-то липкого, скользкого...»

Только один из них предстает перед читателем живым. Майор связи, взятый в плен, и связанный, по его же выражению, «как свинья». Автор не останавливает внимание читателей на его внешнем облике. Несколько по-бондаревски точных деталей — и перед нами нечто, не имеющее своего лица, одетое в меховую шинель. Может быть, это просчет? Ведь враг имеет свое лицо. Пусть звериный, но свой характер, свою философию. И она, эта философия, этот характер, вдруг неожиданно и ярко высвечивается в очень коротеньком разговоре генерала Бессонова с пленным. Вот его философия, его характер:

«Я нацист, господин генерал,... особый нацист: я за объединение немецкой нации и против той части программы, которая говорит о насилии. Но я живу в своем обществе и, к сожалению, отношусь, как и многие мои соотечественники, к мазохистскому типу, то есть я подчиняюсь. Я не всадник, я конь, господин генерал. Я зауздан...»

Бронированные кони, кони, которые терзают чужую землю, несут гибель и смерть всему живому. Что может остановить их движение? Кто сумеет повернуть их огнедышащие рыла вспять? Кто решит судьбу мира? О них и повествование. О них и роман.

И снова листается страница за страницей, снова перечитывается эпизод за эпизодом. От страницы к странице растет напряжение, ритмический рисунок прозы строг, ничего лишнего, все подчинено движению, железному, военному ритму. Но в этом не ослабевающем по напряжению ритме есть свои, едва заметные привалы. Ими Бондарев пользуется для того, чтобы еще ярче, еще глубже выписать характеры своих героев.

Вот эпизод на марше. Лошадь подломила ногу. Минутная остановка. Всего страничка текста. Но сколько открытий делаешь для себя в характерах и комбата Дроздовского, и лейтенанта Кузнецова, и ездового Рубина, и командира орудия Уханова... И конечно же, в знакомстве с ездовым Сергуненковым. В знакомстве, которое уже не забудется вплоть до его смерти. Остановка. Привал. Но сколько за этот короткий привал сказано читателю! Вот он, один из тех, кому выпало на долю остановить зарвавшихся бронированных коней, молоденький солдат Сергуненков:

«Сергуненков, как слепой, обратил глаза к Дроздовскому, по детским щекам его из-под обмерзших ресниц катились слезы, впитываясь в подшлемник на подбородке. Он молчал, слизывая языком эти светлые капельки, и, сняв рукавицу, с осторожной нежностью гладил морду лошади. Уносная не билась уже, не пыталась встать, а, раздувая живот, лежала тихо, понимающе, по-собачьи вытянув шею, положив голову на дорогу, со свистом дыша, Сергуненкову в пальцы, щупая их мягкими губами. Что-то невероятно тоскливое, предсмертное было в ее влажных косящих на солдат глазах. И лишь сейчас Кузнецов заметил, что на ладони Сергуненкова был овес, вероятно, давно припрятанный в кармане. Но голодная лошадь не ела, только, вздрагивая влажными ноздрями, обнюхивала ладонь ездового, слабо хватая губами и роняя на дорогу мокрые зерна. Она улавливала, видимо, давно забытый в этих снежных степях запах, но вместе с тем чувствовала и другое, то неотвратимое, что отражалось в глазах и в позе Сергуненкова».

Бережно, очень бережно отбирает детали Бондарев. И каждое зернышко овса в руках одного, чистая, идущая из глубины сердца нежность другого, в такую минуту, когда, казалось бы, ничто не может породить ее (эпизод на огневой. Кузнецов закрывает своим телом Зою), неожиданное откровение Рубина.

«Врешь! Не хвосты крутил, а конюх я колхозный,— озлобляясь, поправил Рубин.— А в жизни я то видел, что тебе и в зад не кольнуло! Когда ты на лодках своих клешами мотал, меня до смерти об войну ударило! За один раз всю мою жизнь встряхнуло, зверем ревел, ногтями двух дочек махоньких после бомбежки из земли откапывал... Да поздно! В петлю лез, да злоба помешала!..»

Вся эта ненарочитая правда жизни в прозе Бондарева служит одному — видеть человека красивым и гордым, чистым и сильным.

Именно это завидное качество таланта писателя делает роман «Горячий снег» по-горьковски человечным. Как не хватает иным произведениям, посвященным тяжелой ратной работе, этого вот горьковского: «Человек — это звучит гордо».

Как уже было сказано выше, герои романа, на стороне которых любовь автора, связаны друг с другом нерушимыми нитями. Эти нити идут не только от сердца к сердцу сражающихся рядом и стоящих насмерть солдат, они протянуты и к тем, кто руководит сражением,— в дивизию, в армию, в Ставку Верховного Главнокомандующего. Эта связь не криклива, она ощутима, надежна и правдива. Связь «верха» с «низом» не только в железных проводах телефонов и настроенных волнах раций, она в ощущении и понимании одного святого дела, в родстве душ, в том родстве, которое и составляет сущность советского человека. Люди одного общества, одной правды, одной веры, одного патриотического долга не могут действовать в одиночку. Они одно целое. Целое, о которое раскалывается любая сверхпрочная броня. И это вот с чувством глубокой, доброй признательности к писателю выносишь из романа. Потому и не случаен в повествовании, а, наоборот, логически завершен последний, заключительный эпизод. Генерал Бессонов приходит на огневую:

«— Да, товарищ генерал. Сегодня мы стреляли по танкам, но у нас оставалось только семь снарядов... Танки были подбиты вчера...

Голос его по-уставному еще силился набрать бесстрастную и ровную крепость, в тоне, во взгляде сумрачная, немальчишеская серьезность, без тени робости перед генералом, будто мальчик этот, командир взвода, ценой своей жизни перешел через что-то, и теперь это понятое что-то сухо стояло в его глазах, застыв, не проливаясь. И с колючей судорогой в горле от этого голоса, взгляда лейтенанта, от этого будто повторенного, схожего выражения на трех грубых, сизо-красных лицах артиллеристов, стоявших меж станин, позади своего командира взвода, Бессонов хотел спросить, жив ли командир батареи, где он, кто из них выносил разведчика и немца, но не спросил, не смог... Обжигающий ветер неистово набрасывался на огневую, загибал воротник, полы полушубка, выдавливал из его воспаленных век слезы, и Бессонов, не вытирая этих благодарных и горьких, обжигающих слез, уже не стесняясь внимания затихших вокруг командиров, тяжело оперся на палочку, повернулся к Божичко. И потом, вручая всем четверым ордена Красного Знамени от имени верховной власти, давшей ему великое и опасное право командовать и решать судьбы десятков тысяч людей, он насилу выговорил:

— Все, что лично могу... Все, что могу... Спасибо!.. Теперь будет легче. Все будет иначе. Теперь вперед пойдем. Спасибо за подбитые танки. Это было главное — выбить у них танки...»

И это спасибо уже никогда не забудется. Его до конца дней своих будут помнить те четверо солдат и читатель, который с потревоженным сердцем откроет для себя «Горячий снег».

А таких читателей у нас миллионы.

И снова еще раз хочется обратиться к патриарху русской литературы. «Идеал всякого искусства,— писал Лев Николаевич Толстой,— к которому оно должно стремиться, это — общедоступность».

И к нему, к этому идеалу, вот уже двадцать лет стремится советский писатель, патриот Юрий Бондарев.

«Горячий снег» — его победа в трудном, продолжительном творческом сражении.

МОЛОДАЯ ЛИРИКА ЛАТВИИ

С 8 по 14 декабря этого года в Москве состоятся вечера латышской молодой поэзии. Мы печатаем стихи участников этих вечеров.

Имант АУЗИНЬ

СТРИЖИ

А глаза у тебя добры и ясны.

Вижу те же луга,
Они так же, как прежде, грустны.
И когда поспевает ячмень,
Через эти луга, озираясь, проходит олень.

Дремлют в полдень рябины и дремлют стога.
Тень стрижей расчертила сады и луга.
Что я знаю о джунглях,
Пустынях, пассатах и бризах?
Мне знакомы стрижи
Да леса под июньскою тучею сизой.

А глаза у тебя и добры и ясны.

И мне жаль
Уводить тебя в сумрак чертогов лесных,
Где тревожно и робко трепещет душа.
О любимая, разве возможно,
Чтобы смерть и за нами когда-то пришла?
Летний полдень. Устало склоняются маки.
Тенью чертят стрижи на земле
Наших судеб секретные знаки.

А глаза твои и добры и ясны.

И я знать не хочу про недобрые сны.
Возраст мой — это возраст рабочих, солдат,
Это возраст идущих дорогами.
Под сыпучим песком мои родичи спят.
Они встретили смерть, не дрогнув,
А с холодной отвагою зрелых мужей.
Может, это удастся и мне?
Может быть...
Вот за этих стрижей.

А глаза у тебя и добры и ясны.

Перевел В. Андреев.

Марис ЧАКЛАЙС

ЗАНЯТИЯ В ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Декабрьским вечером долгим,
Когда за окном непогода,
Я новый блокнот заполняю
Цифрами будущего года.

Пишу аккуратно номер
И рядом фамилия, имя.
Шапочные знакомые
Между близкими и дорогими.

Останутся в старом блокноте
Пятизначные сочетанья
Ушедших от нас абонентов и те,
Что выучил, как заклинанья.

Где-то за снежными далями
Звучат друзей голоса.
Я бережно переписываю
Далекие их адреса.

А где, хоть примерно скажите,
Прописан душевный покой?
Какой телефон у счастья?
У радости адрес какой?

Теряется зов безответный
В полях, убеленных зимой.
Лишь грусти найти телефон мой
Легко удается самой.

Ну что ж, остается надеяться,
Что как-нибудь ночью, во сне
Счастья номер заветный
Прошепчет кто-нибудь мне.

Меня за это ребячество,
Прошу, не судите строго,
Ведь каждому хочется счастья,
Хотя бы совсем немного.

Декабрьским вечером долгим
Переписываю в блокнот
Цифры грядущего года,
Цифры радостей и невзгод.

Перевел М. Еремин.

Николай АСАНОВ,

Юрий СТУРИТИС

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

21

Так вот и случилось, что однажды весной, на рассвете Лидумс подошел на маленькой моторной лодке при сильном ветре и крупной накатной волне к побережью Курляндии, в нескольких километрах от Ужавского маяка.

Небольшая бухточка укрыла его лодку от посторонних взоров, и он удачно пристал к берегу. Торопливо выгрузив свое снаряжение, он развернул лодку в море, открыл люк в днище и дал максимальные обороты мотору. Лодка на мгновение словно присела перед волнами, затем ускорила ход и устремилась вперед. И недалеко от берега, набрав полный корпус воды, медленно ушла на дно...

Усталый, промокший Лидумс, с тяжелым рюкзаком на спине и небольшим чемоданчиком в руке, в котором была вмонтирована агентурная радиостанция, взобрался на крутой песчаный яр, стоявший над морем стеною, и исчез в сосновом лесу, где каждое дерево было скрючено морскими ветрами.

Трое суток прошли в каком-то унизительном кошмаре. Он брел по лесу, заходил на одинокие хутора, где никто не хотел с ним разговаривать, ни пустить переночевать, ни продать молока или сала, и на ночь он останавливался в забытых стогах сена, в заброшенных шалашах, оставленных охотниками, а может быть, и дозорными тех, кого он искал. Следов он не прятал, то ли от неумения скрыть их, то ли от безразличия, костры разжигал с большим дымом, но ни разу никого не видел.

На четвертый день он наткнулся на хутор лесника, который принял в нем искреннее участие. Лидумс помылся у него горячей водой, побрился как следует, а за ужином рассказал, ничего не утаивая, что служил в немецкой армии, попал в плен к русским, а затем в фильтрационный лагерь, откуда бежал. Несколько дней назад он вернулся в Латвию, надеясь отыскать своих бывших друзей, которые, по слухам, обосновались в Курляндии.

Лесник ничего о «друзьях» слыхом не слыхивал, просто рад поговорить с прохожим человеком. Ночевать он уложил Лидумса на сеновал, а ночью спящего разбудил свет фонаря. Перед ним были два человека с автоматами, которые приказали ему собрать вещи и идти с ними. Но кто они? «Лесные кошки» или чекисты?

Едва Лидумс оказался на улице, как ему завязали глаза, связали руки и приказали двигаться молча, и Лидумс пошел, как лошадь, ведомая в поводу.

Дорога оказалась длинной, через бурелом, ручьи, болота. Лидумс пытался прислушиваться к коротким разговорам провожатых: они как будто подозревали в нем агента Чека, пришедшего в курляндские леса для поисков «лесных кошек», оторвавшихся от преследования чекистов...

Затем его втолкнули в бункер — грязную землянку, пропахшую запахами немытого тела, самогона, дурной пищи. Повязку с глаз у него сняли, но руки оставили связанными. Те, что привели его, чуть ослабили вожжи на онемевших руках Лидумса и ушли. Перед ним были три человека, по-видимому, штаб банды. Мокрый пол в бункере был покрыт втоптанными куриными перьями, под нарами валялись давно обглоданные кости и рваные бинты с бурыми потеками, должно быть, следы недавних боев с «синими», как эти люди называли чекистов.

Допрос начался с открытых угроз: «Мы знаем, что ты чекист, преследующий «национально мыслящих» латышей. Немедленно сознавайся: кто, откуда, как попал в расположение отряда? Полное признание, может быть, даст тебе возможность искупить вину перед родиной...»

«Да, «мыслящие»! — думал Лидумс.— И тоже называют себя латышами! А сколько бед принесли они Латвии!» Угрозы становились все злее, того и гляди, эти опытные палачи перейдут к побоям.

Но чем громче орали на него, тем громче орал он на них:

— Это вы-то и есть чекисты, замаскировавшиеся под «лесных братьев»! Недаром же меня схватили через час после того, как я обмолвился словом о «братьях»! Но меня вы можете уничтожить, я в ваших руках, а «братьев» вам все равно не найти! Слишком уж плохо вы маскируетесь! Разве могли бы настоящие лесные борцы жить в таких звериных условиях? Уж я-то знаю настоящих лесных борцов, сам жил с ними в лесном лагере, но никогда не видел такой показной грязи! Но мы воевали как солдаты, а когда нас окружили и прижали к морю, мы захватили ваш же чекистский мотобот и с боем ушли в Швецию! Можете спросить ваше чекистское начальство, они, наверное, еще помнят, как мы вырвались в Ирбенский пролив... Мне скрывать нечего: вы взяли все мое снаряжение и знаете, кто я. И больше я не скажу ни слова: передавайте меня прямо в Чека, стоит ли рассказывать о себе много раз подряд, когда у вас все улики против меня: рация иностранного производства, шифры, коды, кварцы, оружие, полномочия «Латвийского центрального совета» в Швеции, в которых ясно сказано, что я эмиссар Совета и направлен в Латвию для объединения и координации действий разрозненных отрядов «лесных братьев». И знайте, я горжусь тем, что был избран для этой миссии!

Он видел, что допрашивающие несколько смущены его заявлением, но понимал, что они чего-то или кого-то ждут для решения его судьбы, потому и продолжают этот бессмысленный допрос. И действительно, через полчаса допрос прекратили под предлогом обеда. Лидумсу тоже разрешили съесть пачку галет из обнаруженных в его рюкзаке, но на его предложение попробовать заморское лакомство все ответили отказом. «Боятся,— подумал он,— не напичканы ли галеты ядом или сильно действующим наркотиком».

Двое из главарей ушли из бункера на обед, но третий не спускал с Лидумса глаз: может быть, ждал, не отравится ли он галетами. На вторичное предложение отведать их он, хихикая, рассказал анекдот о том, как одна рижская семья стала получать через международный Красный крест посылки из Швеции от своих родных. В посылках были поношенные вещи, пакетики с сахарином, сигареты. А однажды, перед пасхальными праздниками, пришла посылка с мукой в трех пакетах, в двух мука была белая, в третьем — серая. Рижане, естественно, испекли отменный пирог и угостились на славу, а наутро отправили в Швецию благодарственное письмо. В тот же день «кулинары» получили запоздавшее письмо из Стокгольма, в котором сообщалось, что в третьем мешочке находится прах кремированной бабушки, которая перед смертью просила похоронить ее на родине. Шведские родственники просили выполнить последнюю волю покойной, а фотографии церемонии захоронения выслать им.

— Так что на твое угощение никто у нас не польстится! — ухмыльнулся бандит.— Мы ведь не знаем, какая из галет испечена чекистами из праха бабушки...

Лидумс отнесся к анекдоту вполне внимательно, а сам меж тем прислушивался к обрывкам разговора, доносившегося снаружи. Один из допрашивавших советовал позволить Лидумсу связаться по его рации со Стокгольмом и получить от ксендза Пропса, одного из организаторов Центрального Совета, подтверждение, что Лидумс действительно то лицо, за которое он себя выдает. Пропса этот бандит, оказывается, знал и знал пароль для связи с ним.

— Ну да, а его передатчик чекисты засекут, и через два-три часа мы опять окажемся под огнем! А если он и действительно чекист и передаст свое сообщение не в Стокгольм, а в Ригу, на улицу Стабу? Тогда нам вообще не уйти живыми!

Голоса смолкли: то ли бандиты обдумывали «варианты», то ли отошли от бункера. Но Лидумс уже понял, что ему, в сущности, поверили и все может кончиться хорошо, если не вмешается «третья сила». Ведь кого-то они все-таки ждут для продолжения разговора с ним?

Но вернулись они опять вдвоем.

Допрос продолжался, но уже более вяло. Во всяком случае, о немедленном расстреле разговоров больше не было. Тогда Лидумс грубо напомнил допрашивающим, что

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—48.

сами-то они не прошли даже начальной школы конспирации, хотя и берутся за такое трудное дело, как борьба с большевиками. Они не потрудились отойти от бункера для своих разговоров. А он, Лидумс, не глухой. Он же слышал, что выдвигались разные возможности для его проверки.

Допрашивающие были явно смущены своей оплошностью. Но старший из бандитов, может быть, командир всей банды, в прошлом, видно, моряк, глухо буркнул:

— По курсу нашего движения черных шаров пока что не видно...

Лидумс вспомнил: на флоте существует закон, согласно которому корабль, производящий траление мин, поднимает на тонких тросах черные воздушные шары как сигнал для проходящих судов, что приближаться к тральщику опасно...

Но он не успел обрадоваться этому неожиданному и приятному повороту. Дверь внезапно открылась, ворвался еще один бандит, и Лидумс, оглядев нового посетителя, понял: дело принимает дурной оборот.

Это был человек с отвисшим тяжелым подбородком, узкими, глубоко посаженными глазами неопределенного цвета, с узким, «птичьим» лбом и взлохмаченными волосами. Лидумс увидел, как подобострастно вскочили все трое, и решил, что если это не главарь всей банды, то уж, во всяком случае, «хозяин» какой-нибудь соседней и, наверно, более крупной группы. А бандит, бегло оглядев пожитки Лидумса, набросился с бранью на тех троих, которые взяли его ночью. Он не стеснялся в выражениях, и главным его обвинением было: почему они держат в своем лагере чекиста уже полсуток и до сих пор не расстреляли его?

Бывший моряк заикнулся было, что, может быть, Лидумс на самом деле эмиссар «Латвийского центрального совета». Но бандит с отвисшим подбородком яростно закричал, что вчера, рано утром, на шоссе Вентспилс — Рига его группа захватила автомашину начальника Вентспилсского городского отдела государственной безопасности Балодиса, который принес «лесным рысям» столько бед. В перестрелке Балодис был убит, но в машине обнаружен портфель, который он вез в Ригу. Один из документов свидетельствует, что захваченный ночью человек, называющий себя Лидумсом, известный чекист, направленный Балодисом с соответственной легендой в лес для поисков уцелевших бойцов из отрядов «лесных братьев» и для наведения на них чекистов...

Вопль радости вырвался у бандитов, когда они услышали о гибели Балодиса. И сразу послышались вопли:

— Расстрелять этого негодяя!

— Зачем стрелять? Пулю жалко! Повесить на ближайшей осине!

А бандит с отвисшей челюстью продолжал хвалиться своим подвигом. С новыми и новыми подробностями он рассказывал, как они подстерегали Балодиса, во что он был одет в последний день своей жизни, и Лидумс узнал по этому описанию облик своего бесстрашного друга, некоторые его привычки, его манеру несколько необычно одеваться. Неужели этого смелого, отчаянного человека нет в живых? И могло ли случиться, чтобы в его портфеле были какие-то документы об их совместной затее пробраться в один из самых опасных отрядов «лесных рысей»?

А что делать Лидумсу, если бандит сказал правду? Попытаться вести двойную игру, чтобы потом убежать от бандитов? Но что будет стоить его жизнь, если бандиты сумеют скрыться за границу, чего они так страстно желают после своих провалов? И сколько друзей Лидумса погибнет, если даже он успеет предупредить своих о предстоящем уходе бандитов за границу через море? Нет уж, лучше погибнуть самому, чем выводить своих друзей под огонь вражеских автоматов.

Но мог ли Балодис вчера «рано утром», когда он, по словам бандита, был убит, ехать в Ригу? Пять дней назад, когда Лидумс приготовился уходить на задание, Балодис внезапно почувствовал себя плохо. Прямо из Комитета его отвезли в клинику. Перед уходом в море Лидумс позвонил в клинику. Главный врач сообщил диагноз: гнойный аппендицит, требующий немедленной операции...

Конечно, бандитам могут быть известны привычки Балодиса, его внешний вид: получить такие данные через пособников не так уж трудно. А вот сообщить, что Балодис болен, пособники вряд ли могут...

И Лидумс швырнул на стол свой последний козырь.

Да, он действительно эмиссар «Латвийского центрального совета». Но мог ли он подумать, что наткнется в курляндских лесах не на «лесных кошек», а всего лишь на слепых котят? Они даже не подумали о том, что у него может быть тайное задание, о котором им просто не к чему знать. Но уж если дело дошло до того, что его собираются убить, он скажет им о главной цели своего приезда, а там они сами могут решить, воспользуются ли они его помощью или так и останутся слепыми котятами.

Он был доставлен к берегам Курляндии с острова Готланд на быстроходном торпедном катере по согласованному решению нескольких иностранных разведок, опирающихся в своей деятельности на «Латвийский центральный совет». На границе территориальных вод Советского Союза, неподалеку от Ужавского маяка, с этого катера была спущена на воду небольшая моторная лодка, на которой он и добрался до берега. Это при желании можно проверить: затопленную им лодку нетрудно разглядеть в штилевую погоду — она покоится на дне моря в пятидесяти метрах от берега. А задача, которую он должен был выполнить, проста: связать лесные отряды с разведками Англии, Америки и Швеции для создания нелегальной дороги, по которой разведки этих стран могли бы направлять помощь «лесным братьям» и перебрасывать своих людей в Советский Союз. Не выполнил он свою задачу по простой случайности: попал не к «лесным кошкам», а к слепым котятам! Больше он говорить не будет. Все.

Бандит с отвисшей челюстью разглядывал пленника, потом грубо расхохотался, сказал:

— Суд удаляется для вынесения приговора!

Все трое вышли, остался только прежний страж, но тут же вошли еще двое. Несмотря на то, что руки у Лидумса все время были связаны, бандиты боялись упустить его.

«Совещание суда» продолжалось долго. Только перед закатом солнца все «судьи» вернулись в бункер. Главарь нес с собой железную лопату.

— Пошли! — грубо приказал он.

Лидумса вывели со связанными руками, но повязку на глаза больше не надевали. Один из подручных бандита нес на плече лопату, остальные держали Лидумса под дулами автоматов.

Так они прошли с полкилометра. Главарь остановился, приказал своим помощникам:

— Развяжите ему лапы и дайте лопату. Пусть копает могилу!

Один из бандитов разрезал ножом вожжи на руках Лидумса и воткнул в белый мох перед его ногами лопату. Все отступили на несколько шагов, может быть, опасаясь, как бы пленник не рубанул кого-нибудь лопатой перед смертью.

Лидумс помедлил, оглядывая лес и разминая руки. Они затекли и плохо слушались.

Но вот он вздохнул, аккуратно очертил границы могилы и срезал белый мох. Подо мхом лежала песчаная латвийская земля. Он запустил лопату на полный штык и вывернул землю. Вот так трагически и бесследно заканчивается его последняя операция в войне с фашистскими прихвостнями, которые и после войны терроризируют его братьев-латышей, пытаясь навязать им убийствами и вот такими «казнями» свои дурацкие идеи и свои «новые порядки»...

Вопрос этот возник и остался в сознании на фоне стремительно летящих воспоминаний. На соседнем дереве над его головой завозились грачи, устраиваясь на ночлег, и Лидумс вдруг увидел себя маленьким мальчиком, получившим от матери в подарок матросский костюмчик и вдруг забравшимся на тополь, чтобы заглянуть в грачиное гнездо. Ох, и испортили тогда грачи его новый наряд! А вот он уже студент, в форменном вицмундире, в корпорантской шапочке, и рядом милая девушка... И сразу война, немцы, орды немцев с широко разверстыми пастями, как же, победители мира! И вот его война оканчивается, оканчивается так глупо, и он ничего не может сделать своим врагам, находясь так близко от них.

Главарь зачитал какое-то подобие приговора и приказал Лидумсу повернуться спиной к своим палачам на краю неглубокой могилы.

Еще раз послышался приказ: признаться в своих связях с «синими».

— Идите вы к черту! — проворчал он сквозь зубы.

— Огонь! — скомандовал тот же грубый голос.

Послышался сухой треск автоматов. На голову Лидумса посыпались срезанные пулями ветви с дерева. Он резко повернулся, крикнул:

— Эй, вы, сволочи! Даже стрелять не умеете! Дайте мне пистолет, я сам продырявлю себе голову за то, что связался с таким дерьмом!

Главарь вдруг повалился в ноги Лидумсу:

— Простите нас, кунгс Лидумс!

Лидумс изо всей силы ударил его сапогом. Но уже и другие бежали к нему, готовые чуть ли не целоваться. Второй из судей, бывший моряк, смущенно бормотал:

— Это же только проверка! А вашу лодку мы нашли. Но ведь мы тут воюем все против всех...

...Вечером бандиты крепко перепились по поводу приема Лидумса в члены банды. А наутро у Лидумса началась обычная работа: надо было связаться с главарями всех банд, действующих не только в лесах Курляндии, но и в Земгалии и в Латгалии, предупредить всех о созыве объединительного совещания, отыскать наиболее удобное место для этой представительной встречи, на которой он, эмиссар «Латвийского центрального совета», доложит о своей миссии, об установлении крепких связей чуть ли не со всеми разведками мира, о создании тайных путей в Стокгольм, в Лондон, хоть в Нью-Йорк — куда кому захочется — чуть ли не первым классом...

Это совещание состоялось осенью неподалеку от Риги. Явились «боссы», «хозяева», «шефы» в количестве девятнадцати членов совещания и нескольких наблюдателей от соперничающих между собою групп. На совещание, по предварительному уговору, съезжались без оружия: тут было столько маленьких «фюреров», враждующих между собой, что они могли запросто перестрелять друг друга. И когда на совещание нежданно-негаданно явились чекисты, «фюреры» покорно подняли руки...

А теперь он опять живет среди этих недобитков, снова носит на лице маску, а как же ему хочется очутиться среди своих, расслабиться, дать полный отдых своему усталому лицу, своему усталому телу...

Но еще рано!

22

Итак, Лидумса снова окружали его бывшие враги, только теперь они именовались солдатами американских войск специального назначения, или, короче, рейнджерами — «зелеными беретами»...

Именно на базе, где американцы муштровали свои войска спецназначения, проходили обучение и американские шпионы, да и вербовались они тут же, из солдат этих войск, преимущественно иностранцев, родившихся в стране, против которой они должны затем действовать, или хотя бы знающих язык этой страны...

Школой, с которой должен был ознакомиться Лидумс, оказалась школа шпионов-парашютистов. В нее попадали те, кто прошел предварительный отбор, получил первоначальные знания по радиоделу, фотографированию, диверсиям и теперь готовился к заброске в тыл «потенциального противника». Уже по одному тому, что все это были латыши, литовцы, эстонцы, бежавшие из Советского Союза вместе с немцами, или дети этих эмигрантов, воспитанные за пределами своей родины, становилось ясно, кого в данной школе именовали «потенциальным противником».

В школу Лидумса привез молодой американский разведчик Эал, а сопровождали Лидумса два ученика английской школы, назвавшие себя Биль и Альвирас. Перед въездом на территорию базы Эал предупредил своих пассажиров, чтобы они не говорили между собой: охранникам базы ни к чему знать, что новые питомцы школы не американцы...

Здание школы находилось примерно в километре от ворот базы и в некотором удалении от других зданий казарменного типа. Разгуливать по территории базы, знакомиться с живущими в других зданиях людьми было категорически запрещено. Одним словом, это была настоящая тюрьма со своим особым внутренним уставом и устройством, со своей субординацией и своими особыми занятиями. В этой тюрьме и должны были отныне жить Лидумс, Альвирас и Биль, а наблюдали за ними и занимались с ними два инструктора: лейтенант и сержант, с которыми Эал познакомил новичков.

Ни лейтенант, ни сержант имен не назвали, но оба были в своем роде примечательны. Лейтенант, американец по происхождению, невысокий, плотный, лет тридцати, с голосом громким и пронзительным, показался Лидумсу самоуверенным не по чину, грубым до самозабвения, и было видно, что всех остальных людей он считает куда ниже себя. Это наводило на мысль, что он давно уже сидит в этой или служил в похожей на эту школе, где под его началом были люди, им презираемые. Может быть, он сразу пошел в эти части спецназначения, а организованы они были еще в 1951 году, и уже привык к угодничеству и лести: ведь, по его понятиям, вокруг были не люди, а недочеловеки...

Сержант, такого же возраста, видимо, обиженный и обозленный тем, что так и не сумел пробиться к офицерскому чину, очень высокий, худой, держался со своим прямым начальником раболепно, но точно так же презирал «этих вшивых иностранцев» и если не пускал в ход кулаки, то, наверно, только потому, что служба в парашютной школе опасна: парашют может и не раскрыться или лямки его окажутся подрезанными... Что-то в этом роде пробормотал Биль после первого же разноса, правда, пробормотал на родном языке, но Лидумс понял, что тут все держится на грубой силе.

Но Эал, по-видимому, что-то шепнул лейтенанту о миссии Лидумса, потому что тот при знакомстве словно проткнул нового «ученика» острыми пронзительными глазами, пробормотал: «Очень рад!» — и после этого ни сам он, ни его помощник-сержант к великану-латышу не придирались.

Занятия начались с утра на следующий день.

Их учили собирать и складывать парашюты, управлять ими при спуске с самолета, прятать освобожденный парашют на территории «противника» так, чтобы его невозможно было обнаружить, — это были и теория и практика, поскольку шпион мог воспользоваться парашютом только однажды — при спуске в тыл «врага», — но от того, как он укроет его после приземления, в сущности, зависела жизнь.

Только после того, как они наловчились собирать распущенный парашют в самое короткое время, прятать его в считанные минуты, «учеников» перевели в следующий «класс»: подготовки к прыжкам...

Лидумс собрал все терпение и умение, чтобы заслужить одобрение лейтенанта. И после каждой похвалы, произнесенной тем же грубым и пронзительным голосом, каким лейтенант только что отчитывал Биля или Альвираса, вежливо повторял:

— Слушаю, сэр!

В конце концов лед тронулся. Как-то вечером лейтенант буркнул:

— Зайдите ко мне, мистер Казимир, поболтаем...

Лидумс невольно подумал: а как этот грубиян разговаривает с женщинами? По вечерам лейтенант часто отбывал «проветриться», оставляя школу на сержанта, и тот ворчал, не стесняясь учеников: «Опять ударил по бабам!» По воскресным дням сержант злобно завидовал начальнику: лейтенант отпускал его из школы только раз в неделю и то в рабочие дни.

Сегодня сержант был в городе, и начальнику школы, должно быть, стало скучно. А Лидумс к такому случаю подготовился заранее.

После ужина, который в школу доставляли откуда-то на «джипе» в термосах, когда Биль и Альвирас ушли в свою комнату продолжать бесконечную карточную игру, Лидумс поднялся к лейтенанту. Накануне он достал через «кухонных» солдат кварту хорошего виски, хотя и с большой наценкой, но не ту мутную дрянь, которую доставали для себя Биль и Альвирас. С этой квартой в руках Лидумс и вошел к начальнику школы.

Приношение лейтенант принял радушно, позаботился о бокалах и содовой, о кубиках льда, вынул из шкафа коробку соленого печенья, налил виски, тут же сказал, что мистер Казимир может называть его Гербертом, после чего контакт оказался еще приятнее.

После второго бокала лейтенант спросил, как ему нравится в школе.

— По-моему, в тех частях, где служите вы, значительно интереснее...

Пока мистер Герберт обдумывал ответ на этот вопрос, они успели выпить еще по два виски. Но на лейтенанта эта доза никак не действовала. После долгой паузы он только спросил:

— А что вы знаете об этих частях?

Лидумс ответил кратко: он слышал, что служба в этих частях хорошо оплачивается,

а кроме того, по истечении контракта как будто можно надеяться на гражданство США...

— Если вас не подстрелят в очередной операции,— проворчал лейтенант.

— Ну, подстрелить могут и на моей работе!— беспечно ответил Лидумс.— Разница только в том, что моя работа не дает таких широких перспектив, о которых я слышал от ваших вербовщиков.

— Вербовщики за то и получают свои деньги, что умеют врать,— отмахнулся лейтенант.

Но на Лидумса он теперь смотрел примерно с таким же любопытством, как вербовщик, словно бы оценивая «новый материал». Они пропустили еще по два бокала, и только тогда он заговорил всерьез:

— Что верно, то верно, в наших войсках хорошо платят. Но контракт заключается на десять лет. И берут в войска специального назначения людей не старше тридцати шести...

— Мне тридцать пять!— солгал Лидумс.— И к тому же я имею чин капитана немецкой службы...

— Это ничего не значит,— усмехнулся лейтенант,— начинать все равно придется сначала.

— Но я прошел подготовку в английской разведывательной школе...

— А, что они понимают в таких делах!— пренебрежительно пожал плечами лейтенант.— У нас речь идет не об одиночках-диверсантах, а о целых армиях солдат-невидимок! Я пропускаю через свою парашютную школу сотни солдат, но наши парашютные десанты насчитывают уже давно не сотни, а тысячи парашютистов, вооруженных пушками, танками, вертолетами. Эти солдаты могут выжить в болоте, в лесу, в пустыне, добыть пресную воду в море, питаться змеями и улитками, воевать в одиночку и армиями, сеять панику и захватывать города. Разве сравнишь эту великую миссию с действиями ваших шпионов-одиночек?

На этот раз лишний бокал виски сделал из грубого солдафона почти что стратега и философа. Больше его не надо было подгонять, он сам готов был рассказать все, что знал о новых соединениях американской армии...

23

А пока что Лидумс продолжал изучать парашютное дело.

Шпионы-новички — Биль и Альвирас — были совсем молоды и достаточно тренированы, но и они с удивлением наблюдали, как «старый», по их понятиям, Казимир проделывает прыжки с канатом с пятиметрового «штатива» легче и точнее, чем они сами. Тому же удивлялись и «руководители» уроков — лейтенант Герберт и сержант Джек. А прыжки эти с пятиметровой высоты были чрезвычайно утомительны, к концу занятий все тело было разбито, позвонки похрустывали, ноги неприятно дрожали. Но ведь шпионы готовились прыгать с большой высоты, надо было приучить себя к сотрясениям, даже к падению в темноте, когда земля совсем не видна и трудно определить самый миг приземления. И они день за днем отрабатывали эти прыжки.

В один из таких тяжелых дней во время обеденного перерыва их навестил неожиданный гость. В спальню, где они отдыхали, не вошел, а вбежал улыбающийся худощавый американец лет тридцати пяти и принялся расспрашивать, как они тут поживают. Похвалил за то, что они хорошо говорят по-английски, спросил, какими еще языками они владеют и говорят ли по-русски. Лидумс ответил, что все трое прилично говорят по-немецки...

— Какой вы национальности?— спросил американец.

— А какой национальности люди вам нужны?— спросил Лидумс.— Если понадобится, мы можем стать людьми той самой национальности, которая требуется...

Американец рассмеялся и ушел. Лидумс так и не понял, для чего была затеяна эта проверка.

Через несколько дней навестил их и Малый Джон. На этот раз он выглядел франтом: появился в новом костюме, новых башмаках, по-видимому, в его таинственных делах произошел поворот к лучшему. Джон небрежно осведомился у Биля и Альвираса, как им нравится обучение, и те, несмотря на то, что все время почесывались и поеживались от синяков, полученных при неудачных прыжках, поглядывая на своих учителей, бодренько ответили, что всем довольны и чувствуют себя хорошо. Лидумс промолчал: он хотел понять, зачем пожаловал Джон?

Джон, помахав ручкой своим подшефным новичкам, пригласил Лидумса проводить его и повез за пределы базы,— оказалось, он заранее получил пропуск для мистера Казимира. В городе они отыскали небольшой кабачок, и Джон предложил «вспрыснуть» встречу.

— Завтра эти орлы будут прыгать с парашютами,— сказал он.— Не лучше ли вам, Казимир, отказаться от вашей затеи с этими прыжками? Парашюты, даже американские, не всегда открываются вовремя!— озабоченно сказал он.— Маккибин и полковник Скотт, услышав, что вы собираетесь пройти тут весь курс обучения специальных войск США, проявили недовольство...

— А зачем вы им об этом сказали?

— А вдруг мне придется сопровождать не вас, а цинковый гроб?— сердито ответил Джон.— Что бы я сказал им в этом случае? Теперь они хоть знают, что вы рискуете по собственной воле. А что, программу относительно способов выживания вы тоже будете выполнять? Станете есть змей и лягушек в сыром виде?— ядовито спросил он.— Мне мой немецкий друг сказал, что в ближайшее время ами будут проводить такие учения где-то в Бад-Тельце, там есть довольно угрюмые болота...

— Ну, в этом случае я попрошусь в офицерскую столовую,— улыбнулся Лидумс.— Признаться, я провел столько лет на грибной диете, что в цивилизованном мире предпочитаю более приятные блюда.

— Прыжки тоже лучше наблюдать с земли!— угрюмо возразил Джон.

Лидумс поспешил заговорить о другом:

— А у вас, я вижу, произошли какие-то перемены? Может быть, дамы из Миндена одумались и вернули вам свой пиратский приз? Или вы нечаянно получили наследство?

— Ах да!— оживился Джон.— Мне тут неожиданно повезло: я продал два небольших сухогрузных корабля и один немецкий сторожевик...

— Корабли?— Лидумс вытаращил глаза.— Вы торгуете кораблями?

— Разве я вам не говорил?— Джон наслаждался неожиданным эффектом.— Я уже много лет торгую кораблями, правда, не в одиночку, а в компании с несколькими офицерами морской разведки.

— Час от часу не легче! При чем тут разведка?

— Но мы же продаем не те корабли, что строят на верфях, а те, что затоплены во время войны...

Лидумс свистнул.

— Ну и ну! Так, может, вы продали и мои корабли?

— Ваши? — Теперь пришла очередь Джона таращить глаза.

— Ну да, мои. Отец был крупным судовладельцем, и часть его кораблей после переворота в Латвии осталась в плавании или в гаванях других государств.

— И вы до сих пор не запрашивали ЛЛОЙД? Вам же причитаются крупные суммы за фрахт с тех судов, что остались целы, а за погибшие — страховые премии!— Он глядел на Лидумса так, словно увидел сияние вокруг его головы.

— А где я возьму подтверждающие документы? Не забывайте, что я с того самого времени живу по подложным паспортам...

— Боже мой, судовладелец!— кажется, Малый Джон и в самом деле готов был молиться на Казимира.— Да вы только шепните Маккибину или мистеру Скотту свое настоящее имя, и он немедленно выяснит все подробности.

— Сначала я должен закончить свои счеты с большевиками!— сухо заметил Лидумс.

— Ну хорошо, тогда я сам скажу им.

— И не вздумайте! Я не обещаю, что вы получите куртажный процент!

— Да вы с ума сошли! Какой куртаж? Это же просто чудо, что вы не только офицер, но и судовладелец! Вы хоть знаете названия ваших судов?

— Некоторые из них я видел после войны: они заходили в Рижский и Вентспилсский порты под флагами Бразилии, Швеции и еще каких-то стран. Но тогда меня больше интересовали способы, как уйти от чекистов.

— Нет, это бескорыстие просто потрясает! Да, я ведь пригласил вас, чтобы вернуть вам долг! Вашу выручку после истории в Миндене я никогда не забуду. А о том, что вы крупный судовладелец, обязательно расскажу Маккибину и полковнику. Это их не только позабавит, но и порадует! Ведь это настоящая честь для нашей разведки! У нас были на службе писатели, финансисты, предприниматели, а вот о судовладельцах я что-то не слыхал!

Он вынул из кармана пачку денег и положил перед Лидумсом.

— Ну, а ваша торговля затонувшими кораблями прибыльна?— поинтересовался Лидумс.

— Да как вам сказать? В конце концов это все-таки авантюра, а дельцы теперь пошли мелкие, без размаха. Наша небольшая (но, видно, теплая, подумал Лидумс) компания использует карты морских сражений (Лидумсу понравилось, что Джон заговорил совершенно доверительно, должно быть, честь оказаться судовладельцем, хотя и несостоятельным, для этого англичанина была даже выше титула «сэр»). Мы предлагаем кроки с этой карты, на которых указаны примерные глубины мест, где покоятся торпедированные суда. Затем идут данные о судне: вместимость, год постройки, название. Последнее необходимо для того, чтобы покупатель, справившись по регистру ЛЛОЙДА, определил, на что он может надеяться... Но часть этих сведений утаивается до заключения контракта. Когда контракт подписан и мы получили определенный процент, указывается точное место погребения. Дельцы нанимают несколько водолазов и выходят с ними в море. Для контроля с ними выходит и наш водолаз. Если судно обнаружено, учитывается степень его доступности. А дальше — как пожелает предприниматель: судно можно поднять и целиком,— а вдруг оно после восстановления еще сможет плавать,— или разрезать и поднять только ценные металлы. Тут контракт подвергается дополнительному изучению. Ведь может быть и так, что мы продешевили, а это всегда неприятно...

— А если продешевили ваши «предприниматели»?— поддразнил его Лидумс.

— Ну, покупатель берет на себя «олл рискс», как говорится, то есть все неприятности!— усмехнулся Джон.

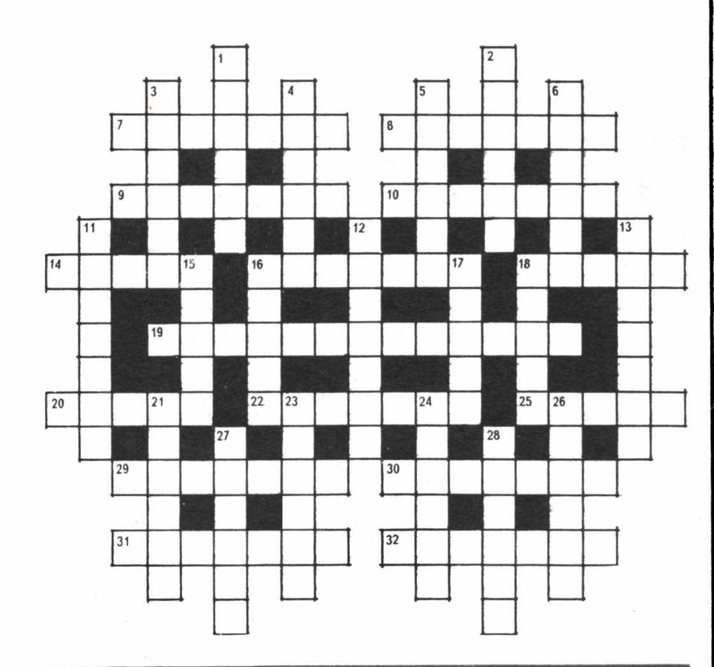
Тут он вдруг заторопился, позвал официанта. Расплатившись, он снова насел на Лидумса:

— О парашютах я вам советую забыть! Я позвоню начальнику базы, чтобы он отыскал вам развлечение побезопаснее!

— И не думайте! — рассердился Лидумс.— Я должен вернуться на родину, и очень возможно, что парашютный прыжок окажется единственно надежным путем! Можете рассказать Маккибину и полковнику Скотту, что они имеют честь держать у себя на службе судовладельца, это пока ничего не меняет в моей судьбе, но о себе сам позволите позаботиться мне!

Джон вздохнул, но оглядел Лидумса с явным восхищением. Этот «викинг», как его называла Нора, не мог не вызывать уважения у цивилизованного человека. Конечно, его поступки были дики, но в них чувствовался характер, которым современные англичане похвастать не могли...

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Столица европейского государства. 8. Русский певец. 9. Крупное соединение военных кораблей. 10. Основной вид графики. 14. Велосипед с мотором. 16. Морское млекопитающее. 18. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 19. Русский мореплаватель. 20. Безлесное пространство. 22. Экипаж судна. 25. Незаконченная поэма А. С. Пушкина. 29. Танец. 30. Первый журнал пионеров нашей страны. 31. Перечень предметов в определенном порядке. 32. Поток воды, падающей с высоты.

По вертикали: 1. Дерево семейства буковых. 2. Порт в Великобритании. 3. Французский композитор. 4. Литовский писатель. 5. Настольная игра. 6. Река, впадающая в Рыбинское водохранилище. 11. Кондитерское изделие. 12. Литературный жанр. 13. Породообразующий минерал. 15. Механизм для вращения сверл. 16. Птица. 17. Духовой инструмент. 18. Областной центр в Белоруссии. 21. Насыщенный углеводород, топливо. 23. Спутник планеты Уран. 24. Разговор. 26. Приток Енисея. 27. Осветительный прибор. 28. Донесение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 5. Таджикистан. 8. Балерина. 9. Индуктор. 10. Неман. 12. «Игрок». 14. Портрет. 17. Терем. 18. Глава. 21. Соловей. 24. Жираф. 26. Нефть. 27. Манитоба. 28. Золотник. 29. Колокольчик.

По вертикали: 1. Капрон. 2. Пифагор. 3. Цилиндр. 4. Батуми. 6. Ракета. 7. «Хорошо!». 11. Антенна. 13. Гливице. 14. Пресс. 15. Тонио. 16. Толай. 19. Климат. 20. Боткин. 22. Лопатка. 23. Вензель. 25. Футбол. 26. Неолит.

На первой странице обложки: Флаги пятнадцати советских социалистических республик развеваются перед Кремлевским Дворцом съездов.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Снежный гриб.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00457. Сдано в набор 18/XI-69 г. Подп. в печ. 1/XII 69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2312. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3148.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ГРОЗНЫЙ СМЕХ

Всем возрастам понятно...

Именно этими емкими словами Владимира Маяковского точнее всего можно озаглавить заметки о международной выставке «Сатира в борьбе за мир». Смех грозный, бичующий, испепеляющий обрушили прогрессивные художники-сатирики на заправил Пентагона, на реваншистов с берегов Рейна, на всех, кто хочет разговаривать с человечеством людоедским языком напалма и смертоносных газов.

Рассекающий бомбу карандаш — такова эмблема выставки. И каждый плакат, каждая карикатура, каждый рисунок, выставленные в залах Академии художеств СССР, красноречиво показывают, сколь сильным орудием борьбы за мир становятся карандаш и кисть в руках талантливых сатириков, ненавидящих войну и ее вдохновителей.

Подолгу всматриваются посетители в шедевры политической сатиры, даже в такие знакомые по многочисленным репродукциям и периодической печати работы, как лаконичная кукрыниксовская карикатура «Далеко не уедешь», изображающая НАТО в виде расчлененной на части клячи, или выразительный триптих американца Антона Рефрежье «За мир!».

А вот едкая карикатура вьетнамского художника Фан Вонга. Американский бизнесмен с планом эскалации войны в портфеле самодовольно спрашивает: «Как вы оцениваете воздушные силы США?» Ему отвечают: «Весьма высоко!» и указывают на высоченную гору обломков сбитых в небе Вьетнама американских самолетов.

Уже один только список лауреатов выставочного конкурса убедительно подтверждает, что московская выставка — необычайно представительная и поистине международная. Датчанин Херлуф Бидструп, француз Жан Эффель, итальянец Рауль Вердини, болгарин Цветан Цеков-Карандаш, поляк Эрик Липинский, венгр Андраш Мессарош, монгол Турунбатор, художник из ГДР Луис Раувольф, советские мастера сатиры Б. Ефимов, Б. Пророков, Ю. Ганф, И. Семенов, Е. Шукаев, В. Брискин — вот далеко не полный перечень участников выставки, удостоенных почетных премий, призов и наград. Среди премированных художников мы встречаем имена украинца В. Литвиненко, грузина И. Ломидзе, представителей всех национальных республик Советского Союза. Отрадный факт!

Очень радует, что одну из первых премий жюри конкурса присудило Союзу художников Демократической Республики Вьетнам. В этом видишь еще одно весомое свидетельство жизнеспособности и наступательного духа, присущих расцветающему искусству борющегося вьетнамского народа.

Выставка наглядно знакомит москвичей с новыми именами. Скажем, впервые мы увидели выполненные в весьма самобытной манере карикатуры чилийского художника Освальдо Саласа. Мишени, по которым они бьют, понятны без всякого текста.

Мастерство художников-сатириков растет. Это особенно видно на примере большинства карикатур, отмеченных портретным сходством со своим прототипом. И становится еще более понятным, почему гитлеровских приближенных приводили в бешенство карикатуры Бидструпа, Кукрыниксов и других художников, нашедших точные приметы этих «персонажей». Да и сейчас многие благополучно здравствующие враги мира пытаются бороться с карикатуристами путем запросов в парламентах и официальных протестов.

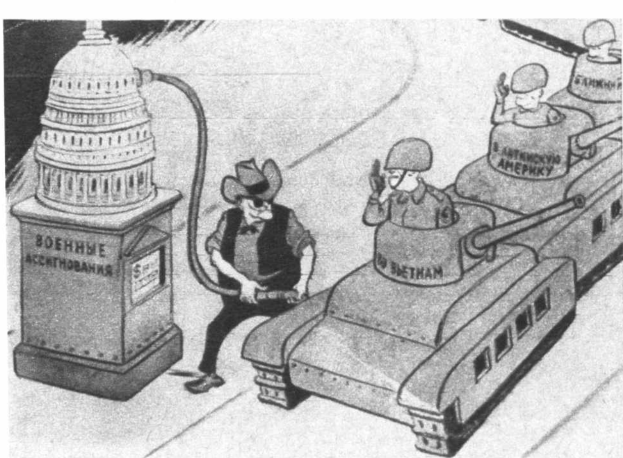
Проходя по выставочным залам и наблюдая реакцию посетителей, на чьих лицах веселая улыбка часто сменяется сурово сжатыми губами, вспоминаешь слова Н. Г. Чернышевского о том, что истинная сатира не просто смешит публику, а порою заставляет содрогнуться. Да, многие работы художников, особенно те, что показывают бесчеловечный лик милитаризма и его сегодняшние бесчинства на вьетнамской земле и на Ближнем Востоке, вызывают содрогание. А это значит — они удесятеряют ненависть к врагам мира.

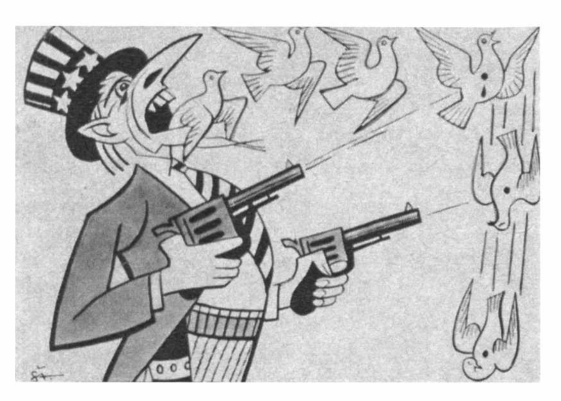
Вот в чем главная ценность выставки, воочию показавшей, насколько плодотворны для истинного таланта прогрессивные идеи борьбы с врагами мира. Спасибо сражающимся во имя мира художникам-сатирикам за точный, безошибочный выбор цели и меткую, без промаха, стрельбу!

Цезарь СОЛОДАРЬ
Фото Г. Макарова.

Б. Ефимов (РСФСР). Заправочная колонка.

О. Штембера (Чехословакия). Слова и поступки.

А. Рефрежье (США). Напалм.

Г. Анастасов (Болгария). Бандиты в Латинской Америке.

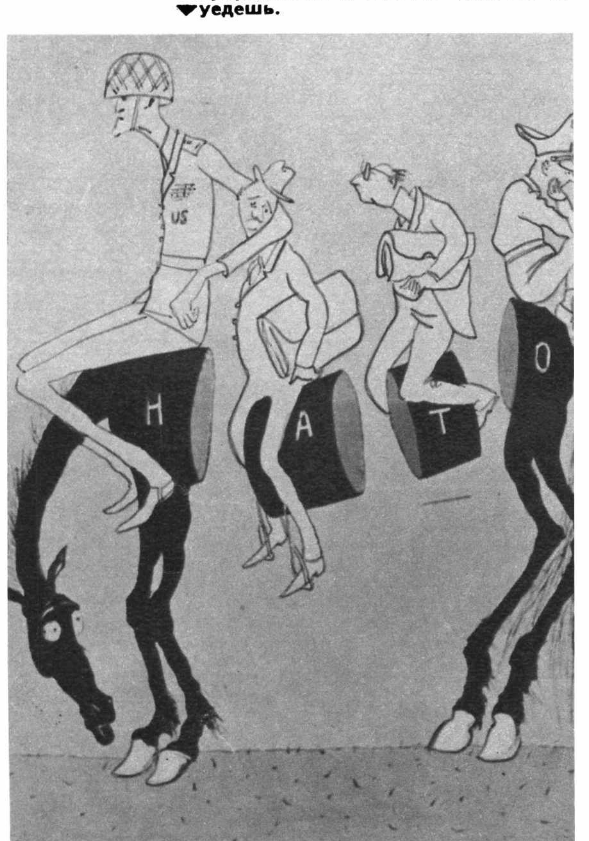
Жан Эффель (Франция). На каске написано: «Европейское оборонительное сообщество».

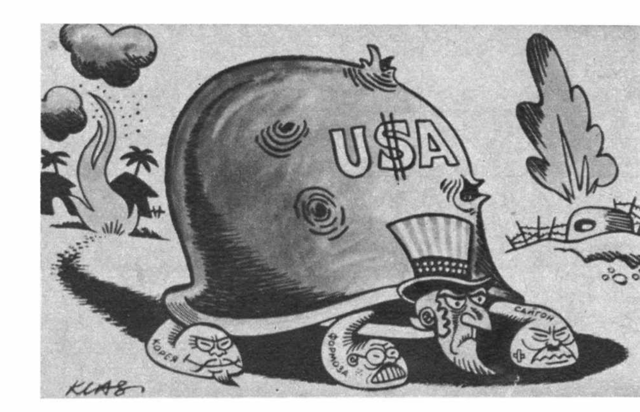
К. Иргал (ГДР). Ваши руки коротки.

Кукрыниксы (РСФСР). Далеко не уедешь.

О. Ращупкин (Казахская ССР). Песня о мире.

А. Клас (Югославия). Путь победы.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.